

76915

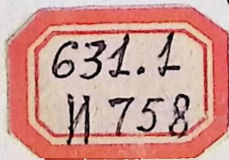

Г. В. ИОФФЕ

СЕЛЬСКОЕ
ХОЗЯЙСТВО
НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ:
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ

• НАУКА •

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ

USSR ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF GEOGRAPHY

PROBLEMS
OF CONSTRUCTIVE
GEOGRAPHY

G.V. IOFFE

AGRICULTURE
IN THE NONE-CHERNOZEM
AREA:
REGIONAL PROBLEMS

Responsible editor
V.A. PULJARKIN,
D. Sc. (Geogr.)

MOSKOW · NAUKA · 1990

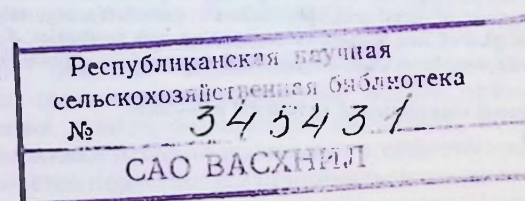
76915
41758
631.111
ПРОБЛЕМЫ
КОНСТРУКТИВНОЙ
ГЕОГРАФИИ

Г.В. ИОФФЕ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ:
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ

Ответственный редактор
доктор географических наук
В.А. ПУЛЯРКИН

8

МОСКВА · НАУКА · 1990

Сельское хозяйство Нечерноземья: территориальные проблемы / Г.В. Иоффе. М.: Наука, 1990. 164 с. ISBN 5-02-003387-1

В монографии показаны территориальные сдвиги в сельскохозяйственном производстве Нечерноземной зоны РСФСР. Доказана их обусловленность социально-географическими факторами. Территориальная проблема определена как относительная избыточность земельного ресурса по сравнению с возможностью полноценно задействовать его в производстве. Изучены экономические последствия территориальной проблемы и потенциальные возможности ее решения.

Для специалистов в области сельского хозяйства, разработчиков комплексных и отраслевых схем размещения производительных сил, географов.

Табл. 44 Ил. 29 Библиогр. 150 назв.

Редколлегия:

В.М. КОТЛЯКОВ (председатель),
В.С. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ (зам. председателя),
Л.С. АБРАМОВ (зам. председателя),
Э.Б. АЛАЕВ, Н.И. КОРОНКЕВИЧ, А.Н. КРЕНКЕ,
Г.М. ЛАППО, В.Г. ХОДАКОВ

Рецензенты: А.Г. Агранат, Б.С. Жихаревич

Редактор издательства Н.А. Рагозина

Agriculture in the Non-chernozem area: regional problems / G.V. Ioffe. M.: Nauka, 1990. 164 p. ISBN 5-02-003387-1

The monograph analyzes the regional shifts in agricultural production of Russian Non-chernozem area. The importance of social-geographic factors is proved. The regional problem is determined as a relative surplus of land resources in comparison with possibilities of their use in agricultural production. Also considered the economic consequences of the regional problems and ways to desolve them.

For specialists in territorial organization of agricultural production.
Tabl. 44. Il. 29. Ref. 150.

3 702 000000-228
042(02)-90 658—90.1 полугодие

© Издательство "Наука",
1990

ISBN 5-02-003387-1

ВВЕДЕНИЕ

Власть наследия, доставшегося современности от хозяйственного развития, может быть сильнее всей природной обстановки в отношении строя и производительности сельского хозяйства.

А.Н. Челинцев, 1910

У нас вообще слишком много значения придают... машинам и орудиям, тогда как машины самое последнее дело. Различные факторы, по их значению, идут в таком порядке: прежде всего хозяин, потому что от него зависит вся система хозяйства, и если система дурна, то никакие машины не помогут; потом работник, потому что в живом деле живое всегда имеет перевес над мертвым...; потом лошадь, потому что на дурной лошади плуг окажется бесполезным; потом уже машины и орудия. Но ни машины, ни симментальский скот, ни работники не могут улучшить наши хозяйства. Улучшить их могут только хозяева.

А.Н. Энгельгардт, 1873

Нечерноземье России — это 9650 колхозов и совхозов, свыше 46 млн га сельскохозяйственных угодий, в том числе 32 млн га пашни, это личные подсобные хозяйства, производящие на 2% угодий четверть всей сельскохозяйственной продукции в стоимостном выражении. На долю региона приходится 1/5 валового сбора зерна, 1/3 овощей, 1/2 картофеля, 1/5 плодов и ягод и почти все льноволокно, 31% мяса, 42% яиц, производимых в Российской Федерации (Нечерноземье. 1988. № 7. С. 2).

Как объект планирования и управления Нечерноземная зона РСФСР была выделена в начале 70-х гг. в целях преодоления неблагоприятного положения в сельском хозяйстве, вокруг которого позднее сложилась организационная структура АПК.

Будучи основой жизнеобеспечения, современное сельское хозяйство тесно связано с другими видами деятельности и землепользования, с воспроизводством населения. По мере того как эта связь и ее живая история проникают в общественное сознание, сельское хозяйство перестает восприниматься как замкнутая сфера, находящаяся на попечении отдельного ведомства. И хотя в данном конкретном случае такое ведомство возникло как раз недавно¹, само упоминание географического названия "Нечерноземная зона РСФСР" уже не вызывает только аграрных ассоциаций. О Нечерноземье говорят

¹ Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 февраля 1988 г. образован союзно-республиканский Агропромышленный комитет Нечерноземной зоны РСФСР. Он создан на организационной базе бывшего Главчерноземводостроя Совета Министров РСФСР и Минводхоза.

как об исконной жизненной среде русского этноса и централизованного русского государства, как о средоточии 1/4 горожан страны. Такое расширение рамок географического понятия не осталось без последствий и для его первоначальной, сельскохозяйственной, основы. Судьба сельского хозяйства Нечерноземья все больше отождествляется с судьбой России, переживающей эпоху перестройки.

Первая целевая региональная программа развития Нечерноземной зоны РСФСР была принята в 1974 г.² В настоящее время реализуется уже четвертая программа, рассчитанная на 1988—1995 гг. и принятая до истечения срока действия предшествующей³.

Казалось бы, изученность территории, в пределах которой только за 12 лет (1976—1987 гг.) освоено 98 млрд руб. капиталовложений сельскохозяйственного назначения, не может не быть высокой. Но при ближайшем рассмотрении убеждаешься, что эта действительно высокая изученность носит отпечаток разобщенности научных сил — своеобразного порождения ведомственности. С одной стороны, редкостное изобилие публикаций, с другой — искусственное рассредоточение комплексной проблематики между работами по меньшей мере двух слабо контактирующих друг с другом направлений — агропроизводственного и социально-демографического.

Каждое из этих направлений дает примеры глубоких исследований, таких, например, как "Агропроизводственное и сельскохозяйственное районирование Нечерноземной зоны Европейской части РСФСР" под редакцией Н.А. Гвоздецкого и К.В. Зворыкина [1987] и "Градостроительные основы развития малых населенных мест Нечерноземной зоны РСФСР" [Марков и др., 1984], особенно выделяющихся своей детальностью, благодаря дробной сетке членения территории и коллективным усилиям по ее информационному обеспечению. Ценный опыт изучения двух разных сторон сельской действительности содержится и в других работах, например в монографии В.Г. Крючкова [1987], в цикле сборников под общим названием "Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья" [1983, 1985, 1987]. Однако этот опыт не уравнивается практикой комплексных исследований, построенных на сочетании и субординации социальных и производственных аспектов, отражающей характер их взаимодействия в реальной жизни. Такая диспропорция не может не сказываться на научном обосновании программ развития Нечерноземья, а в конечном счете и на их эффективности. Желание содействовать прогрессу не всегда "ходит в паре" со знанием реальных процессов и механизмов развития.

Конечно, неудачи в реализации государственных программ развития Нечерноземной зоны одним состоянием аграрной науки объяс-

нить нельзя. Состояние науки всегда отражает социальный заказ на одни исследования и отсутствие такового на другие. Наличие заказа — неперенный атрибут всех официально признанных научных направлений, включая и те, которые позднее квалифицируются как "ложные".

Но не только внешняя мотивировка научных работ страдает изъятием. Дают о себе знать стереотипы. На наш взгляд, у агропроизводственного направления в этом качестве выступает абсолютизация природной обусловленности территориальных различий в сельском хозяйстве. Предшествующий опыт хозяйственного развития и поляризующее влияние городов недооцениваются. Такая недооценка остро критиковалась теоретиками русской производственно-организационной школы и была ими преодолена, однако она возобладала вновь на волне установления в деревне социально однородного колхозного строя.

Иной стереотип довлеет над специалистами социально-демографического направления, начавшими активно заниматься Нечерноземьем лишь накануне первого партийно-правительственного постановления о развитии сельского хозяйства зоны, когда современная демографическая обстановка была уже в основном predetermined. Это убежденность в непосредственной управляемости социальных процессов, в безграничной мобильности рабочей силы и в том, что "капиталовложения рождают население" [Козлов, 1985].

Работы по оптимальному размещению сельского хозяйства и сельского строительства явились продуктом "скрещивания" двух названных стереотипов. Эти работы бурно развивались в конце 60-х гг. и поначалу вызвали большие надежды. Предписывающие "что и где сеять", исходя из некоторого глобального оптимума, они, как всякие идеальные модели, обладали эвристической ценностью. Но недоучет ограничений, вытекающих из слабой управляемости такими процессами, как миграция, сузили сферу их практического применения. Жизнь предписаний и реальная жизнь шли как бы в параллельных, непересекающихся плоскостях. И если "развитие идей о развитии города и его реальное развитие складываются под влиянием несколько различных закономерностей" [Филина, 1985. С. 58], то в еще большей степени это оказалось характерным для села.

Поскольку "природа не терпит пустоты", выдачей рецептов комплексного преобразования сельской жизни активно занялись профессиональные писатели и публицисты. Большие мастера своего дела, они отлично знают село изнутри. Однако жизненный опыт и благонамеренная наблюдательность, помноженные на литературное мастерство, все же не всегда могут заменить систематические исследования, и ввиду недостатка таковых публицистика часто идет тропой, проторенной обыденным мышлением. Эмоциональное неприятие запустения обширной сельской периферии выдвинуло на первый план одни рецепты, такие, например, как всемерное содействие заселению Нечерноземья, помощь убыточным хозяйствам, и оттеснило другие, подсказываемые мировым опытом. Но если корень зла в малолюдье

² О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 20 марта 1974 г. М.: Политиздат, 1975.

³ О дальнейшем развитии и повышении эффективности сельского хозяйства и других отраслей АПК Нечерноземной зоны РСФСР в 1986—1990 гг. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Сборник постановлений № 20, 1985.

как таковом, а подготовившая его миграция — "чистый" результат административного насилия и отставания в социальном обустройстве села, то почему же во многих странах, не претерпевших тягот сплошной коллективизации и обеспечивших своему селу благоустроенный быт, людей в сельском хозяйстве занято не больше, а меньше, чем в нашем многострадальном Нечерноземье? Или не дорога им крестьянская традиция? А может быть, у самого размещения населения есть свои исторические закономерности, или оно напрямую вытекает из требований производства? Если же такие закономерности есть, то как реагирует на них государство? Борется с ними или, напротив, приспособливается?

Вопросов много, была бы только потребность их задавать, потребность в сомнении, в новом взгляде на вещи. Готовность к выдаче скороспелых практических указаний, возможно, и оправдана, когда речь идет о решении рутинных агротехнических задач. Но для выработки долговременной социально-хозяйственной стратегии требуется иное. Здесь не обойтись без обстоятельного, непредвзятого анализа пройденных путей, не скованного пространственными и временными ограничениями. Ведь история Нечерноземья началась задолго до 1974 г., а его проблемы, при более детальном рассмотрении других регионов и стран, оказываются не столь уж и уникальными.

Разумеется, было бы самообольщением полагать, что своим исследованием мы ответим на все вопросы и враз восполним имеющиеся пробелы. Но, во всяком случае, признание их существования служило для нас отправной точкой и определило направленность книги.

Территориальная проблема Нечерноземья — абстракция, возникшая в процессе данной работы, тот общий знаменатель, к которому удалось свести конкретные, непосредственно воспринимаемые проблемы сельской местности: значительные контрасты в выходе продукции с единицы угодий, депопуляция сельской периферии, забрасывание земель, низкая эффективность капиталовложений.

Непредвзятость как требование к анализу этих проблем означает прежде всего уклонение от априорных оценок, к которым мы так часто прибегаем в повседневной жизни. Многое из того, что однозначно кажется хорошим или плохим, позитивным или негативным, вредным или полезным, допускает рассмотрение с нейтральных естественноисторических позиций. При таком подходе выставление отметки на шкале "хорошо—плохо" если и имеет значение, то, во всяком случае, не главное, вторичное, не такое существенное, как при эмоциональном восприятии действительности. В этом, на наш взгляд, одно из тех отличий науки от обыденного мышления, которым общественная наука (удовлетворяющая социальному заказу своего времени) подчас пренебрегает.

Последовательность изложения мы постарались построить так, чтобы она отображала логику исследования. Первая глава — это взгляд на регион в рамках всей Европейской территории страны. Метод географических сопоставлений, освоенный в этой главе, в дальнейшем применяется на более низком уровне генерализации,

когда первичной информационной ячейкой служит сперва область (АССР), затем административный район⁴. Этому посвящена вторая глава.

Как в первой, так и во второй главе объектом сопоставлений служит сельское хозяйство, ограниченное рамками так называемого общественного сектора. Вся информация и все статистические выкладки, за исключением тех случаев, когда специально оговорено иное, относятся к колхозно-совхозному производству. Поскольку в ходе анализа выявляется большое воздействие, которое оказывают на размещение производства изменения в географии населения, третья глава целиком посвящается анализу этих изменений. В обобщающей четвертой главе изложена трактовка управления территориальной организацией производительных сил сельскохозяйственной местности, выработанная на основе научных результатов предшествующих глав, изучения отечественного и зарубежного опыта.

Авторская позиция сформировалась на базе опыта многомерного статистического анализа и полевых наблюдений. Но наряду с этим на нее повлияло ознакомление с трудами других специалистов, как тех, чьи взгляды автор разделяет, так и тех, с которыми он в чем-либо не согласен. Из современных отечественных авторов это прежде всего А.И. Алексеев, В.Р. Беленький, Ж.А. Зайончковская, С.А. Ковалев, Г.С. Козлов, Г.М. Лаппо, А.М. Лола, В.Г. Крючков, Е.М. Марков, Б.П. Панков, И.А. Портянский, О.С. Пчелинцев, А.Н. Ракитников, Б.Б. Родоман, А.И. Трейвиш. Из зарубежных авторов в этом ряду отметим польских специалистов П. Корцелли (Korcelli) и П. Эберхардта (Eberhardt), канадских С. Бриана (Bryant) и Л. Бурна (Bourne), британского П. Холла (Hall).

Автор выражает признательность Б.С. Жихаревичу и Д.Г. Пинесу за большую помощь в работе.

⁴ К сожалению, на базе имеющейся информации только в границах административных единиц удастся обеспечить сопряженность агропроизводственных и социальных показателей.

Глава 1

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЫ РСФСР В СВЕТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Читатель, черпающий знания о сельском хозяйстве из газет, журналов, многократного пребывания "на картошке", уже свыкся с мыслью, что Нечерноземье России — регион отстающий: здесь невысокие урожаи, малолюдь, Нечерноземью помогает вся страна. Сложилось определенное клише, существующее независимо от породивших его оснований и тем самым затрудняющее проникновение в суть проблемы.

Попытаемся же, ничего изначально не подвергая сомнению, но и не идя на поводу у слишком привычных представлений, выявить, отстают ли в самом деле Нечерноземье России, а если да, то от кого, насколько, в чем это отставание выражается, когда оно возникло? Сделать это помогут межрегиональные сопоставления, из которых только и можно вынести суждение о ситуации в том или ином регионе. Между прочим, именно на таких сопоставлениях, при всей их условности, как правило, строятся выводы, способные повлиять на распорядителей материально-финансовых ресурсов.

Для автора задача сравнительного анализа актуальна и в силу его профессиональной принадлежности. Замечено, что макрогеографические пропорции могут дать ключ к пониманию и типизации внутренней структуры каждого из сопоставляемых регионов. Такова естественная преемственность уровней генерализации в географическом исследовании, установленная классиками науки [Баранский, 1980].

Конечно, если довести идею этой преемственности и, следовательно, иерархии масштабов исследования до логического конца, можно всякий региональный анализ начинать с характеристики всего земного шара, что отнюдь не будет порочным исследовательским приемом. Мы, однако, ограничимся Европейской территорией СССР (ЕТС), занимающей площадь около 5 млн км².

На ЕТС граница зоны с относительно благоприятными природными условиями примерно совпадает с шестидесятой параллелью, к северу от которой располагается четверть ее земельного фонда, в том числе не более 6% пашни. По общепланетарной шкале биологической продуктивности СССР уступает зарубежной Европе в 1,2—2 раза [Шашко, 1985]. С учетом распределения пахотных земель можно предположить, что по отношению к ЕТС превосходство зарубежной

Европы в рассматриваемом аспекте не столь высоко и, вероятно, не выходит за пределы 20—40%.

На Нечерноземную зону РСФСР приходится значительная часть агроресурсного потенциала ЕТС: 24,3% сельскохозяйственных угодий, в том числе 24,6% пашни, 22,1% основных производственных фондов и 23,2% занятых в сельском хозяйстве в среднесписочном исчислении.

Членение ЕТС проведено исходя из наиболее генерализованного представления об однородных сельскохозяйственных регионах. Меньше других этому представлению отвечает как раз российское Нечерноземье. Однако на первом этапе анализа для нас существенно рассматривать его как единое целое с изъятием лишь Мурманской обл., территории с экстремальной естественно-географической средой. По той же причине из числа сопоставляемых регионов исключена Молдавия.

Ниже сопоставляются данные по Нечерноземной зоне РСФСР, Украине, а также по Белорусскому, Прибалтийскому (без Калининградской обл.), Центрально-Черноземному, Поволжскому и Северо-Кавказскому экономическим районам.

Очевидно, что столь непохожие друг на друга регионы различаются по обеспеченности всеми составляющими агроресурсного потенциала. И хотя естественное плодородие, трудо- и фондообеспеченность влияют на продуктивность сельского хозяйства не порознь, дифференцирующее значение каждого из этих компонентов (как бы при прочих равных) меняется со временем. Скажем, на каком-то этапе самым важным фактором межрегиональных различий в выходе продукции с единицы угодий могла быть естественно-географическая среда, а на другом главенствующее место может занять фондооснащенность. Но и в пределах одного и того же временного среза специализация сельского хозяйства может сглаживать дифференцирующее воздействие тех или иных производственных факторов на продуктивность сельского хозяйства. Все это сильно усложняет задачу проведения корректных географических сравнений, но не делает ее нерешаемой.

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Руководствуясь понятийно-терминологической систематикой Э.Б. Алаева [1977], зарезервируем за "факторами" значение непосредственных участников производственного процесса (компонентов производственной системы), а за "условиями" — совокупность взаимосвязей, внешних по отношению к факторам и к производственной системе в целом. При таком подходе в роли факторов сельскохозяйственного производства выступают естественная продуктивность земель, трудо- и фондообеспеченность сельского хозяйства, а в роли условий — характер общественных отношений на селе и формы организации производства, характер расселения, собственно сельскохозяйственная освоенность территории, инфраструктурная насы-

Таблица 1

Некоторые характеристики освоённости территории регионов Европейской части страны (1986 г.)

Регион	Плотность населения, чел./км ²	Плотность сельского населения, чел./км ²	Плотность железных дорог, км/тыс. км ²	Плотность автодорог общего пользования с твердым покрытием, км/тыс. км ²	Доля городского населения, %	Доля каркасных территорий*, %	Среднее расстояние между городами, км
Нечерноземная зона РСФСР	22,1	4,5	12,6	51,1	79,9	11,1	74,3
То же, без Мурманской, Архангельской обл. и Коми АССР	32,8	6,5	18,6	65,1	79,9	16,9	59,0
Поволжье	30,0	8,3	18,5	52,8	72,2	14,8	74,0
Центрально-Черноземный район	45,6	18,8	27,4	115,6	58,8	25,9	58,5
Северный Кавказ	46,0	19,7	14,3	115,5	57,2	17,5	65,3
Белоруссия	46,3	20,3	26,6	184,7	63,1	27,6	46,0
Украина	82,7	31,4	37,6	240,6	66,1	31,7	37,8
Республики Прибалтики	56,2	13,6	31,1	286,9	59,3	34,8	31,1

*По методике и расчетам А.И. Трейвиша [1987, 1987а] к каркасным отнесены территории промышленных, городских и промышленных-городских агломераций (выделенных Г.М. Лаппо и П.М. Поляном), больших (> 100 тыс. жителей) городов и зон их влияния, ограниченных по часовой изохронной нетто-доступности, значительных промышленных узлов, полосы вдоль важнейших магистралей и полимагистралей шириной от 5 до 20 км.

ценность, контурность, мелиоративное состояние угодий и технический уровень средств труда. Как можно предположить исходя из этого наверняка неполного перечня, некоторые из названных условий отличаются меньшей, другие — большей степенью территориальной однородности. К числу последних относятся общественные отношения на селе, формы организации производства, а учитывая существовавшую до сих пор систему фондирования сельскохозяйственной техники, и качество этой техники и уровень ее эксплуатационной надежности.

Проведем региональные сопоставления доступных индикаторов территориально дифференцированных условий ведения сельского хозяйства.

Как видно из табл. 1, основные различия в освоённости наблюдаются между российскими и лежащими к западу от них регионами ЕТС. Они особенно заметны при анализе распределения плотности автодорог и междугородных расстояний. В пределах же европейской России "замыкающее" положение занимают Нечерноземная зона (НЧЗ) и Поволжье. Весьма существенным условием ведения сельского хозяйства является сочетание низкой плотности населения, высокой доли городского населения и больших междугородных расстояний. Такое сочетание говорит о том, что сельское хозяйство, как и любой внегородской вид деятельности, развивается в НЧЗ и в Поволжье как бы в разреженном социальном пространстве.

Существует распространенное мнение, согласно которому эта "разреженность", малолюдье суть следствия экономических и политических обстоятельств новейшего времени. Между тем из доступных статистических источников следует, что и сто (и более) лет назад в распределении плотности населения, транспортных путей и всей экономической деятельности прослеживался ярко выраженный западный градиент. Фиксирующие эти явления показатели довольно таки монотонно повышались с востока на запад, от низшей отметки в Поволжье до максимума на стыке Германии, Франции и Бенилюкса.

Работы А.И. Воейкова [1906], В.И. Ламанского [1892], П.П. Семенова-Тян-Шанского [1892], А.Н. Челинцева [1910] с разных сторон отражают названную закономерность, а образные определения европейской России как "среднего мира Евразии" (В.И. Ламанский), как "перепутья из городской Европы в чисто сельскую Азию" (П.П. Семенов-Тян-Шанский) всегда имели не только культурно-этнический, но и социально-географический смысл.

По данным Ю.Э. Янсона, в 1870 г. на 89,9% территории европейской части нашей страны плотность населения не превышала 2 чел. на квадратную милю, причем на этой редкоселенной территории проживало 70% ее населения. Аналогичны показатели для Германии того времени — 9 и 3,5%, Австро-Венгрии — 20 и 8,8%, Франции — 6,6 и 3,0%, Великобритании — 22,0 и 4,0%. "В России, — писал Ю.Э. Янсон, — вовсе нет местностей с таким густым населением, какое занимают в названных государствах от 1 до 15% пространства; напротив, на 9/10 всего пространства России население так слабо, как в Западной

Европе на пространстве от 1/5 до 1/15. Даже местности с средней густотой населения, составляющие в Европе от 63 до 91% площади, составляют в России всего 9% или 1/10 часть территории. В европейской России наиболее густое население, соответствующее средней населенности Западной Европы, тянется полукругом, полосой более широкой в западной части, от Москвы через Курск, Киев и Варшаву. От этой полосы во все стороны население редет более или менее быстро и достигает самого слабого отношения к пространству на крайнем севере, в Заволжье и Прикаспийской низменности" [Янсон, 1878, С. 21—23]. И в настоящее время плотность населения ЕТС и коррелирующая с ней густота основных дорожных сетей примерно в 3 раза ниже, чем в зарубежной Европе, хотя в 8—10 раз выше, чем на востоке СССР. Лишь две-три единицы ранга крупных экономических районов и союзных республик и с десятков единиц областного ранга сравнимы в данном отношении с зарубежной Европой. По густоте же автодорог с твердым покрытием одна лишь Эстония близка к уровню развитых европейских стран [Трейвиш, 1987а].

По-видимому, ряд внешних условий экономической деятельности является производным не столько от обстоятельств и потрясений, воплощенных в таких привычных для нашего исторического сознания понятиях, как "крепостное право", "революция", "НЭП", "коллективизация", "застойный период", сколько от типа заселения и освоения пространства, не подверженного скоротечным изменениям. Автор сознает, что такое предположение отдает географическим детерминизмом. Но одно дело географический детерминизм в философии и политической экономии и совсем другое — в рамках самой географии, для которой он равносильно профессиональному углу зрения. Именно под этим углом зрения усматривается удивительная устойчивость некоторых соотношений. Возьмем соотношение плотности железных дорог в наиболее обширных европейских странах более ста лет назад, когда сеть дорог еще не сложилась, и в настоящее время (табл. 2). В 1874 г. пропорция имела вид 10,0:6,6:1 а в 1982 г. — 11,0:5,7:1.

Если учесть определенное несовпадение границ соответствующих стран на две сопоставленные даты, то можно заключить, что изменение пропорций плотности железнодорожной сети оказалось крайне незначительным.

Вполне естественно, что территориальные различия в инфраструктурной насыщенности и плотности населения не могли не привести и к различиям в интенсивности использования земель, в том числе сельскохозяйственного. Взяв индикаторы этой интенсивности — число голов скота на 100 га пашни и урожайность зерновых, можно убедиться, что территориальные пропорции устойчивы и в этом случае (табл. 3).

Все это позволяет утверждать, что западно-восточный градиент освоенности в пределах европейской территории нашей страны служит лишь фрагментом исторически унаследованной континентальной экономико-географической закономерности.

Таблица 2

Протяженность железных дорог на 1000 км²

1874	Германия	Франция	Европейская Россия
	3	2	0,3
1982	ГДР и ФРГ	Франция	Европейская часть СССР
	120,1*	62,5	10,9

* Средневзвешенные данные

Источники: [Янсон, 1878]; Народное хозяйство СССР в 1982 г. М.: Финансы и статистика, 1983. 353 с.; Geographische Rundschau. 1987. N 6. S. 364.

Таблица 3

Интенсивность использования сельскохозяйственных земель

Годы	Страны	Урожайность зерновых, ц/га	Плотность скота на 100 га пашни, усл. голов**
1870—1874	Германия	22,0	170
1870—1874	Франция	22,0	87
1870—1874	Европейская Россия	8,7	53
1981—1985	ФРГ и ГДР	46,1*	300*
1981—1985	Франция	52,4	154
1981—1985	Европейская часть СССР	18,0	90

* Средневзвешенные данные.

** Статистические веса, использованные при переводе в условные головы: крупный рогатый скот — 1, лошади — 1,5; свиньи — 0,25; овцы — 0,1.

Рассчитано по: [Янсон, 1880], Брокгауз и Ефрон. Т. 54. С. 16; Гранат. Т. 45. Ч. 1 (статистические таблицы по хозяйственному развитию Франции).

Таблица 4

Некоторые характеристики сельскохозяйственной освоенности территории регионов Европейской части страны (1984 г.)

Регион	Доля сельскохозяйственных угодий, %	Распаханность сельскохозяйственных угодий, %	Доля мелиорированных угодий, %
Нечерноземная зона РСФСР	16,5	68,0	10,0
Белоруссия	46,4	64,4	27,0
Республики Прибалтики	40,5	67,1	33,7
Поволжье	75,0	62,0	3,7
Украина	69,5	81,5	11,0
Сезерный Кавказ	71,3	64,3	7,0
Центрально-Черноземный район	80,0	82,1	3,3

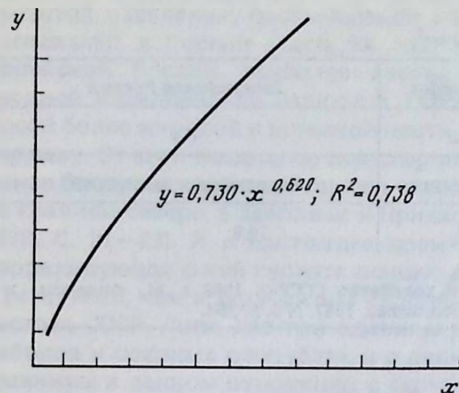

Рис. 1. Зависимость численности сельского населения (по оси x) областей и АССР Нечерноземной зоны РСФСР от численности городского населения (по оси y) в расчете на 1 км² территории (1986 г.)

В свете этой закономерности по-новому воспринимается сопоставление удельной (на единицу площади) продуктивности хозяйства западных и восточных районов ЕТС, причем не только сельского хозяйства. Во всяком случае понижающаяся в восточном направлении ресурсообеспеченность в расчете на единицу угодий (табл. 4) из первопричины превращается в промежуточное следствие. Первопричиной же оказывается характер опорной базы сельскохозяйственного освоения, в роли которой всегда выступали города и магистрали, различия в густоте расположения которых не сглаживаются в течение столетий.

Существует и такое, обычно не принимаемое во внимание условие ведения хозяйства, как характер размещения населения в сельской местности. С помощью регрессионного анализа можно установить, что в целом по совокупности областей ЕТС число сельских жителей на 1 км² на 57% объясняется плотностью городского населения и лишь на 25% значимостью сельского хозяйства в сфере приложения труда. Колебания занятости в сельском хозяйстве в силу его повсеместного распространения в сельской местности играют, как видно из этих данных, меньшую роль. Наиболее же существен первый признак — плотность городского населения. Характер его статистической связи с плотностью сельского населения свидетельствует, что чем больше людей (в той или иной области) проживает в городе, тем многолюднее там и в деревне. При объяснении этой ситуации можно сослаться на явление гравитации в социальном (а не только в физическом) пространстве, впервые отмеченное еще в конце 20-х г. (см. например, [Мерлен, 1977. С. 200]). Можно также предположить, что ЕТС находится на определенной стадии в естественноисторической эволюции расселения [Июффе, 1987]. Однако в данном случае нам важнее всего указать на региональные перепады в силе проявления установленной причинной связи. Скажем, демографические ресурсы сельской местности областей Украины не зависят от плотности городов. В совокупности областей УССР занятость в сельском

Таблица 5

Сельскохозяйственные производственные факторы (элементы агроресурсного потенциала)

Регион	Средне- списочная численность занятых в сельском хозяйстве на 1000 га с.-х. угодий в 1984 г., чел.	Стоимость основных производственных фондов сельского хозяйства на 100 га с.-х. угодий в 1984 г., тыс. руб.	Средне- взвешенная оценка естественной продуктивности не мелиорированной пашни, ц/га	Внесение удобрений под урожай 1985 г.	
				минеральных, кг действующего вещества на 1 га посева	органических, т/га
Нечерноземная зона РСФСР	67,0	102,3	21,3	146	5,9
Поволжье	33,0	71,3	18,4	55	2,7
Центрально-Черноземный район	67,5	117,3	24,6	113	5,8
Северный Кавказ	59,7	118,9	26,0	102	4,2
Белоруссия	114,9	169,1	25,3	222	14,5
Украина	115,6	144,4	25,6	140	8,7
Республики Прибалтики	87,0	260,4	21,5	206	10,7

хозяйстве и урбанизированность находятся в обратной пропорции ($r = -0,92$) друг с другом. Интенсивный миграционный отток из сельской местности правобережной Украины, начавшийся намного позднее, чем на большей части ЕТС, возможно, и приведет сеть расселения в состоянии структурного подобию с другими регионами например с Нечерноземьем, где в настоящее время наблюдается пригородная концентрация сельского, в том числе сельскохозяйственного населения (рис. 1). Однако в любом случае контрасты в заселении сельской местности здесь будут снижены за счет высокой густоты городов, других социально значимых центров и чересполосицы зон их влияния.

Переходя к факторам производства, отметим, что явления, лимитирующие естественное плодородие сельскохозяйственных земель неодинаковы в различных регионах ЕТС: недостаточное увлажнение в Поволжье, малая продолжительность вегетационного периода в Нечерноземье, широкое распространение эрозии в ЦЧР. Однако именно территориальное несовпадение этих явлений в какой-то мере нивелирует вариации в естественной продуктивности угодий. Наиболее обобщенной характеристикой плодородия земель может служить урожайность зерновых, достигнутая на госсортоучастках (рис. 2). По этому признаку НЧЗ занимает последнее место на ЕТС наряду с Поволжьем. Республика Беларусь занимает последнее место на ЕТС наряду с Поволжьем. Республика Беларусь занимает последнее место на ЕТС наряду с Поволжьем. Республика Беларусь занимает последнее место на ЕТС наряду с Поволжьем.

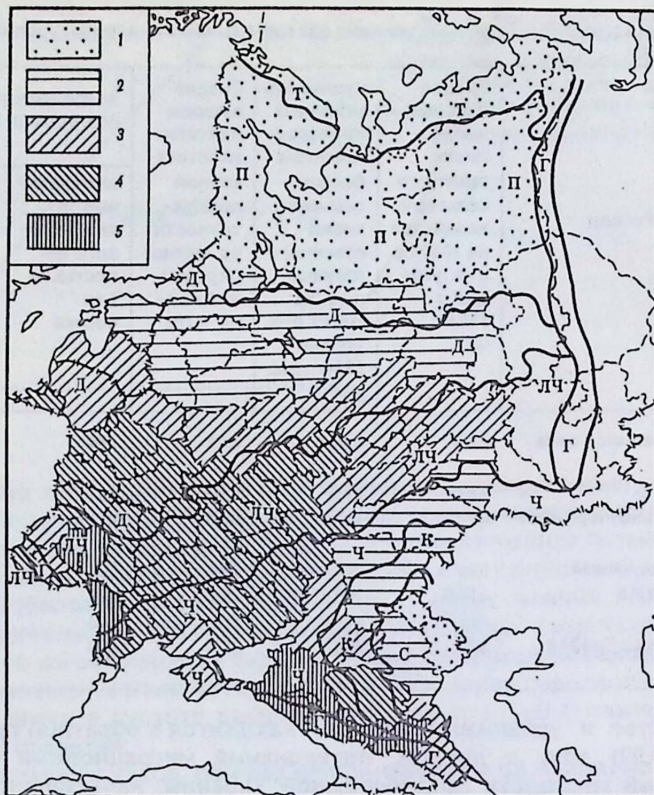

Рис. 2. Природные условия развития сельского хозяйства
Биоклиматический потенциал местности (выраженный потенциальной урожайностью, ц/га): 1 — 7—16, 2 — 17—20, 3 — 21—23, 4 — 24—27, 5 — 28—31.
Типы почв: Т — тундровые; П — подзолистые и глееподзолистые; Д — дерново-подзолистые и дерновые; ЛЧ — сочетание серых почв и черноземов; Ч — чернозёмы; К — каштановые, в том числе солонцеватые; С — серо-бурые пустынные в сочетании с солонками и светло-каштановыми, Г — почвы горных тер; итория (автор: Т.Г.Нефедова)

тратить внимание на то, что и в этом отношении отчетливо наблюдается перепад между востоком и западом. Так, по фондооснащенности в расчете на единицу угодий лидируют западные регионы; Нечерноземье занимает предпоследнее место, сильно уступая Прибалтике и Белоруссии; и превосходя лишь Поволжье. Аналогичная картина и в распределении регионов по трудообеспеченности, где бросается в глаза невысокая трудообеспеченность сельского хозяйства Северного Кавказа. Это противоречит привычному представлению о трудонедостаточных и трудоизбыточных регионах, однако следует учесть повышенную долю пастбищ в площади угодий автономных республик региона.

Анализируя степень ресурсного благополучия различных частей ЕТС, можно прийти к выводу, что она определяется наложением двух непохожих друг на друга территориальных распределений. Одно из

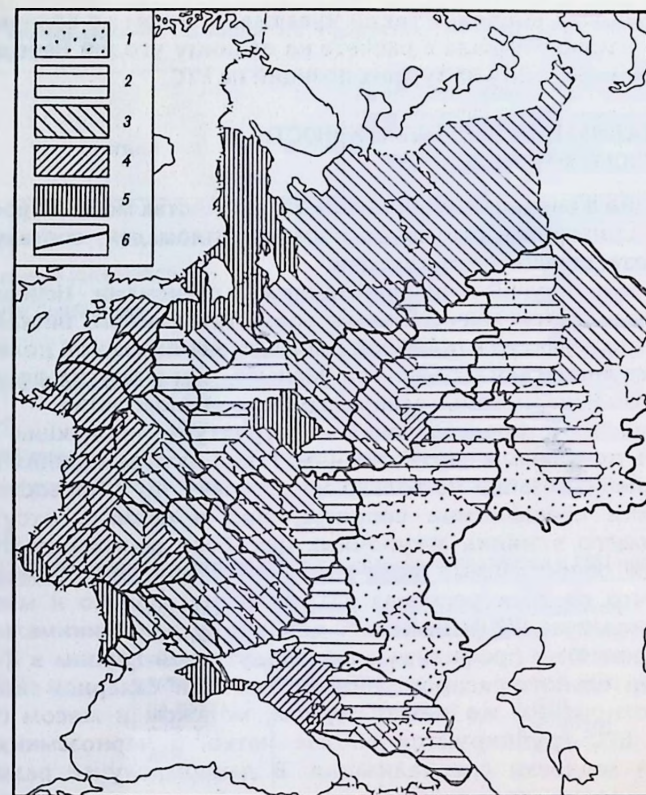

Рис. 3. Суммарные затраты живого и овеществленного труда на единицу сельскохозяйственных угодий

1—5 — степени (градации) выраженности показателя R (по возрастанию), $R = \frac{x_i - \bar{x}}{\sigma_x} + \frac{y_i - \bar{y}}{\sigma_y}$, где x_i — численность занятых, y_i — стоимость основных производственных фондов (то и другое — на 100 га сельскохозяйственных угодий); $\bar{x}$ и $\bar{y}$ — средние арифметические, σ — стандартные отклонения. 6 — границы экономических районов [Иоффе, Нефедова, Пинес, 1988]

них — это распределение почвенного плодородия с максимальным градиентом по линии северо-восток—юго-запад, характерным для физико-географической зональности (см. рис. 2). Другое — это распределение созданного производственного потенциала с ярко выраженным западным и северо-западным максимумом. Действительно, как видно из рис. 3, наибольшие вложения живого и овеществленного труда на единицу угодий характерны для самого освоенного запада ЕТС. Большая часть Нечерноземной зоны РСФСР оказывается, таким образом, за пределами массива высокоинтенсивного землепользования. Лишь Ленинградская и Московская области и Карелия выделяются значительной плотностью затрат живого и овеществленного труда. Азональным ареалом высокой трудо-

обеспеченности выглядит также Чувашия. В целом по величине созданного агропотенциала в расчете на единицу угодий Нечерноземье РСФСР занимает одну из худших позиций на ЕТС.

СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ И ПРОДУКТИВНОСТЬ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Различия в специализации сельского хозяйства можно проследить по трем критериям: структуре посевных площадей, составу поголовья скота, структуре продукции.

Наряду с другими нечерноземными регионами Нечерноземье РСФСР выделяется значительным кормовым клином, низкой долей технических культур в посевной площади, значительной долей коров в стаде крупного рогатого скота. Меньше, чем в других регионах, в российском Нечерноземье распространено свиноводство.

Определенное представление о структуре продукции можно составить по весовым соотношениям. Такой путь выявления продуктивной специализации не только не уступает, но и превосходит по надежности стоимостные сопоставления в связи с отсутствием отклоняющего влияния закупочных цен. Если рассматривать более или менее сопоставимые виды конечной продукции, то можно заметить, что во всех регионах ЕТС на зерно, молоко и мясо приходится не менее 1/2 физического веса продукции. Минимальна доля этой повсеместно профилирующей продуктовой группы в ЦЧР — за счет значительного распространения "тяжелой" сахарной свеклы.

По соотношению же между зерном, молоком и мясом (табл. 6) регионы ЕТС группируются вполне четко: в черноземных более выражена зерновая специализация. В данном случае различия в целом коррелируют с естественно-географическими; так, на Северном Кавказе самый высокий бонитет пашни по зерну. Дифференциация же в группе нечерноземных регионов — это, как мы увидим ниже, проекция различий в эффективности производства.

По производству самых массовых видов продукции на единицу угодий Нечерноземье РСФСР занимает такое же место в ряду регионов ЕТС, как и по обеспеченности важнейшими ресурсами производства, превосходя не только Поволжье, но и ЦЧР (табл. 7).

Мы задались целью получить суммарный индикатор продуктивности сельского хозяйства областей и республик ЕТС. Известные в агрогеографической науке индикаторы такого рода имеют либо стоимостную, либо энергетическую (число "зерновых единиц", калорий, джоулей) размерность. В обоих случаях физический вес каждого вида продукции множится на статистический вес или нормировочный коэффициент, в роли которого в первом случае выступает закупочная цена, а во втором — калорийность единицы продукции. Получаемые таким образом суммарные индикаторы обладают определенными недостатками. Цены в существующих условиях являются слишком произвольным статистическим весом. Энергетические же единицы при сопоставлениях в рамках такой обширной территории, как ЕТС, обеспечивают приоритет южных районов даже при равной продук-

Таблица 6

Степень специализации регионов на продуктах, производимых повсеместно в 1981—1985 гг.

Регион	Доля от общего физического веса произведенного зерна, молока, мяса, %		
	зерно	мясо	молоко
Белоруссия	56,5	6,3	37,2
Нечерноземная зона РСФСР	56,1	6,9	37,0
Республики Прибалтики	48,0	7,0	45,0
Украина	68,2	4,2	27,6
Центрально-Черноземный район	70,3	4,3	25,4
Поволжье	76,4	3,6	20,0
Северный Кавказ	80,0	3,8	16,2

Таблица 7

Некоторые характеристики продуктивности сельского хозяйства в 1981—1985 гг.

Регион	Валовая продукция сельского хозяйства на 100 га с.-х. угодий, тыс. руб. (в ценах 1973 г.)	Урожайность зерновых, ц/га	Производство молока на 100 га с.-х. угодий, кг	Производство мяса на 100 га с.-х. угодий, кг убойного веса	Удон от одной коровы, кг
Нечерноземная зона РСФСР	31	13,4	29,0	3,99	2279
Поволжье	15	12,2	11,3	1,98	2186
Центрально-Черноземный район	29	15,7	24,0	4,10	2169
Северный Кавказ	31	22,8	15,6	3,62	2348
Белоруссия	51	22,0	43,6	7,54	2367
Украина	50	24,3	38,4	5,84	2418
Республики Прибалтики	59	23,2	56,0	11,70	3197

тивности повсеместно распространенных отраслей. Это связано с высокой энергонасыщенностью отдельных южных культур (таких, как подсолнечник, табак, кукуруза на зерно), с низкой энергонасыщенностью молока в сравнении с мясом. Еще один недостаток сопоставлений продуктивности сельского хозяйства на стоимостной и энергетической основе обусловлен зависимостью от общих масштабов производства. Это существенно для животноводства, где выход про-

дукции с единицы угодий отражает не только продуктивность стада, но и его поголовье.

С учетом изложенного была сделана попытка рассчитать индикатор продуктивности непосредственно на базе натуральных показателей выхода повсеместно распространенных видов сельскохозяйственной продукции. Во внимание были взяты следующие показатели: урожайность зерновых (P_1), средний сдаточный вес одной головы крупного рогатого скота (P_2), свиней (P_3) и удой от одной коровы (P_4). Каждый из этих показателей был стандартизирован и таким

образом лишен размерности. В итоге $P = \frac{\sum P_i - \bar{P}_i}{\delta}$, где $\bar{P}_i$ — средняя арифметическая, δ — стандартное отклонение. Установлено, что распределение индикатора P тесно коррелирует с урожайностью неучтенных видов продукции — картофеля и овощей. Для аналитических выкладок мы прибегли к аналогичной оценке агроресурсного потенциала, включив в него численность занятых, стоимость производственных фондов сельхозназначения в расчете на 100 га сельхозугодий и экономическую оценку естественного плодородия немелиорированной пашни.

Статистический анализ, проведенный на совокупности из 85 ячеек (областей, краев и республик без областного деления ЕТС)¹, показал, что продуктивность сельского хозяйства ЕТС, оцененная индикатором r_1 , находится в очень тесной зависимости ($r^2 = 0,81$) от агроресурсного потенциала. Это свидетельствует о том, что межобластные различия в уровне отдачи агроресурсов относительно невелики. Об их масштабе можно судить с помощью кривой однофакторной производственной функции, показанной на рис. 4. Эта кривая — геометрическое место точек с абсциссами в виде оценок ресурсного потенциала и ординатами в виде теоретической продуктивности, т.е. такой продуктивности, которая будет иметь место при средней (по ЕТС) эффективности использования ресурсного потенциала. По соотношению фактической и теоретической продуктивности можно судить об эффективности использования ресурсного потенциала. По этому показателю на ЕТС с большим отрывом лидирует Прибалтика, а между остальными макрорегионами существенных различий нет. Составляющие агропотенциала оказывают неравнозначное воздействие на продуктивность сельского хозяйства и ресурсоотдачу. Обращает на себя внимание отсутствие положительной связи продуктивности с характеристикой естественного плодородия. Наоборот, эффективность использования ресурсного потенциала выше в районах с пониженным плодородием. Другими словами, наиболее успешно сельское хозяйство развивается совсем не там, где для него имеются лучшие естественные предпосылки.

Такой вывод не вписывается в устоявшуюся традицию рассмат-

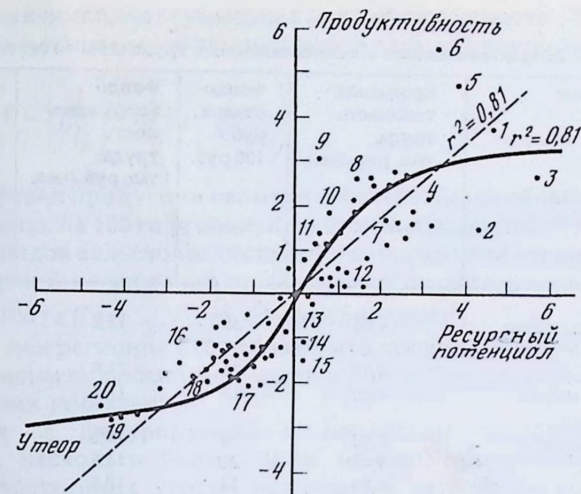

Рис. 4. График зависимости между затратами ресурсов и продуктивностью сельского хозяйства ЕТС (r^2 — коэффициенты детерминации, $У_{теор}$ — теоретическое значение продуктивности)

Цифры на графике: 1 — Ленинградская обл., 2 — Московская обл., 3 — Молдавская ССР, 4 — Краснодарский край, 5 — Закарпатская обл., 6 — Черновицкая обл., 7 — Минская обл., 8 — Гродненская обл., 9 — Эстонская ССР, 10 — Латвийская ССР, 11 — Кабардино-Балкарская АССР, 12 — Чувашская АССР, 13 — Белгородская обл., 14 — Владимирская обл., 15 — Брянская обл., 16 — Архангельская обл., 17 — Рязанская обл., 18 — Калининская обл., 19 — Саратовская обл., 20 — Калмыцкая АССР [Июффе, Нефедова, Пинес, 1988]

ривать агрогеографические различия прежде всего с точки зрения их природной обусловленности. И, конечно, возникает искушение отнести его на счет недостоверной оценки естественного плодородия. При этом примем во внимание, что в данном случае важны не столько абсолютные величины указанной оценки, сколько их распределение. Оно же (см. рис. 2) вполне соответствует известным схемам агроприродного районирования. Поэтому мы склонны доверять полученному выводу и предполагать существование достаточно веских обстоятельств, нивелирующих воздействие природных различий на продуктивность сельского хозяйства.

Проведенный анализ позволил выявить две закономерности пространственных взаимосвязей, лежащих в основе современной агрогеографии ЕТС: 1) эффективность использования агроресурсного потенциала теснее всего связана с фондооснащенностью сельского хозяйства; 2) главными коррелятами фондооснащенности сельского хозяйства служат плотность городского населения и численность занятых в сельском хозяйстве на 100 га сельхозугодий.

Обе эти закономерности, характерные для ЕТС в целом, ярче всего проявляются именно на территории Нечерноземной зоны, тогда как, скажем, на Украине ситуация иная. По-видимому, это напрямую связано с упомянутой выше спецификой регионального расселения.

Мы попытались также сопоставить распределение натурального (P) и стоимостного (валовая продукция на 100 га сельхозугодий)

¹ Этот анализ проводился автором совместно с Т.Г.Нефедовой и Д.Г.Пинесом [Июффе, Нефедова, Пинес, 1988].

Таблица 8

Стоимостные показатели живого и овеществленного труда (1961—1985 гг.)

Регион	Производительность труда, тыс. руб./чел.	Фондоотдача, руб./100 руб.	Фондовооруженность труда, тыс.руб./чел.	Интегральная мера эффективности производства, тыс.руб./100 га
Нечерноземная зона РСФСР	4,60	30	15,2	—10,0
Поволжье	4,62	21	21,6	—10,3
Центрально-Черноземный район	4,29	25	17,5	—7,1
Северный Кавказ	5,25	26	19,9	0,9
Белоруссия	4,42	30	14,9	20,9
Украина	4,29	34	12,5	4,3
Республики Прибалтики	6,74	22	29,9	81,3

индикаторов продуктивности сельского хозяйства. Ведь при всех отмеченных недостатках стоимостной формы учета продукции она (в отличие от энергетической) широко используется в хозяйственной практике. К тому же давно замечено, что стоимостные показатели обладают способностью как бы жить самостоятельной жизнью. Можно сказать, что и сами стремления руководителей производства имеют стоимостную "размерность", даже если цены искажают реальную картину достигнутого. Оказалось, что именно Нечерноземье РСФСР выделяется по тесноте корреляционной связи между стоимостью валовой продукции сельского хозяйства на 100 га (Y) и охарактеризованной выше стандартизированной мерой продуктивности (P): для НЧЗ $r_{yp} = 0,84$, тогда как для Украины — 0,68, а для ЕТС в целом — 0,72. Это можно объяснить либо незначительными различиями в специализации сельского хозяйства в пределах НЧЗ, либо эффектом выравнивания территориальных различий в рентабельности.

В первых трех столбцах табл. 8 приведены общеупотребительные стоимостные показатели использования живого и прошлого труда. Из соотношения этих показателей следует, что повышенной фондовооруженности труда, как правило, соответствуют повышенная производительность труда и пониженная фондоотдача.

В связи с этим правомерен вопрос: как конкретно соотносятся затраты на интенсификацию землепользования и эффекты этих затрат. Если продукция i -го региона больше, чем продукция j -го, то это может объясняться как большим объемом ресурсов, так и повышенной ресурсоотдачей. Но если превышение одного региона над другим, например, по производительности труда, уравновешивается ("съедается") превышением по фондооснащенности, то между регионами нет различий в уровне эффективности производства. Соизме-

рить различия позволяет суммарная мера эффективности (Σ). Эта мера рассчитана на основе модифицированной нами методики ВНИИСИ:

$$\Sigma = \sum_i^n \left\{ \left(Y_i - Y_j \frac{l_i}{l_j} \right) - E \left(K_i - K_j \frac{l_i}{l_j} \right) \right\},$$

где Y_i — валовая продукция сельского хозяйства i -й области в сопоставимых ценах на 100 га угодий, K_i — стоимость основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения i -й области на 100 га угодий; l_i — численность занятых в сельском хозяйстве i -й области на 100 га ($i = 1, \dots, j, \dots, n$), E — фондоотдача².

Расчет Σ для регионов ЕТС показал, что последние места на ЕТС занимают регионы ее российской части, причем Нечерноземье не является среди них замыкающим.

Величина Σ , фигурирующая в последнем столбце табл. 8, показывает, насколько больше (или меньше) продукции со 100 га сельскохозяйственных угодий получают в данном регионе, чем в среднем по ЕТС, за счет повышенной (пониженной) ресурсоотдачи.

Обращаясь к парным сопоставлениям, по приведенной выше формуле легко подсчитать, что если бы в НЧЗ ресурсоотдача в сельском хозяйстве была такой же, как в Прибалтике, то при тех же, что и сейчас, ресурсах продукции было бы получено больше на 15,1 тыс.руб. в расчете на каждые 100 га. Значит, существующая разница в продуктивности, равная 28 тыс. руб./100 га, объясняется на 54% разницей в эффективности производства и лишь на 46% — разницей в трудо- и фондообеспеченности.

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Итак, мы установили, что на сегодняшний день главное условие высокой продуктивности сельского хозяйства — это ресурсное благополучие при незначительной роли (в рамках этого благополучия) естественного фактора, успешно замещаемого фондооснащенностью.

Между тем анализ показывает, что роль естественной продуктивности угодий в недалеком прошлом была более значительной. Действительно, еще в 50-е гг. урожайность зерновых культур отражала степень благоприятности почвенно-климатических условий. Так, при средних по стране сборах того периода 8—10 ц/га максимум (15 ц/га) наблюдался в лесостепных областях УССР и предгорных районах Северного Кавказа. Во всем Нечерноземье, включая

² Экономический смысл Σ в оригинальной версии [Гребенников, 1985] — соотношение выигрыша от повышения производительности труда и усилий, ценой которых это повышение достигнуто. Смысл нашей модификации в переходе от динамической оценки эффективности производства к статической (или от временных рядов к географическим матрицам данных). Соответственно в качестве E вместо нормативного коэффициента окупаемости капиталозложений в нашем случае выступает показатель фондоотдачи.

Белоруссию и Прибалтику, урожайность в те годы не поднималась выше 6—10 ц/га.

Если какой-либо результативный признак тесно коррелирует только с одним из факторных, то это может иметь место лишь в том случае, если дифференцирующее воздействие других признаков отсутствует или чем-то снивелировано.

Тем существеннее отметить, что на протяжении всего периода наблюдений за продуктивностью сельского хозяйства ЕТС отрезки времени, когда Нечерноземье РСФСР превосходило по этому показателю другие регионы, в том числе черноземные, были весьма длительными. Единственный регион, который НЧЗ практически никогда не превосходил по продуктивности сельского хозяйства, — это столь же нечерноземная Прибалтика³.

Попытаемся проследить ход исторических перестановок в ряду регионов, ранжированных по урожайности зерновых. По мнению А.Н.Ракитникова [1970. С.210], урожайность зерновых хорошо отражает достигнутый уровень экономического плодородия пахотных земель независимо от того, являются ли зерновые культуры важной или второстепенной отраслью сельского хозяйства.

По имеющимся данным, нечерноземные губернии России впервые обошли черноземные по урожайности зерновых уже в пореформенные годы (см., например, [Маслов, 1903. С.235]). Имеются указания на связь этого явления с территориальной дифференциацией темпов роста промышленности и городов с повышенной емкостью потребительского спроса и относительно меньшим аграрным перенаселением в нечерноземной полосе [Маслов, 1903]. Конечно, более высокая урожайность никогда не приводила к зерновому самообеспечению нечерноземных районов, которые всегда отставали в этом плане от черноземных, — отсюда и их наименования: районы "потребляющей" и районы "производящей" полосы. Однако продовольственное самообеспечение мы в данном случае в расчет не берем, обращая внимание лишь на выход продукции с единицы угодий как на показатель, имеющий самостоятельное значение. По урожайности зерновых районы нечерноземной полосы России практически не уступали черноземным на протяжении весьма долгого времени — вплоть до середины 30-х годов (табл. 9—11).

Обращение к фактическим усредненным данным 1901—1921 гг. действительно показывает, что на протяжении всего этого отрезка времени урожайность зерновых в нечерноземной полосе была, по крайней мере, не ниже, чем в черноземной (см. табл.9). Превосходство нечерноземной полосы по урожайности подтверждается и данными 1925—1934 гг. (см. табл. 10,11).

Заметим, что сплошная коллективизация сельского хозяйства, завершившаяся в этот период, со значительным опережением осуществлялась в степных районах страны. По-видимому, это усиливало их отставание от нечерноземных районов, которые в преддверии крутой

³Исключение составляет лишь краткий отрезок времени после Великой Отечественной войны

Таблица 9

Урожайность зерновых в 1901—1921 гг., ц/га

Регион	1901— 1905	1906— 1910	1911— 1915	1916	1920	1921
Нечерноземная полоса России	6,9	6,6	7,2	8,2	5,6	6,1
Белоруссия	6,3	5,0	7,5	8,2	5,0	8,0
Украина	7,5	7,4	5,1	5,6	...	2,8
Центрально-Черноземный район	6,9	6,9	7,4	8,9	4,3	6,4
Поволжье	5,8	5,4	5,9	5,8	3,2	2,1
Северный Кавказ	7,6	7,9	8,5	...	5,2	4,2

Рассчитано и пересчитано из пудов на десятину в центнеры на гектар по: Сельское хозяйство России в XX в. 1923. С.193.

Таблица 10

Урожайность зерновых в 1925—1928 гг., ц/га

Территория	1925	1926	1927	1928
Северный район	8,9	9,0	8,8	8,8
Ленинградско-Карельский район	8,9	8,6	7,9	8,2
Западная область	8,3	7,5	7,7	8,8
Центрально-промышленный район	7,8	8,2	8,0	7,8
Вятская область	8,1	8,4	7,2	8,9
Белоруссия	7,9	6,9	7,2	7,4
И т о г о по районам "потребляющей полосы"	8,1	8,2	8,0	7,9
ЦЧР	7,8	7,6	9,5	7,2
Уральский район	9,0	9,3	7,7	9,9
Башкирия	7,2	8,1	6,1	8,7
Средневолжский район	6,4	9,3	5,7	8,0
Татарско-Чувашский район	5,6	7,4	6,9	7,2
Нижеволжский район	5,9	6,2	5,1	6,3
Северо-Кавказский район	11,6	7,6	6,7	6,8
Украина	8,9	8,2	8,7	6,6

Источник: Сельское хозяйство СССР. М.: Госпланиздат, 1929. С.220—221.

ломки отношений на селе были по урожайности зерновых на уровне передовых в технологическом отношении зарубежных стран (табл. 12).

Принципиально важно, что именно коллективизация сельского хозяйства явилась тем рубежом, после которого характер территориальной дифференциации продуктивности сельского хозяйства в Европейской части страны претерпел кардинальные изменения. Поначалу все нечерноземные регионы отстали от черноземных по уро-

Таблица 11

Урожайность зерновых в 1928—1935 гг., ц/га

Территория	1928— 1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
Северный край	8,9	11,6	12,7	11,2
Карельская АССР	9,5	11,4	11,1	10,5
Ленинградская обл.	8,9	9,7	10,6	9,1
Западная обл.	8,4	9,3	9,3	9,0
Калининская обл. (выделена в 1933 г.)	—	—	11,0	10,3
Московская обл.	8,7	9,9	10,6	10,3
Ивановская обл.	9,1	11,7	11,8	9,9
Горьковский край	8,3	9,9	9,7	11,4
Башкирия	6,7	8,1	10,6	11,0
Татария	6,4	8,9	9,4	11,2
ЦЧО	8,5	9,3	8,6	9,2
Средневолжский край	5,7	6,9	8,5	8,1
Нижневолжский край	5,3	5,6	5,3	5,2
Северо-Кавказский край	7,1	9,1	8,1	8,3
УССР	8,8	11,2	6,1	9,2
БССР	7,0	9,1	9,1	7,8

Источники: Сельское хозяйство СССР в 1935 г., 1936. С.269; Социалистическое строительство в СССР, 1936. С.337.

Таблица 12

Урожайность ржи и пшеницы в некоторых нечерноземных областях России и в зарубежных странах в 1928—1933 гг., ц/га

Край, область	Рожь	Пшеница	Страна	Рожь	Пшеница
Северный край	9,4	10,2	США	7,1	9,3
Ленинградская обл.	9,1	9,8	Канада	7,5	10,3
Западная обл.	8,6	9,1	Польша	11,1	11,7
Московская обл.	9,0	10,0	Венгрия	13,9	13,7
Ивановская обл.	9,4	10,1	Чехословакия	17,7	17,7
Горьковская обл.	8,7	9,1	Германия	17,6	21,7
			Англия	—	22,3

Источник: Социалистическое строительство в СССР, 1934. Приложение. Капиталистические страны. С.41.

жайности зерновых. Уже в послевоенные годы в период проведения сплошной коллективизации кратковременный регресс урожайности имел место даже в традиционно лидирующей на ЕТС Прибалтике.

Такая ситуация продержалась до конца 50-х гг., после чего пути эволюции нечерноземных регионов разошлись: сначала в 60-е гг. вперед вырвалась Прибалтика, а затем уже в 70-е — Белоруссия. К концу 70-х гг. Белоруссия впервые опередила российское Нечерноземье и

Таблица 13

Годовой удой от одной коровы в регионах ЕТС, кг

Регион	1940 г.	1960 г.	1970 г.	1981— 1985 гг.
Нечерноземная зона РСФСР	1105	2090	2522	2279
Поволжье	1210	2071	2250	2186
ЦЧР	1374	2073	2268	2169
Северный Кавказ	1217	1873	2195	2348
Украина	1473	1867	2362	2418
Белоруссия	886	1818	2304	2367
Республики Прибалтики	1868	2471	2998	3197

Примечание. Для 1940 г. учтены все категории хозяйства, 1960, 1970, 1981—1985 гг. — хозяйства общественного сектора.

Таблица 14

Урожайность зерновых в регионах ЕТС в 1940—1985 гг., ц/га

Регион	1940 г.	1949— 1953 гг.	1956— 1960 гг.	1961— 1965 гг.
Нечерноземная зона РСФСР	8,3	6,0	6,7	8,1
Поволжье	7,6	6,0	7,3	10,8
ЦЧР	8,5	6,6	10,7	13,7
Северный Кавказ	10,3	10,3	13,6	16,2
Белоруссия	8,0	6,2	8,4	13,1
Украина	12,4	10,7	14,2	17,5
Республики Прибалтики	10,7	7,7	8,3	11,3

Рассчитано по данным Госкомстата СССР.

Регион	1966— 1970 гг.	1971— 1975 гг.	1976— 1980 гг.	1981— 1985 гг.
Нечерноземная зона РСФСР	11,8	13,0	13,4	13,4
Поволжье	13,0	11,8	13,7	13,4
ЦЧР	17,9	18,2	17,4	15,7
Северный Кавказ	19,1	21,0	23,2	22,8
Белоруссия	13,1	21,3	21,3	22,0
Украина	21,4	24,7	26,1	24,3
Республики Прибалтики	19,8	22,8	23,6	23,2

по продуктивности молочного поголовья. Начиная с середины 70-х гг. Нечерноземная зона РСФСР стала самым депрессивным нечерноземным регионом ЕТС.

Произошла дифференциация и среди регионов черноземной полосы. Здесь тоже в наибольшем прорыве оказались российские регионы — Поволжье и ЦЧР (табл. 13,14).

Нечерноземная зона РСФСР, ЦЧР и Поволжье — это на сегодняшний день самые отстающие в сельскохозяйственном отношении регионы ЕТС. Причем масштабы отставания российского Нечерноземья и ЦЧР особенно возросли в тот период, когда в эти регионы стали направляться самые значительные за всю их историю сельскохозяйственные капиталовложения.

СДВИГИ В ГЕОГРАФИИ ПРОДУКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕРРИТОРИИ СТРАНЫ

Как объяснить последовательность "перестановок" в ряду регионов, упорядоченных по уровню продуктивности сельского хозяйства? В чем закономерность этих перестановок? Существует ли она вообще?⁴

Для ответа на поставленные вопросы решающее значение имеет учет трех обстоятельств:

- 1) зональных особенностей ландшафта и их проявлений в сельском расселении;
- 2) правового обобществления производства (коллективизации) и его отношения к обобществлению экономическому;
- 3) освоения территорий, в том числе удаленности от центров принятия экономических решений.

Важно подчеркнуть, что именно синтез этих обстоятельств позволяет исчерпывающим образом осветить интересующие нас вопросы.

Физико-географические особенности лесной зоны предопределили выборочное сельскохозяйственное освоение территории. Как правило, «для земледелия здесь используется от 10 до 40% территории, лишь в немногих районах до 50—55%; значительная часть пахотных земель раздроблена, образуя мелкие контуры полей, обрамленные лесом, долинами рек с пойменными лугами, заболоченными низинами и т.д. Густозаселенные и сплошь распаханые ареалы чередуются с пятнами разреженного расселения, крупные ареалы, обширные "поляны" — с густой сетью мелких, перемежающихся лесов... Такой характер расселения ... сложился ... в ходе постепенной распахивки бывших лесных территорий, с преимущественным использованием земель, пригодных для земледелия без больших мелиоративных работ,

⁴ Последствиями войны объяснить эту последовательность нельзя, поскольку наибольший урон война нанесла западным районам страны, как черноземным, так и нечерноземным. Российское же Нечерноземье по основным показателям сельскохозяйственного производства уже в 1951 г. вышло на довоенный уровень [Чигринов, 1982].

более плодородных или выгоднее расположенных по отношению к основным путям сообщений и древнейшим очагам заселения. Раздробленность пашни и необходимость постоянного внесения органических удобрений для поддержания плодородия бедных подзолистых почв (в связи с чем скотные дворы должны были располагаться возможно ближе к полям) способствовали развитию преимущественно мелкоселенной формы расселения» [Ковалев, 1963. С.159—161].

Действительно, самые мелкие поселения как прежде, так и теперь располагаются именно в нечерноземных регионах (табл. 15). В условиях общинного землепользования, абсолютно преобладавшего и в дореволюционной, и в доколхозной советской деревне, разбросанность угодий и мелких деревень среди болот и лесов порождала межселенную черезполосицу и дальноеземье.

Как правило, земельная община в России была многоселенной, а в ряде случаев общее пользование лугами закреплялось даже за несколькими волостями. В начале 20-х гг., в период проникновения рыночных отношений в деревню, естественная изоляция селений друг от друга при прочих равных условиях определяла "повышенный спрос" на выход из общины — на отруба и хутора. Не в меньшей мере, чем стремление к самостоятельному ведению хозяйства, это объяснялось желанием "убережся от постороннего глаза", вызванного памятью о продаврежке⁵. Участковые формы землепользования были экономически более эффективными, нежели общинные.

Больше всего (33,52%) крестьянских земель было к 1925 г. разверстано на отруба и хутора в Смоленской губернии, 30,3% — в Череповецкой, 29,3 — в Псковской, 23,8 — в Ленинградской, 25,5% — в Тверской. В трех районах Нечерноземья — Северо-Западном, Западном, Центральном-промышленном — за 1922—1927 гг. под обособленные хозяйства перешло почти 3,5 млн га земель, тогда как по всей стране под колхозы было отведено немногим более 2 млн га [Данилов, 1977. С.140]. Большинство же крестьянских земель и в эти годы оставалось в общинном пользовании.

Массовое распространение хуторов и отрубов, приведшее к возникновению экономически сильных хозяйств, осуществлялось в 1922—1927 гг. на правовой основе Земельного кодекса 1922 г., предоставлявшего этой форме землепользования равные права с общинной. За эти годы сельское хозяйство страны сделало огромный скачок вперед. Так, только за период с 1924 по 1927 г. валовой сбор зерновых возрос с 3149 до 4525 млн пудов, подсолнечника — с 83,8 до 151,5, сахарной свеклы — с 206,2 до 602,1 млн пудов [Итоги десятилетия..., 1928. С.118—119].

Однако отход от линии НЭПа повлек за собой вытеснение участковых форм, которые с 1928 г. стали квалифицироваться как серьезное препятствие на пути социальной и технической реконструкции сельского хозяйства. С тех пор в отечественной исторической литературе участковые формы землепользования 20-х гг. долгое время отождествлялись с кулачеством, хотя в отличие от столыпинских

⁵ Стреляный А. Два умозрения // Новый мир. 1987. № 2. С.234—250.

Таблица 15

Средняя людность сельских поселений в регионах ЕТС, чел.

Годы	Нечерно- земье Рос- сии	Повол- жье	ЦЧР	Северный Кавказ	Белорус- сия	Украина	Прибал- тика*
1897	135	447	391	1494	110	331	...
1979	122	389	355	894	165	655	26

* В современных границах республик советской Прибалтики.

Примечание. Перепись 1979 г. занижает число сельских поселений (и соответственно завышает среднюю людность) в мелкоселенных регионах, особенно в Прибалтике и на западе Украины, за счет искусственного учета хуторов в составе близлежащих поселений.

хуторов хутора этого периода были в основной массе середняцкими. Между тем хутор или деревня-малодворка — это двуединство форм землепользования и расселения. Как форма землепользования хутор может нести на себе (хотя и не обязательно) черты социального расслоения крестьянства; как форма расселения хутор — это порождение дробности ландшафта в районах выборочного земледельческого освоения лесной зоны. Эта вторая сторона вопроса, как ни странно, игнорировалась на протяжении по меньшей мере сорока лет, и лишь анализ причин низкой эффективности территориальной концентрации животноводства заставил впервые заговорить об этом в 70-е гг.

Сплошная коллективизация сельского хозяйства за исключительно короткий срок положила конец отрубной и хуторской системе землепользования. Отрубники и хуторяне в своем большинстве были, как известно, раскулачены, хотя лишь незначительная часть из них применяла наемный труд. Логично предположить, что унификация форм землепользования в деревне как таковая (даже если отвлечься от методов, которыми она проводилась) с особой силой отразилась на сельском хозяйстве тех районов, где сама природа вызвала особую тягу крестьян к индивидуализации приемов агротехники, т.е. в нечерноземных районах. Можно, разумеется, утверждать, что тяга эта — явление консервативное, архаичное, преходящее, препятствующее становлению высокотехнологизированного сельского хозяйства. По-видимому, это так и есть, но с одной существенной оговоркой: как правило, суждения о высоте места зависят от положения наблюдателя; нельзя быть отсталым по отношению к тому уровню развития производительных сил, который еще не достигнут. К тому же возможность преодоления этой "отсталости" с помощью силового административного акта с сегодняшних позиций представляется сомнительной. Реальное, т.е. экономическое обобществление подготавливается всем ходом развития производительных сил, появлением технологий, объективно требующих коопера-

ции большого числа работников и концентрации средств производства. В сельском хозяйстве потребность в этом возникает позднее, чем в промышленности. Абсолютно необходимыми ее предпосылками служат внедрение плодосмена, развитие кормопроизводства, углубление специализации, рост технической оснащенности, повышение общей грамотности населения, его бытовой и агрономической культуры. Разумеется, все эти предпосылки в разных районах и странах не вызревают одновременно.

Ни в дореволюционной, ни в советской доколхозной деревне не было единых для столь обширной территории, как ЕТС, форм ведения сельского хозяйства. По состоянию на конец прошлого века это было показано А.Н.Челинцевым, который не только выделил районы разной интенсивности земледелия, но и охарактеризовал их принадлежность к разным стадиям эволюции сельского хозяйства. "Идя с крайнего востока и севера европейской России — писал Челинцев, — мы встречаемся везде со все более интенсивным... скотоводством независимо от того, имеет ли оно промышленное значение или только значение потребительного и потребительно-навозного" [Челинцев, 1910. С.128].

Дифференциации способов ведения хозяйства отвечали и различия в общественных отношениях. Хотя "сверхзадача" В.И. Ленина в "Развитии капитализма в России" заключалась как раз в том, чтобы показать, как рыночные отношения всюду прорастают сквозь крестьянскую общину, он показал и всю неравномерность этого процесса. По ленинским данным А.Н. Ракитников выделил четыре типа территорий, различающихся по соотношению капиталистической и отрубной систем в помещичьих хозяйствах [Ракитников, 1970. С. 221—225]. Когда революция сгладивала эти различия и сельская община опять стала доминирующим типом землепользования и формой организации труда, разные регионы ЕТС вновь выказали совершенно разную динамику распространения хуторского и отрубного хозяйств. Отсюда можно заключить, что территориальные различия в формах организации сельского хозяйства — явление естественное. Они суть норма, тогда как их нивелировка — свидетельство социальных потрясений, давления внешних обстоятельств.

Осознание этого — не менее важный аспект теоретической базы ленинского кооперативного плана, чем противопоставление "формально-юридического обобществления" "обобществлению на деле".

"Надо уметь учитывать действительную неизбежность различия. Земледелие в Калужской губернии не то, что в Казанской. То же относится ко всей промышленности. То же относится ко всему администрированию или управлению. Не учитывать во всех этих вопросах местных различий значило бы впадать в бюрократический централизм и т.п., значило бы мешать местным работникам в том учете местных различий, который является основой разумной работы"⁶.

В речи на заседании фракции РКП(б) VIII съезда Советов Ленин

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 198.

говорил, что "вопрос о колхозах не стоит как очередной. Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится"⁷ В той же речи Ленин предостерегал против слишком поспешных шагов по обобществлению сельскохозяйственного инвентаря: "Если мы размахнемся шире, чем мы можем сделать, мы только скомпрометируем себя в глазах крестьян... И этого в будущем я боюсь больше всего..."⁸

Как показали дальнейшие события, опасения В.И. Ленина имели под собой веские основания. С одной стороны, соотношение объективных условий и практических действий резко сместилось в пользу вторых. С другой стороны, и в практику, и в теоретические построения упорно закладывалась концепция единообразия: в экономике — одна только государственная собственность, одна схема управления ею; в социальной сфере — стирание всех и всяческих различий... Сторонникам такого подхода прогресс виделся как нарастающее упрощение, спрямление всего и вся⁹.

В результате сложилось противоречие между территориально изменчивыми условиями природной и социальной среды, с одной стороны, и повсеместной унификацией организационных форм — с другой. В условиях административно-управляемого сельского хозяйства различия в социальной среде оказались искусственно сnivelированными. Во всяком случае, их производственный эффект, весьма значительный еще в конце 20-х гг., сошел на нет. Невелики были и различия в фондооснащенности сельского хозяйства на единицу угодий, а обозначившийся к концу 30-х гг. перевес в этом отношении юго-западных районов и Ленинградской обл. был подорван войной. Единственным компонентом ресурсного потенциала, различия в обеспеченности которым ни административная система, ни война сnivelировать не могли, было естественное плодородие земель. Этим и объясняется, что география продуктивности сельского хозяйства послевоенных лет как никогда прежде и никогда в дальнейшем отражала географию почвенного плодородия. К середине 50-х гг. процесс болезненного приспособления сельского хозяйства к административной системе достиг, по-видимому, высшей точки. И хотя эта кульминация оказалась кратковременной (а иначе и не могло быть), она была абсолютизирована агроэкономической наукой, последствия чего ощущаются до сих пор.

Искусственное подавление территориальных различий сельской среды лишь один из каналов того воздействия¹⁰, которое оказала на

географию продуктивности сельского хозяйства коллективизация. Но существуют и другие.

В условиях административно управляемого сельского хозяйства потребительский спрос, особенно местный, перестает непосредственно стимулировать производство. Отношения между спросом и предложением опосредует спущенный сверху план. Однако регулирующая функция спроса не сходит с него из-за ее непризнания в органах управления.

Для сельского труженика в любом случае безразличны условия ведения личного подсобного хозяйства. Однако в указанных обстоятельствах значение этих условий, и без того немалое, искусственно гипертрофируется. Если в общественном хозяйстве различие в естественном плодородии может компенсироваться капиталовложением, то в личном хозяйстве различным силам природы противостоят примерно одинаковые душевые затраты живого и прошлого труда. Поэтому при прочих равных условиях продуктивность личного подворья всегда выше в районах повышенного почвенного плодородия, что, как было показано, в общественном хозяйстве может и не наблюдаться. Это также служило и служит одним из факторов относительно большей (в целом за послевоенный период) стабильности сельского населения на юго-западе ЕТС и значительных миграционных потерь на востоке, прежде всего в Нечерноземье¹¹.

Политика централизованно устанавливаемых закупочных цен как неотъемлемая часть административного управления сельским хозяйством не способна обеспечить равную рентабельность различных продуктов. На протяжении длительного времени политика цен обуславливала повышенную рентабельность зерна, продукции южных овощей, а в последние десятилетия и продукции свиноводства и птицеводства. В то же время цены на молоко и картофель обеспечивали пониженный уровень их рентабельности [Милосердов, Беспяхотный, 1982]. Но именно эти продукты, особенно молоко, занимают господствующее место в структуре сельскохозяйственного производства в нечерноземных регионах ЕТС.

Однако, как уже говорилось, развитие сельского хозяйства этих регионов начиная с 60-х гг. пошло по расходящимся траекториям: стагнация в российском Нечерноземье (а в ряде мест и абсолютный регресс), рост в Белоруссии и Прибалтике. Неодинаково эволюционировало сельское хозяйство и в группе черноземных регионов. По явно депрессивной траектории пошло развитие в ЦЧР и Поволжье, тогда как на Украине с середины 60-х гг. наблюдался устойчивый рост. Промежуточное место занимает Северный Кавказ, где, однако, при максимальных бонитетах почв по отношению к зерновым культурам урожайность последних не всегда выше, чем в Прибалтике, удои же молока от одной коровы значительно ниже.

¹¹ К тому же ставки поземельного налога крайне слабо дифференцированы. Различия между севером Нечерноземья и субтропическими районами Кавказа составляют примерно 15%.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 182

⁸ Там же.

⁹ Яковлев А.Н. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественной науки // Коммунист. 1987. №8. С. 3—22.

¹⁰ Рассматривая это воздействие в экономико-географическом аспекте, мы, насколько это возможно, абстрагируемся от его сущностной социально-экономической природы, которая, как известно, состоит в отчуждении крестьянина от земли и средств производства, в неуклонной атрофии чувства хозяина.

Мы полагаем, что основополагающее объяснение этим явлениям следует искать в специфике функционирования системы административного управления экономикой на территории различных республик. Вопрос о том, как в разных социально-географических условиях функционирует один и тот же хозяйственный механизм, исследован крайне недостаточно. В последние годы ряд авторов указывали на различные пропорции между источниками формирования бюджета союзных республик. "В то время как республики Средней Азии, Закавказья, Прибалтики, — пишет Б.С. Хорев, — по-прежнему получают в свой бюджет все 100% сборов от подоходных налогов, а также дотации от общесоюзного бюджета, РСФСР, как и раньше, не имеет данных поступлений и не пользуется дотацией из общесоюзного бюджета, а сама активно пополняет его. Соответственно и уровень жизни в сельской местности (вследствие все еще продолжающегося отставания сельского хозяйства) и продовольственное положение здесь иные, чем в других союзных республиках" [Хорев, 1981. С. 138]. Этот же автор пришел к выводу об избыточности единиц административно-территориального деления в Российской Федерации, призвав к укрупнению областей и к установлению большего соответствия административного деления экономическому районированию.

На наш взгляд, верно уловив характер проблемы в целом — пониженный уровень управляемости социальных и экономических процессов в РСФСР, Б.С. Хорев не вполне прав в установлении конкретного диагноза этого явления. Ведь сама постановка вопроса о соответствии административных и экономических границ правомерна, а следовательно, и целесообразна лишь в контексте административного управления экономикой. То же самое относится и к оптимальному числу единиц территориального деления. Среди пороков административной системы Г.Х. Попов в своей знаменитой статье¹² называет преобладание распорядительских функций над представительскими (каждый уровень управления не столько представляет перед вышестоящим от имени местных интересов и местной специфики, сколько транслирует "вниз" распоряжения и инструкции вышестоящего уровня) и значительное торможение обратной связи. Очевидно, что в этих "прочих равных" условиях преимущество получают компактные территории с малым числом административных единиц.

В РСФСР, в том числе в ее европейских регионах, территориальные образования (области, АССР, внутриобластные районы) обширнее, чем на Украине, в Белоруссии и Прибалтике. А если дополнительно учесть пониженную густоту городов, то окажется, что в РСФСР самая емкая сельская "глубинка". По данным А.М. Лолы и Т.М. Савиной [1978], по состоянию на начало 70-х гг. 96% территории российского Нечерноземья лежит за пределами двухчасовой доступности крупных городов. Едва ли можно усомниться в том, что в условиях ад-

Таблица 16

Соотношение внешних условий становления и функционирования административной системы управления сельским хозяйством в регионах ЕТС

Сельскохозяйственное освоение территории	Инфраструктурная насыщенность территории	
	высокая(+)	невысокая(-)
Выборочное, мелкие сельские поселения (-)	Прибалтика Белоруссия	Нечерноземная зона РСФСР Северный Кавказ (горная часть)
Сплошное, крупные сельские поселения (+)	Украина	Поволжье, ЦЧР, Северный Кавказ (равнинная часть)

Примечание. Регион отнесен в ту или иную ячейку таблицы по характеру большей части его территории; исключение сделано только для Северного Кавказа, состоящего из примерно равновеликих и контрастных субрегионов. Обозначения (+) и (-) соответствуют относительно лучшим и худшим условиям адаптации сельского хозяйства к административной системе.

министративной системы и полной унификации организационно-производственных форм поощрение местной инициативы, учет местной специфики и местных интересов, да и просто адекватная информация с мест затруднены тем больше, чем обширнее территориальная база хозяйствования, чем ниже густота инфраструктурных сетей. В этом видится одна из причин относительного регресса в сельском хозяйстве всех российских регионов, как черноземных, так и нечерноземных.

Этот показатель стал особенно сильно сказываться на положении дел в сельском хозяйстве в период, когда со стороны населения выросла избирательность по отношению к месту жительства и когда наряду с большим количественным сокращением демографических ресурсов периферийных районов стали нарастать качественные различия (в квалификации, среднем возрасте населения и т.д.).

Таким образом, роль каждого из обстоятельств, сопряженный учет которых позволяет, как указывалось выше, объяснить изменения в географии продуктивности сельского хозяйства ЕТС, неоднозначна.

Становление административной системы управления сельской экономикой сыграло роль социального фона, сквозь который, как сквозь лакмусовую бумагу, проступило дифференцирующее воздействие двух других обстоятельств. Одно из них — степень мозаичности угодий и дробности расселения — выявило худшую приспособленность нечерноземных регионов по сравнению с черноземными к возобладавшим организационным формам хозяйства. Другое — инфраструктурная освоенность пространства — определило лучшую управляемость производственно-территориальных образований, их более высокое социальное качество в западной части ЕТС (на Украине, в Белоруссии и Прибалтике).

Если прибегнуть к дихотомической разбивке регионов ЕТС на

¹² Попов Г.Х. С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 54—65.

группы по степени дробности угодий и мелкоселенности, с одной стороны, и доли каркасных (т.е. инфраструктурно обустроенных) территорий — с другой, то получим группировку, отображенную табл. 16. Два негативных полюса совмещаются именно в российском Нечерноземье, тогда как два позитивных — на Украине. Нам кажется, что эти территориальные особенности вкупе с рудиментами административной системы управления преломляют региональный эффект всех государственных мероприятий по активизации аграрного сектора экономики. В некоторых случаях это попросту приводит к тому, что затрачиваемые средства "уходят в песок".

ВЫВОДЫ

1. На Европейской территории страны повышенным уровнем продуктивности сельского хозяйства в расчете на единицу угодий выделяются Украина, Белоруссия и Прибалтика.

2. Российские регионы ЕТС, особенно Нечерноземье и Поволжье, уступают западным регионам по обоим факторам продуктивности сельского хозяйства: физическому объему ресурсов на единицу угодий и их отдаче.

3. В настоящее время наиболее существенным фактором территориальной дифференциации продуктивности сельского хозяйства является объем задействованных производственных ресурсов (ресурсный потенциал), на который приходится примерно 80% вариации выхода продукции с единицы угодий.

4. Отдельные компоненты ресурсного потенциала оказывают неравнозначное воздействие на продуктивность сельского хозяйства. На данном этапе различия в уровне естественного плодородия как в пределах всех ЕТС, так и особенно в пределах российского Нечерноземья, не влекут за собой значимых различий в продуктивности сельского хозяйства. Решающим фактором являются совокупные вложения живого и овеществленного труда.

5. Масштабы вложений живого и овеществленного труда в расчете на единицу сельскохозяйственных угодий тесно коррелируют друг с другом. В их сопряженном распределении отчетливо прослеживается меридиональный градиент: интенсивность сельскохозяйственного землепользования на ЕТС возрастает с востока на запад — от минимума в Нечерноземье РСФСР и Поволжье до максимума в Прибалтике, в Ленинградской обл., на западе Украины и Белоруссии. Меридиональный градиент объясняется устойчивыми, долго-временными различиями в интегральной освоенности территории между востоком и западом ЕТС. Абсолютный уровень освоенности, естественно, меняется со временем, характер же его территориального распределения остается довольно стабильным.

6. Сельское хозяйство Нечерноземной зоны РСФСР развивается в наиболее разреженном социальном пространстве: при высокой концентрации населения в городах и значительных междугородных расстояниях, низкой доле наиболее освоенных (каркасных) тер-

риторий в общей площади зоны. В настоящее время важнейшим фактором заселенности сельской местности служит наличие развитого городского расселения.

7. По специализации сельского хозяйства нечерноземная Россия слабо отличается от других нечерноземных регионов. Продуктовая триада "молоко—мясо—зерно" в силу ее представленности во всех регионах ЕТС дает необходимую базу для региональных сопоставлений продуктивности сельского хозяйства в пределах всей ЕТС.

8. Российское Нечерноземье на протяжении нескольких десятилетий (по крайней мере, до середины 30-х гг.) не уступало по продуктивности сельского хозяйства черноземным регионам ЕТС, а подчас и превосходило их. Намечившееся и углубившееся в дальнейшем отставание сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР связано с унификацией организационных форм сельского хозяйства, резко ослабившей воздействие всех территориально изменчивых компонентов сельской среды, кроме естественного плодородия почв.

Глава 2

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЫ РСФСР: АНАЛИЗ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В научной литературе и публицистике, докладных записках в директивные органы в числе основных причин долговременной депрессии в сельском хозяйстве Нечерноземья РСФСР до сих пор назывались следующие:

отсутствие хозрасчета в сфере управления АПК, объективно приводящее к разверстке плановых заданий и к регламентации способов их выполнения;

производственный приоритет в распределении капиталовложений в условиях неблагоприятной демографической обстановки;

курс на развитие только "перспективных" поселков при бытовавших определенное время запретах на строительство в остальных деревнях;

неудовлетворительное состояние дорог;

низкая эффективность осушительной мелиорации;

неблагоприятные условия труда, особенно в молочном животноводстве;

ошибки в определении специализации производства (т.е. в определении "сверху", при отсутствии самостоятельности хозяйств), выразившиеся, в частности, в ориентации на увеличение производства зерна в Нечерноземье;

пассивность местных органов власти, которые призваны представлять перед вышестоящими органами от имени местного населения, а не только "ретранслировать" установки центральных ведомств на свой район, свою область (не стоит забывать, что проекты районной планировки, предусматривавшие сселение деревень, неизменно утверждались на местах).

Все названные причины мы также считаем важными (а первую и последнюю — вдвойне). В то же время представляется, что всему этому своду причин свойственна некоторая ущербность, особенно дающая себя знать в условиях, когда переход к последовательному хозрасчету еще только начинается. Ущербность эта проявляется не в недоучете каких-то позиций, а в том, что все они безотносительны к территории, другими словами, в равной мере приложимы ко всей или к подавляющей части зоны общей площадью 2800 тыс. км², и в этом видится их слабость, недостаточность как руководства к действию.

Встречающиеся в литературе и статистических сводках указания на лидирующую роль Подмосковья и Ленинградской обл., а также на, казалось бы, наличие территориальной основы политики сселения деревень, в этом смысле мало что меняют. В первом случае — потому что и капиталовложения в названных областях освоены наибольшие, и успехи достигнуты прежде всего в отраслях с весьма льготными (обеспечивающими высокую рентабельность) закупочными ценами (в птицеводстве и свиноводстве). Во втором случае — потому что само выделение "перспективных" деревень осуществлялось на уравнительных основаниях: скажем, по одному поселку на хозяйство (в районных планировках второй половины 70-х гг.) независимо от положения по отношению к административным центрам.

В связи с тем что реконструкция сельского хозяйства Нечерноземья до сих пор не была основана на явно выраженных территориальных принципах, представляет особый интерес выявление фактически складывающихся территориальных пропорций экономического развития. Зная их, можно точнее оценить движущие силы развития сельского хозяйства, нежели на базе подлежащих плановой разверстке экономических заданий и соответствующего распределения инвестиций. Разумеется, и эти директивные задания, и это распределение непременно проходили этап обоснования. Но тот объективный и общепризнанный факт, что огромные капиталовложения в развитие Нечерноземья на протяжении многих лет не привели к соответствующему повышению продуктивности сельского хозяйства, заставляет предположить, что фактическая управляемость аграрной экономики региона не очень высока и что ее динамика обусловлена какими-то иными, выпавшими из поля зрения причинами.

Поставленную задачу мы в соответствии с одним из принципов географического мышления решаем путем последовательного укрупнения масштаба исследования. Начало было положено в предыдущей главе, где проводились мелкомасштабные, межрегиональные сопоставления. При этом было установлено, что по эффективности использования ресурсного потенциала Нечерноземная зона мало отличается от других регионов Европейской части РСФСР, и, стало быть, об отставании Нечерноземья можно говорить лишь имея в виду сопоставления с Украиной, Белоруссией, Прибалтикой. Другими словами, в пределах ЕТС выделяются как бы два макрорегиона: западный и восточный.

Коль скоро это так, часть причин положения, сложившегося в Нечерноземье, по-видимому, характерна для всего восточного макрорегиона, а возможно, и для всей Российской Федерации, что, по нашему мнению, только усиливает актуальность предпринимаемого исследования.

В данной главе проанализируем дифференциацию сельского хозяйства на уровне межобластных и внутриобластных сопоставлений.

Наиболее разносторонней информацией мы располагаем по

областям и АССР российского Нечерноземья. По этим территориальным единицам мы имеем возможность сравнительно полно проследить сопряженность результатов, факторов и условий сельскохозяйственного производства. В качестве методического инструмента был использован анализ главных компонент, получивший широкое распространение в экономических и географических исследованиях.

Анализ главных компонент, будучи одной из разновидностей факторного анализа, позволяет перейти от множества признаков, характеризующих объекты, к небольшому числу непосредственно не измеряемых комплексных переменных. Их и называют главными компонентами. Задача заключается в том, чтобы найти эти переменные, отражающие наиболее существенные закономерности анализируемой совокупности объектов — территориальных единиц.

Методика "свертки" информации с помощью факторного анализа и выполнения на этой основе группировки объектов к настоящему времени изложена в столь многочисленных вполне авторитетных источниках (например: [Развитие сельских поселений, 1977; Социально-демографическое развитие села, 1976; Жуковская, Мучник, 1976]), что специально останавливаться на этом вопросе в данном случае нет необходимости, тем более что метод широко апробирован и берется нами на вооружение не для демонстрации его возможностей, а исключительно для получения содержательных выводов.

ИНФОРМАЦИЯ

При формировании любого банка данных приходится исходить из двух предпосылок: из некоторой предварительной (экспертной) систематики подлежащих анализу явлений и из возможностей наличной статистической базы. Наша информация включает 75 количественных признаков по 28 областям и АССР Нечерноземной зоны РСФСР по состоянию на 1981—1985 гг.

Этой информацией охарактеризованы посевные площади и поголовье скота (10 переменных), ресурсы и результаты сельскохозяйственного производства (10), динамика результатов производства (10), эффективность производства (9), развитие подсобных хозяйств (7), урбанизированность территории (11), инфраструктурная насыщенность территории (7), емкость территории (8). Кроме того, охарактеризован уровень производства по состоянию на середину 60-х гг. (3). Каждый из названных массивов данных был факторизован порознь. Выделившиеся в результате стандартных процедур компонентного анализа индикаторы явлений (главные компоненты — линейные комбинации исходных признаков) ортогональны, т.е. не коррелируют друг с другом. Полученные результаты мы рассмотрим в такой последовательности: география степени выраженности отдельных компонент; парные сопряженности компонент (из разных массивов) и отдельных исходных признаков; причинный анализ

выявленной совокупности компонент. При содержательной интерпретации на каждом из этих этапов мы в случае необходимости будем привлекать более широкую информацию.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Посевные площади и поголовье скота. Информация этого статистического массива "сворачивается" в одну компоненту (табл. 17), четко интерпретируемую как животноводческая специализация сельского хозяйства. На рис. 5 показано распределение территорий по степени выраженности животноводческой специализации. Рассматриваемое явление удается "расслоить" на три более дробные компоненты: кормовая специализация растениеводства, распространение животноводства и овощеводства, распространение овощеводства (см. табл. 17). Анализ первой из этих компонент указывает на своего рода взаимозамещение кормового и зернового клинов в структуре посевных площадей (много кормовых — мало зерновых или наоборот); анализ второй компоненты указывает на аналогичное замещение овощных и технических культур. По кормовой специализации растениеводства в Нечерноземье держат первенство Коми АССР, Карельская АССР, Ленинградская, Псковская, Московская, Новгородская, Архангельская области. По зерновой же специализации лидируют все прочие автономные республики, а также Орловская, Рязанская и Тульская области. По поголовью коров на 100 га угодий резко выделяются Ленинградская и Московская области, по поголовью свиней — Ленинградская обл. и Чувашия, по поголовью птицы на 100 га пашни — Ленинградская обл. Наконец, овощеводство более развито во всех автономных республиках, кроме Коми, но особенно — в Чувашии.

Проведенный дополнительно анализ структуры по физическому весу продукции¹ выявил достаточно большие межобластные различия, прежде всего в уровне специализации на зерновых, овощах, технических культурах. Так, доля зерновых колеблется от 0,1—0,2% общего веса продуктовой группы (Коми, Карельская АССР) до 56—59% (Пермская, Кировская обл.), а доля овощей — от 19—22% (Московская, Ленинградская обл.) до 1,4—1,7% (Орловская, Кировская обл.).

Выше было показано, что стоимостная оценка продуктивности сельского хозяйства тесно коррелирует с синтетической натуральной оценкой, вычисленной всего по трем продуктам — зерну, молоку, мясу. В свете установленных различий в специализации такая сопряженность может объясняться только стихийно выработанным механизмом межобластного выравнивания рентабельности. По-видимому, этот механизм складывается из традиционного учета природной специфики (при выборе структуры-

¹ Учитывая физический вес зерна, мяса в убойном весе, молока, картофеля, овощей, технических культур

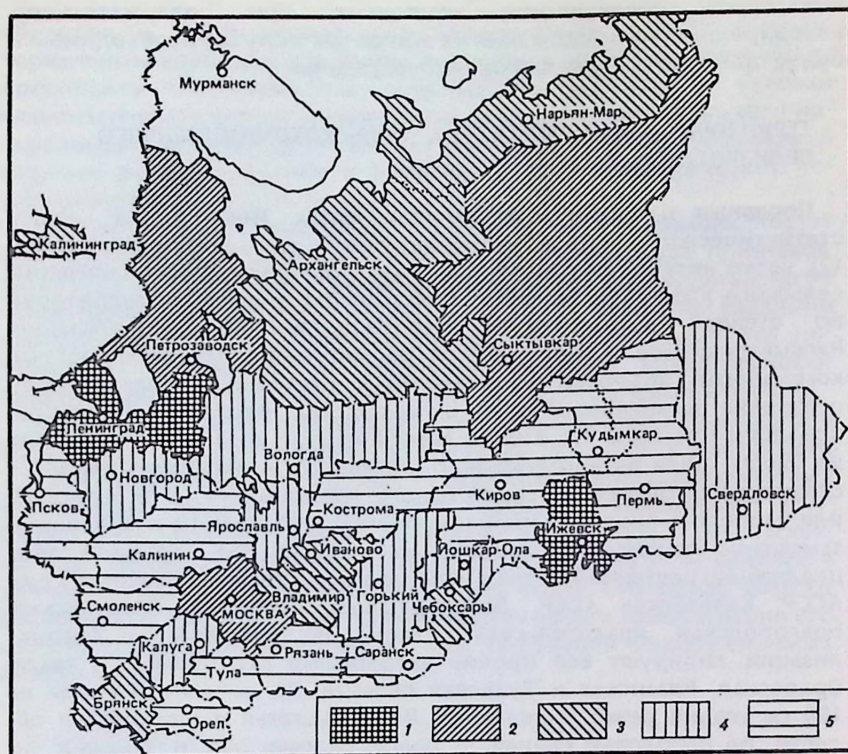

Рис. 5. Животноводческое направление сельского хозяйства
1—5 — степени выраженности фактора (по убыванию значения факторного веса)

посевов) и из корректирующей этот учет дифференциации надбавок к закупочным ценам. При этом чем выше степень специализации на продукте с низким уровнем рентабельности, тем больше доля надбавок в выручке хозяйств.

Ресурсы и результаты производства. Наиболее компактно и хорошо интерпретируется одномерное решение этого массива, т.е. свертка 12 входящих в его состав переменных в одну компоненту "продуктивность сельского хозяйства" (табл. 18). Такое сжатие информации оказалось возможным в силу того, что натуральные показатели продуктивности в условиях Нечерноземья достаточно тесно коррелируют со стоимостными. Попытка расслоить комплексную характеристику продуктивности сельского хозяйства приводит к выявлению результативных производственных признаков, теснее всего сопряженных с отдельными ресурсами производства. Как видно из табл. 18, с фондовооруженностью труда особенно сильно связаны его производительность и валовая продукция в целом — явление нормальное для современных производственных систем любого профиля; с трудообеспеченностью наиболее связан

Таблица 17

Главные компоненты массива "Посевные площади и поголовье скота"

Признак	Коэффициенты корреляции с компонентами			
	Одномерное решение	Трехмерное решение		
		Животно-водческая специализация сельского хозяйства	Кормовая специализация растениеводства	Животно-водство и овощеводство
Доля в посевной площади, %				
зерновых	— 0,811	— 0,960	— 0,243	0,016
технических культур	— 0,613	— 0,077	— 0,733	0,228
кормовых	0,802	0,946	0,244	0,026
картофеля	0,748	0,588	0,460	— 0,390
овощей	0,901	0,456	0,810	0,210
Поголовье на 100 га сельхозугодий				
крупного рогатого скота	0,888	0,340	0,877	— 0,063
коров	0,925	0,457	0,832	0,041
свиней	0,817	0,255	0,856	— 0,085
овец и коз	0,054	— 0,033	0,048	— 0,957
Поголовье птицы на 100 га пашни	0,933	0,762	0,586	0,127
Процент объясненной вариации	62,3	33,5	40,6	11,9
Суммарный процент объясненной вариации	62,3		86,0	

показатель удоев от одной коровы. Лишь фондоотдача не показала тесной ($r > 0,7$) связи ни с одной из переменных данного массива. Максимальная теснота связи фондоотдачи — с численностью занятых в сельском хозяйстве на 100 га угодий (0,56), а за пределами массива — с долей местных дорог с усовершенствованным покрытием в общей протяженности местных дорог (0,61) и с поголовьем крупного рогатого скота на 100 га (0,56). В то же время обращают на себя внимание отсутствие отрицательной связи фондоотдачи с фондовооруженностью труда (0,18) и положительная связь с производительностью труда (0,54). Это позволяет утверждать, что территориальные различия в эффективности производства не являются проекцией различий в фондовооруженности труда.

О географии современной продуктивности сельского хозяйства Нечерноземья можно судить по рис. 6. По этому показателю выделяются Ленинградская обл., Карелия, Подмосковье. Далее с небольшим отрывом идут Калининградская обл., Чувашская и Коми АССР, Свердловская, Владимирская и Вологодская обл. Самая низкая продуктивность сельского хозяйства в Кировской, Пермской, Орловской, Псковской областях, в Мордовской и Удмуртской АССР, в

Таблица 18

Главные компоненты массива "Ресурсы и результаты производства"

Признак	Коэффициенты корреляции с компонентами			
	Одномерное решение	Трехмерное решение		
		Фондово- оружен- ность труда и ее след- ствия	Трудообес- печенность и ее след- ствия	Фондо- отдача
Валовая продукция ⁸	0,985	0,754	0,576	0,272
Стоимость основных производ- ственных фондов ⁸	0,968	0,779	0,587	0,140
Среднесписочная численность занятых ⁸	0,659	0,038	0,970	0,162
Фондоотдача	0,533	0,128	0,223	0,954
Производительность труда	0,885	0,890	0,164	0,412
Фондовооруженность труда	0,769	0,985	0,050	0,042
Урожайность зерновых	0,857	0,508	0,557	0,470
Урожайность картофеля	0,809	0,438	0,674	0,264
Производство молока ⁸	0,801	0,558	0,480	0,327
Производство мяса ⁸	0,917	0,736	0,549	0,150
Удой от одной коровы	0,861	0,515	0,704	0,197
Доля продукции растениевод- ства, выращенной на мелиориро- ванных землях	0,842	0,756	0,433	0,087
Процент объясненной вариации	69,4	42,5	30,6	13,9
Суммарный процент объяснен- ной вариации	69,4		87,0	

⁸ На 100 га.

Калужской, Рязанской, Калининской, Костромской, Смоленской, Новгородской, Брянской, Ивановской, Ярославской и Горьковской областях. Уже из этого ранжированного перечня следует, что распределение областей по продуктивности сельского хозяйства характеризуется резкой асимметрией: высокопродуктивных территорий крайне мало; и при исключении из массива Подмоскovie, Ленинградской обл. и Карельской АССР коэффициент вариации стоимости валовой продукции на 100 га угодий убывает с 65 до 23%.

Расчет показывает, что, как и по ЕТС в целом, продуктивность сельского хозяйства Нечерноземья определяется главным образом (на 90%) ресурсным потенциалом, вклад же ресурсоотдачи в дифференциацию продуктивности невелик. Во всяком случае наиболее продуктивные территории в Нечерноземье оказываются и самыми трудо- и фондовообеспеченными и наоборот. Все же определенные различия в ресурсоотдаче имеют место. Так, в трех областях, ли-

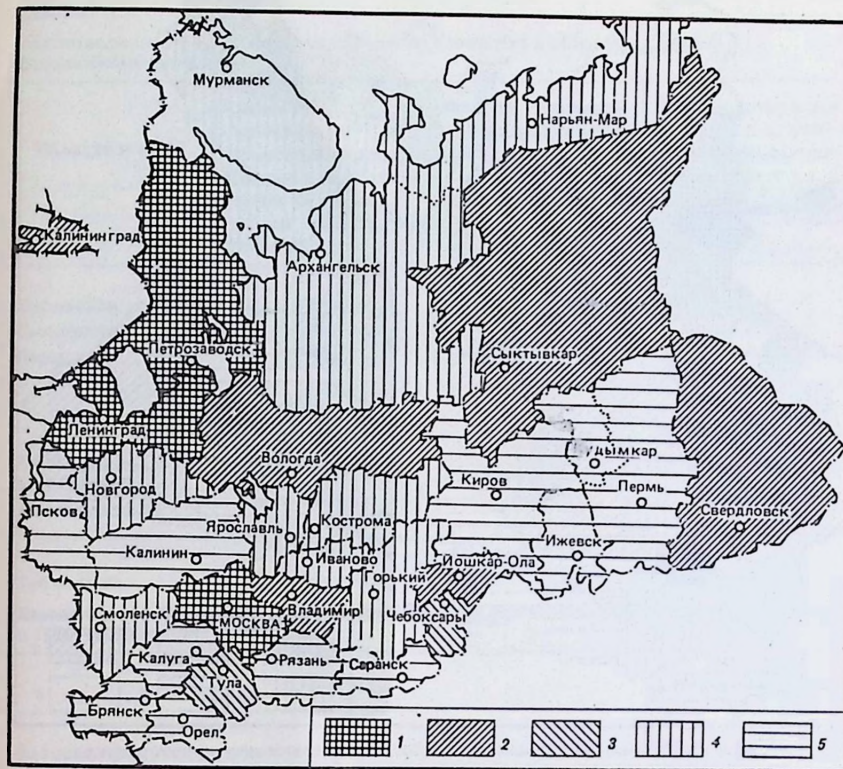

Рис. 6. Продуктивность сельского хозяйства
1—5 — степени выраженности фактора (по убыванию значения факторного веса)

дирующих по фондооснащенности, основных фондов на единицу угодий в среднем приходится (в стоимостном выражении) в 3,9 раза больше, чем в трех отстающих. Между тем сопоставление тех же групп областей по выходу валовой продукции с единицы угодий говорит о перепаде в 4,2 раза, а по производству мяса на 100 га даже в 4,7 раза (табл. 19). Это дает основание предположить, что в сельском хозяйстве Нечерноземья проявляется агломерационный эффект, т.е. эффект повышенной концентрации ресурсов.

Для проверки этого предположения необходимо привести к общему знаменателю характеристики эффективности трудо- и фондозатрат. Таковым может служить вклад, вносимый производительностью труда и фондоотдачей в производство продукции. На его расчетах основан показатель эффективности производства (Э), использованный нами в предыдущей главе.

В данном случае оказывается, что наиболее высоким уровнем эффективности производства отличаются области с наивысшей ресурсовооруженностью (рис. 7). Этот факт, сам по себе весьма примечательный, подтверждает наличие в сельском хозяйстве Нечерноземья агломерационного эффекта по аналогии с промыш-

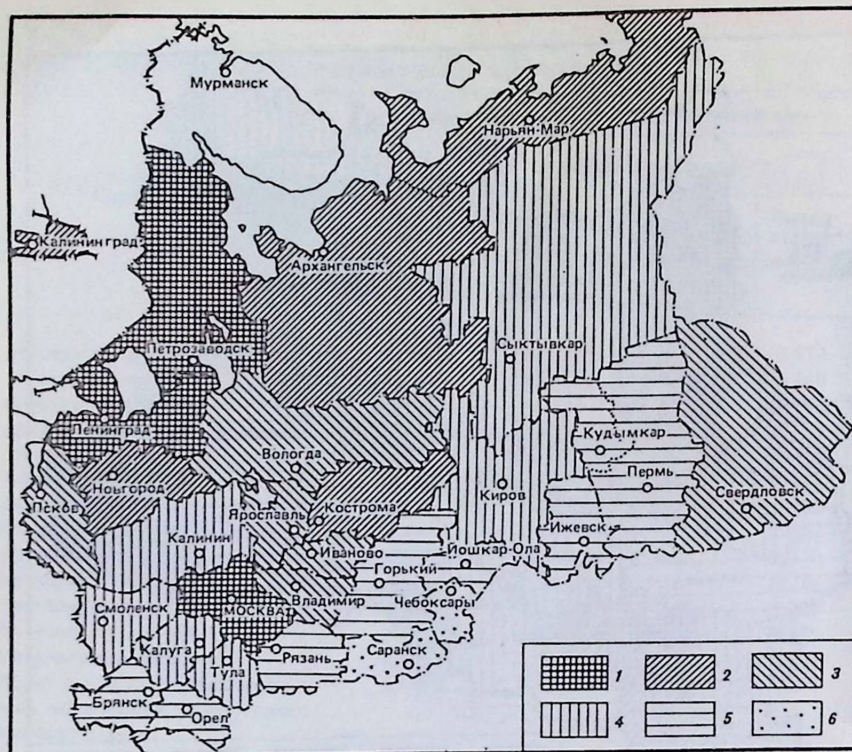

Рис. 7. Ресурсовооруженность сельского хозяйства
1—6 — степени выраженности фактора (по убыванию значения факторного веса)

ленностью. При этом удастся подсчитать, в какой степени перепады в продуктивности сельского хозяйства связаны с ресурсоотдачей, а в какой — с физическим объемом ресурсов. Например, в Ярославской обл. в 1981—1985 гг. со 100 га угодий получено продукции на 52 тыс. руб., тогда как в Московской — на 153 тыс. руб. (в ценах 1983 г.). Из перепада в 101 тыс. руб. 78% связано с тем, что в Подмоскowie выше трудо- и фондообеспеченность, а 22% — с тем, что выше эффективность производства.

Вызывает интерес сравнение нынешней географии продуктивности сельского хозяйства с положением, имевшим место 20 лет назад, до принятия постановлений по Нечерноземью. Анализ показал, что распределение областей по продуктивности осталось практически неизменным, но углубились контрасты. Наибольший относительный регресс пережило сельское хозяйство Ярославской, Орловской², Брянской областей, а наибольший прогресс наблюдался в Марийской и Коми АССР. Обращают на себя внимание еще две особенности

² Активизация сельского хозяйства Орловщины, отмечаемая в последнее время прессой, приходится уже на годы 12-й пятилетки.

Таблица 19

Сопоставление продуктивности сельского хозяйства в областях с разной фондообеспеченностью

Области и АССР	Стоимость основных производственных фондов с.-х. назначения на 100 га с.-х. угодия (1983 г.), тыс. руб.	Стоимость валовой продукции на 100 га с.-х. угодия (1981—1985 гг.), тыс. руб. (в ценах 1973 г.)	Производство мяса на 100 га с.-х. угодия в убойном весе (1981—1985 гг.), т.
Кировская	62,0	26,9	2,3
Смоленская	67,2	39,1	2,4
Пермская	68,7	31,0	2,9
...	...	...	...
...	...	...	...
...	...	...	...
Карельская	203,4	116,0	7,3
Московская	254,3	126,9	10,7
Ленинградская	319,2	166,5	17,6

Таблица 20

Динамика сельскохозяйственного производства в Нечерноземной зоне РСФСР в период с 1966—1970 по 1981—1984 гг.

Показатель	Индекс динамики
Валовая продукция в общественном секторе	1,373
Валовая продукция личных подсобных хозяйств	0,819
Среднесписочная численность занятых	0,830
Основные производственные фонды сельскохозяйственного назначения	3,900
Площадь сельскохозяйственных угодий	0,926
Фондоотдача	0,468
Производительность труда	2,202
Производство молока в общественном секторе	1,023
Производство мяса в общественном секторе	1,511

производственной динамики Нечерноземья: продуктивность сельского хозяйства в большинстве областей росла значительно медленнее, чем фондооснащенность; имеются области, где продуктивность сельского хозяйства снизилась абсолютно (Калининская, Псковская, Ярославская, Новгородская).

Производственная динамика. Наряду с сопоставлением временных срезов об изменении производственных результатов можно судить по индексам динамики. Но прежде чем перейти к анализу обработки соответствующего информационного массива, рассмотрим табл. 20.

Судя по этой таблице, можно предположить, что рост фондо-

оснащенности в сельском хозяйстве Нечерноземья служил в значительной мере компенсации вышедших работников и привел к падению интенсивности производства в ее общезкономическом толковании. Расчет по формуле В.Г. Гребенникова в оригинальной (динамической) версии показал, что с 1966—1970 по 1971—1975 гг. благодаря интенсификации производства было получено 91,8% общего прироста продукции, с 1971—1975 по 1976—1980 гг. — 50,8, а в последующий период (1981—1984 гг.) — лишь 37,4%. Это свидетельствует о стремительном падении эффективности капиталовложений.

С середины 60-х гг. произошло сокращение площади сельскохозяйственных угодий. Но еще более существенно то, что за указанный период произошло изменение соотносительной значимости трех основных производственных ресурсов (факторов) сельскохозяйственного производства — живого труда, основных фондов, земли. Самое серьезное изменение — снижение так называемого площадного эффекта, т.е. того удельного вклада в производство, который вносит площадь сельскохозяйственных угодий. Это можно проследить по трем основаниям: по парной сопряженности (корреляции) площади угодий и валовой продукции, по коэффициенту локализации результатов ее производства в Нечерноземной зоне (табл. 21) и по эконометрической производственной функции (табл. 22).

Как видно из табл. 21 и 22, еще 20—25 лет назад можно было сказать: чем обширнее массив угодий, находящихся на балансе сельскохозяйственных предприятий, тем больше производственные результаты. Сегодня это уже не так: земельные угодья, несмотря на значительное их сокращение, обнаруживают признаки избыточного ресурса. Своеобразный, но, как мы покажем ниже, вполне объяснимый парадокс: в прошлом, когда в сельскохозяйственном обороте угодий было больше, в избытке они не были.

Как же соотносились между собой все эти сдвиги в совокупности областей и республик Нечерноземной зоны? Об этом позволяет судить корреляционная матрица индексов динамики производства.

Обращает на себя внимание следующий факт. Рост валовой продукции в общественном секторе обеспечен прежде всего увеличением производства мяса, главный же фактор стабильности личного подсобного хозяйства — производство молка; теснота связи продукции общественного сектора с численностью занятых в динамике выше, чем с фондооснащенностью; индексы динамики фондоотдачи и трудообеспеченности тесно связаны друг с другом. Это говорит о том, что продукция больше выросла в тех областях, где были наименьшие потери в числе занятых, в этих же областях минимальным оказалось снижение фондоотдачи.

Девять признаков, перечисленных в табл. 20, могут быть сжаты в одну компоненту, на долю которой приходится 56% суммарной вариации. Характерно, что степень выраженности этой компоненты

Таблица 21

Индикаторы уменьшения значимости "площадного" эффекта в сельском хозяйстве Нечерноземья

Индикатор	1961— 1965 гг.	1966— 1970 гг.	1971— 1975 гг.	1976— 1980 гг.	1981— 1985 гг.
Коэффициент корреляции стоимости валовой продукции сельского хозяйства с площадью сельскохозяйственных угодий	0,703	0,678	0,593	0,532	0,492
Коэффициент локализации производства валовой продукции сельского хозяйства относительно площади сельскохозяйственных угодий	0,123	0,124	0,142	0,156	0,163

Таблица 22

Двухфакторная производная функция для 28 областей и АССР Нечерноземной зоны РСФСР

Переменные	Валовая продукция сельского хозяйства в сопоставимых ценах 1973 г., тыс. руб. (Y)	Площадь сельскохозяйственных угодий, тыс. га (X ₁)	Стоимость основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения, тыс. руб. (X ₂)
------------	---	--	--

Доля объясненной вариации
Y и ее распределение между
X₁ и X₂

1966—1970 гг.	0,933	0,180	0,733
1971—1975 гг.	0,940	0,092	0,848
1976—1980 гг.	0,962	— 0,074	1,036
1981—1984 гг.	0,946	— 0,127	1,073

Уравнение

1966—1970 гг.	$\ln Y = -0,729 + 0,204 \ln X_1 + 0,851 \ln X_2$
1971—1975 гг.	$\ln Y = -0,738 + 0,100 \ln X_1 + 0,924 \ln X_2$
1976—1980 гг.	$\ln Y = -0,646 + 0,080 \ln X_1 + 1,055 \ln X_2$
1981—1984 гг.	$\ln Y = -1,010 + 0,146 \ln X_1 + 1,128 \ln X_2$

(рис. 8) коррелирует с распространением несельскохозяйственных занятий. Лишь наличие Марийской АССР в группе лидеров по росту производства отличает эти распределения друг от друга.

В свете изложенного на первый план в объяснении той поляризации, которая как бы развела области Нечерноземья на

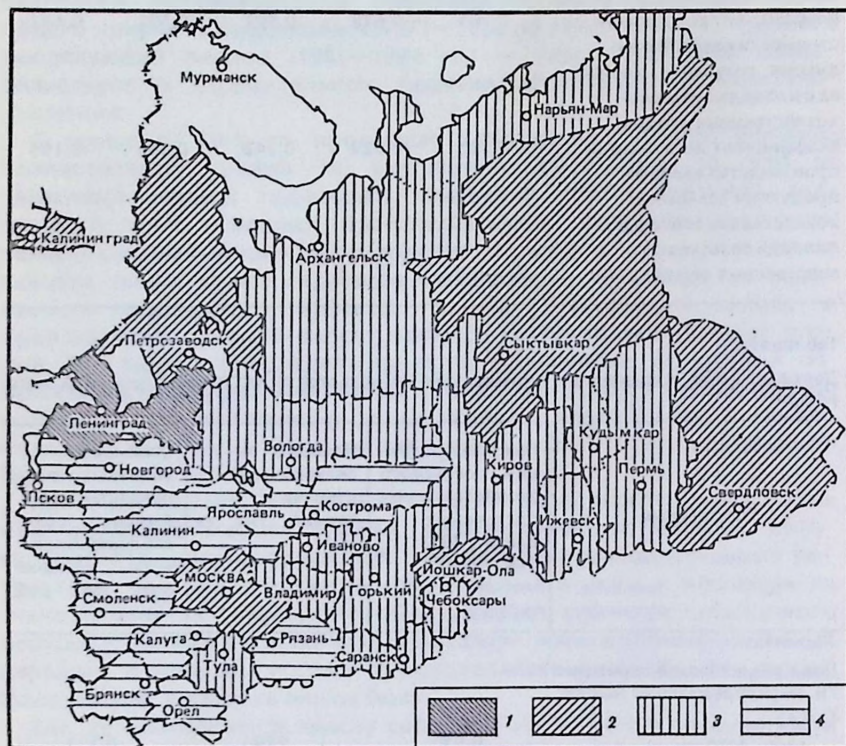
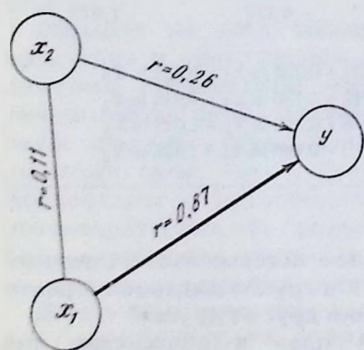

Рис. 8. Динамика продуктивности сельского хозяйства в период с 1961—1985 по 1981—1985 гг.
1 — значительный рост, 2 — умеренный рост, 3 — стагнация, 4 — падение производства

$$\ln Y = 0,209 + 1,058 \ln X_1 + 0,203 \ln X_2; \\ R^2 = 0,779$$

Рис. 9. Динамика продуктивности сельского хозяйства в период с 1961—1965 по 1981—1985 гг. (схема детерминации)
 X_1 — индекс динамики численности занятых; X_2 — индекс динамики стоимости основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения; Y — индекс динамики валовой продукции сельского хозяйства

Таблица 23

Сопоставление масштабов снижения фондоотдачи в областях с различной динамикой численности занятых в сельском хозяйстве в период с 1966—1970 по 1981—1985 гг.

Области и АССР	Индекс динамики численности занятых в сельском хозяйстве	Индекс динамики стоимости ОПФ с.-х. назначения	Индекс динамики фондоотдачи
Ленинградская	1,15	5,00	0,47
Московская	1,05	3,99	0,44
Карельская	1,03	4,66	0,48
Калининградская	1,00	2,06	0,67
Свердловская	0,88	3,59	0,42
...	...	...	...
...	...	...	...
...	...	...	...
Новгородская	0,62	3,13	0,34
Калининская	0,61	3,47	0,30
Ярославская	0,58	3,83	0,30
Смоленская	0,57	3,40	0,38
Псковская	0,52	3,88	0,27

активные и депрессивные в сельскохозяйственном отношении, выступает причинная цепочка, показанная на рис. 9.

Выделим в ряду областей, ранжированных по индексу динамики среднесписочной численности занятых в сельском хозяйстве, две крайние группы по пять областей в каждой. Сопоставим по этим группам средние индексы динамики фондооснащенности и фондоотдачи. Результаты сопоставлений приведены в табл. 23. Получается, что в группе областей с относительно стабильной рабочей силой падение фондоотдачи оказалось меньшим, несмотря даже на более быстрый рост фондооснащенности.

На протяжении трех последних десятилетий отношение к снижению числа занятых в сельском хозяйстве, судя по средствам массовой информации, претерпело несколько изменений.

Поначалу, примерно до первой половины 60-х гг., о выбытии сельскохозяйственных работников говорили исключительно как о неизбежном результате технического прогресса. Затем, уже в начале 70-х гг., когда стало ясно, что сокращение числа работников опережает возможности полноценного замещения их техникой, оценка явления изменилась. Ссылки на так называемый дефицит кадров стали уже использовать в качестве наиболее распространенного объяснения положения дел на производстве. Так продолжалось до тех пор, пока публицисты и ученые, пишущие на внутренние темы, не узнали от своих коллег-международников, что во многих промышленно развитых странах, хорошо обеспечивающих себя продовольствием, занятых в сельском хозяйстве относительно всего занятого населения (но далеко не всегда на единицу угодий)

еще меньше, чем в Нечерноземье³. Тогда стали поговаривать о том, что ссылки на нехватку кадров нужны лишь как отговорки для нерадивых хозяев.

На наш взгляд, ни одна из этих оценок трудообеспеченности не поддерживает проверки фактами. Указание на связь сокращения занятости в сельском хозяйстве с ростом его технической вооруженности, верное в исторической ретроспективе, далеко не всегда подтверждается территориальными сопоставлениями. Самый значительный рост фондооснащенности сельского хозяйства, как раньше, так и теперь, наблюдается совсем не в тех областях, откуда был самый большой отток сельскохозяйственного населения.

К тому же рост фондовооруженности труда и снижение численности занятых в существующих условиях происходят как бы в разных системах координат. У этих процессов разная логика. Потенциальные мигранты, прежде чем принять решение о переселении, пользуются всей доступной им информацией о качестве жизни в достаточно широких географических пределах. Впрочем, в данном случае важна не столько широта маневра, сколько сам факт подключенности к каналам социальной информации. На иной основе при существовавшем до сих пор хозяйственном механизме принимаются решения о росте фондооснащенности отдельных предприятий, районов, областей. Это ведомственные решения, и приоритеты которыми при этом руководствуются, тоже сугубо ведомственные. Разумеется, "фондируя" ресурсы, управленцы различного уровня могут учитывать также и факты социального характера, что и наблюдается на практике (когда, например, стремятся помочь убыточным хозяйствам). Однако, как правило, это уже свершившиеся факты. У существующего распределения фондов в норме могут быть и бывают только два зримых ориентира. Экономический ориентир — это различия в продуктивности, в отдаче вложений, административный — это либо "уравниловка", либо предпочтение, никак не связанное с ресурсоотдачей. Причем если экономический ориентир фондирования ресурсов связан с трудообеспеченностью хотя бы опосредованно (при прочих равных условиях фондоотдача выше в трудообеспеченных хозяйствах, районах, областях), то административный если и бывает связан с каким-либо сугубо местным фактором, то разве что с энергией того или иного руководителя. Разумеется, дело обстоит бы иначе, если бы хозяйства сами покупали себе средства производства, руководствуясь платежеспособным спросом.

Несерьезными выглядят ссылки на дефицит кадров и в тех случаях,

³ "Сегодня в Селижаровском районе (Калининской обл. — Г.И.) 18 тыс. человек. Из них ровно половина — 9 тыс. — живут на селе. Причем трудоспособных — 2500 человек. То есть почти 14% всего районного населения. Примерно такой же расклад по другим районам. Однако во многих развитых странах количество даже не трудоспособных, а живущих в сельской местности не превышает 3—5% от общей численности населения, и этого хватает, чтобы вполне обеспечивать себя продовольствием" (Известия. 1987. 24 мая).

когда, как это обычно бывает, его констатируют по отношению к производственным планам, из которых нормативно выводится трудообеспеченность, необходимая для производства продукции в заданном объеме и ассортименте. В действительности, если планы построены в расчете на заведомо недостижимую трудообеспеченность⁴, то они экономически бессмысленны. В условиях, когда не только село, но и город живет в условиях напряженного трудового баланса, сетовать на дефицит кадров в указанном смысле — все равно что пенять на неблагоприятные погодные условия.

О дефиците живого труда правомерно говорить лишь по отношению к потребностям господствующей технологии и формы организации производства, учитывая, что различия в ресурсообеспеченности намного превосходят различия в ресурсоотдаче, этом главном критерии организационно-технологического состояния хозяйства. Именно технология вкупе с организацией производства задает пропорции затрат производственных ресурсов (земли, живого труда, технических средств), вовлекаемых в сельскохозяйственный оборот. А если пропорции в затратах predetermined, но одного из ресурсов постоянно не хватает, то именно он, образно говоря, и ведет за собой производство.

Выше было показано, что именно трудообеспеченность определяет в сегодняшнем Нечерноземье окупаемость затрат овеществленного труда. Она же определяет и масштабы использования земли: как раз в областях с пониженной трудообеспеченностью происходят максимальные (свыше 100 тыс. га) единовременные списания сельскохозяйственных земель, как это, к примеру, имело место в Новгородской обл. в 1985 г.

Если же где-нибудь за рубежом на единицу сельскохозяйственных угодий приходится работников еще меньше, чем в Нечерноземье, то прежде чем ссылаться на эту ситуацию, нужно проверить, не является ли она достоянием качественно иной технологической эпохи. Обращаясь вновь к рис. 4, оправданно предположить, что переход от одной технологической эпохи к другой может быть отображен в виде скачкообразных изменений в зависимости продуктивности сельского хозяйства от ресурсного потенциала⁵. Но если это так, тем более существенно осознать, что когда на территории, например, современной ФРГ фондообеспеченность и натуральные показатели продуктивности сельского хозяйства были примерно такими же, как ныне в некоторых регионах ЕТС, то на 100 га

⁴ На практике планы являют собой известный компромисс достижимого с недостижимым. Как справедливо пишет В.И. Переведенцев [1983], планируемый объем сельскохозяйственного производства "сам несет печать недостатка рабочей силы".

⁵ В этом, кстати говоря, состоит отрицание всеобщего характера закона убывающей производительности последующих затрат, действующего лишь в рамках определенной организационно-технической стадии развития производства

угодий там приходилось 29 работников (1950—1951 гг.)⁶, то есть вчетверо больше, чем в Нечерноземье РСФСР.

Это еще один довод в пользу того, что нынешняя трудообеспеченность нечерноземного хозяйства дефицитна только по отношению к его организационно-технологическому состоянию. Отсюда дилемма: менять организационные формы или изыскивать дополнительные людские ресурсы. В краткосрочном плане одно как будто бы не исключает другое. Но для выработки долгосрочной стратегии необходимо ясное представление о приоритетах.

Наряду с окупаемостью капиталовложений существуют и другие каналы воздействия трудообеспеченности на продуктивность сельского хозяйства. Ведь живой труд — компонент ресурсного потенциала, а, как было показано ранее, физический объем ресурсов влияет на конечные производственные результаты сильнее, чем ресурсоотдача.

В связи с этим напрашиваются два вопроса: 1) влияют ли сдвиги в трудообеспеченности на распределение производственных капиталовложений? 2) насколько сильно прямое воздействие этих сдвигов на географию продуктивности сельского хозяйства Нечерноземья?

Выше указывалось, что распределение прироста основных фондов есть некоторая равнодействующая административных и экономических предпосылок. Для первых из них мы не можем подобрать количественного критерия; в этой роли может выступать, к примеру, способность местного руководства "выбивать" фонды (явление, разумеется, тоже поддающееся измерению, но как предмет отдельного исследования). Однако для экономических предпосылок правдоподобные ориентиры (корреляты, предикторы) установлены предшествующим анализом. Это прежде всего трудообеспеченность и уровень фондоотдачи в начале периода. Регрессионный анализ показал, что прирост стоимости основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения в областях Нечерноземья с 1968—1970 по 1981—1985 гг. статистически объясняется этими признаками лишь на 23% ($R^2 = 0,23$). Если же исключить из массива Марийскую АССР и Калининградскую обл. (территориальные единицы соответственно с наибольшим и наименьшим приростом фондов за указанный период), то уровень объяснения повышается до 30%. Таким образом, трудообеспеченность сама по себе и через посредство фондоотдачи в определенной мере влияет на распределение другого компонента ресурсного потенциала — основных фондов.

Ответ на второй вопрос оказывается более определенным. Выясняется, что среди звеньев причинной цепочки, изображенной на рис. 3, абсолютно доминирует звено $X_1 \rightarrow Y$. Из уравнения регрессии можно определить, что чистый эффект сокращения трудообеспеченности сельского хозяйства на 10% за период с 1968—1970 по

1981—1985 гг. состоял в падении стоимости валовой продукции в среднем на 10,6%, тогда как чистый эффект аналогичного прироста фондообеспеченности выразился в росте валовой продукции на 2,0%. При этом сопряженность между динамикой занятых в сельском хозяйстве и динамикой основных фондов была близка к нулю.

Все это свидетельствует о том, что в реальном, фактическом развитии агропроизводственной системы Нечерноземья логика самоорганизации населения решительно возобладала над логикой фондирования ресурсов. Другими словами, стихийные или, по крайней мере, слаборегулируемые процессы динамики сельскохозяйственного населения оказались для производства более важными, нежели процессы распределения средств производства, подверженные при всех случайностях куда более жесткому внешнему контролю.

Этот вывод, имеющий принципиальное значение, станет еще весомее, если принять во внимание одну из особенностей самого процесса динамики сельскохозяйственного населения — хорошо выраженную инерционность. Так, масштабы потерь в трудообеспеченности сельского хозяйства нечерноземных областей в период с 1960 по 1986 гг. тесно коррелируют с сокращением численности всего сельского населения в предшествующий (1926—1959 гг.) период ($R = R^2, 83$), тогда как связь динамики трудообеспеченности с распределением прироста основных фондов, т.е. по существу рабочих мест, практически отсутствует⁷.

Таким образом, именно территориальное перераспределение сельскохозяйственного населения, а не инвестиционная практика⁸, оказывало влияние на изменение географии продуктивности сельского хозяйства Нечерноземья в истекшее двадцатилетие.

Если в первой половине 60-х гг. в числе самых трудообеспеченных (в расчете на единицу угодий) территорий наряду с Чувашской и Марийской АССР, Горьковской, Московской и Ленинградской областями были и такие, как Брянская, Ивановская, Калужская обл., то в настоящее время лишь Чувашия и Марийская АССР сохраняют лидирующие позиции. В роли же остальных "лидеров" — только территории с максимальным распространением несельскохозяйственных занятий.

В полном соответствии с перераспределением демографических ресурсов сельского хозяйства находится и тенденция изменения географии его продуктивности.

Действительно, если в первой половине 60-х гг. на пять территорий с наиболее стабильной в 1960—1985 гг. трудообеспеченностью (Калининградская, Ленинградская, Свердловская, Московская

⁶ В 1951—1954 гг. урожайность зерновых в ФРГ составляла 25,5 ц/га, картофеля — 215 ц/га, удой от одной коровы — 2728 кг (Statistisches Jahrbuch für BRD. 1956. С. 143, 145, 159).

⁷ Вопрос о том, что первично в размещении производительных сил — единицы в размещении рабочих мест или единицы в размещении населения, еще недавно был "гвоздем" академических дискуссий экономико-географов. Как видно, в сельской местности Нечерноземья этот вопрос имеет вполне определенное решение.

⁸ Говорить об инвестиционной политике применительно к рассматриваемому периоду, по-видимому, бессмысленно ввиду очевидного отсутствия последней.

Таблица 24

Динамика территориальной концентрации сельскохозяйственного производства в Центральном и Северо-Западном районах

Годы	Доля продукции, производимой в Московской обл., в % к ЦЗР			Доля продукции, производимой в Ленинградской обл., в % к Северо-Западному району		
	Вся валовая продукция	Молоко	Мясо в убойном весе	Вся валовая продукция	Молоко	Мясо в убойном весе
1961—1965	17,4	15,5	13,4	39,1	32,1	34,7
1981—1985	23,3	24,6	23,8	58,7	56,1	61,2

Таблица 25

Главные компоненты массива "Роль сельского хозяйства в землепользовании, расселении, в занятиях населения"

Признак	Коэффициенты корреляции с компонентами		
	Развитость несельскохозяйственных видов деятельности	Сельскохозяйственная освоенность территории	Старение населения
Доля сельскохозяйственных угодий в территории	0,333	0,850	- 0,136
Доля сельскохозяйственных угодий в землепользовании сельхозпредприятий	0,145	0,891	0,205
Доля пашни в сельскохозяйственных угодьях	0,316	0,745	- 0,160
Доля несельскохозяйственных отраслей в занятиях населения	- 0,820	- 0,485	0,154
Доля городского населения	- 0,890	- 0,172	0,071
Плотность городского населения	- 0,772	0,535	0,026
Плотность сельского населения	- 0,111	0,895	0,154
Доля населения, проживающего в несельскохозяйственных сельских поселениях	- 0,708	0,546	0,265
Доля сельского населения, проживающего в поселениях с плотностью до 50 чел.	0,065	- 0,312	- 0,883
Доля сельского населения в пенсионном возрасте	0,167	0,214	- 0,915
Процент объясненной вариации	28,4	38,7	18,2
Суммарный процент объясненной вариации		85,3	

области, Карельская АССР) приходилось 20% всей валовой продукции сельского хозяйства, то в середине 80-х гг. — уже 28%. При этом размах вариации валовой продукции сельского хозяйства на 100 га угодий⁹ возрос с 18 до 80 тыс. руб. в ценах 1973 г., или в 4,4 раза.

Изложенное позволяет утверждать, что если бы практика распределения капиталовложений всецело основывалась на экономических предпосылках, территориальные контрасты в продуктивности сельского хозяйства были бы выражены еще сильнее — за счет более эффективного использования приростов основных фондов в наиболее трудообеспеченных областях.

В настоящее время контрасты в продуктивности особенно велики в пределах Центрального и Северо-Западного экономических районов (табл. 24), где со временем возрастает роль Московской и Ленинградской областей.

Роль сельского хозяйства в землепользовании, расселении, в занятиях населения. Переменные этого массива четко сгруппировались в три компоненты. По степени выраженности первой из них (развитость несельскохозяйственных видов деятельности) области Нечерноземья разделились на четыре неравные группы. Экстремальные позиции занимают Московская и Ленинградская области с одной стороны, и АССР Волго-Вятского района и Орловская обл. — с другой. О разбросе исходных показателей можно судить по табл. 25, где показано межгрупповое распределение характеристик, вошедших с наибольшей нагрузкой в первую компоненту. Очевидно, что география ее выраженности (рис. 10, см. табл. 25) — это в значительной мере география урбанизированности, вовлеченности сельского хозяйства в социальное взаимодействие с другими видами деятельности¹⁰. Лишь в областях Северного экономического района распространение несельскохозяйственных занятий больше связано с промысловым типом освоения. Можно сказать, что рис. 10 отражает азональную составляющую внешних условий производства.

В противоположность этому вторая компонента (сельскохозяйственная освоенность) массива имеет зональное распределение (рис. 11).

В связи с этим небезынтересно (в том числе и в теоретическом плане) еще раз обратиться к географическому распределению заселенности сельской местности Нечерноземья. Ранее мы установили, что плотность сельского населения исчерпывающим образом объясняется вариацией двух признаков — плотности городского населения и доли занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятого населения области. Однако в свете результатов компонентного анализа такое объяснение оказывается малоинформ-

⁹ Разница между средним выходом валовой продукции с единицы угодий в трех первых и трех последних областях в ранжированном ряду.

¹⁰ Лишь на территориях областей первых двух групп (см. рис. 10) теснота этого взаимодействия приближается к уровню индустриально развитых зарубежных стран, обеспечивающих себя основными видами продовольствия.

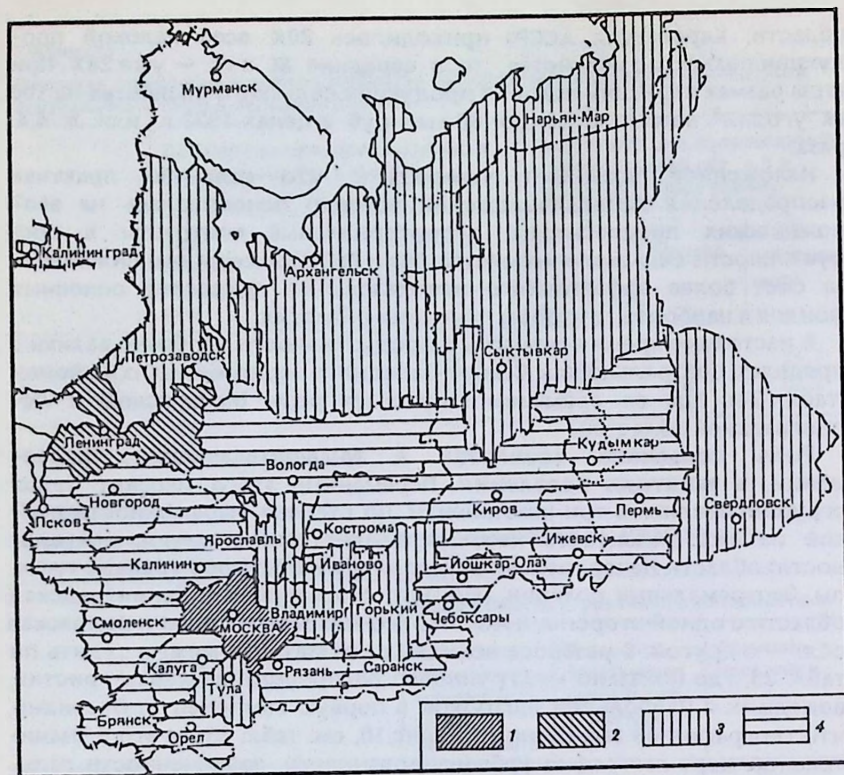

Рис. 10. Распространение несельскохозяйственных видов деятельности
1 — Московская область (доля городского населения — 90,9%, доля занятых в сельском хозяйстве — 2,6%); 2 — Ленинградская область (соответственно 87,6%; 6,6%); 3 — группа областей со средней долей городского населения 67,7% и средней долей занятых в сельском хозяйстве 19,1%; 4 — группа областей с соответствующими средними 58,6 и 29,4%

мативным, поскольку указанные факториальные признаки входят в состав одного и того же комплекса азональных явлений, связанных с урбанизированностью территории (см. табл. 26). Более интересна с географической точки зрения возможность альтернативного объяснения заселенности сельской местности как явления, одновременно зависящего и от азонального, и от зонального признаков (практически не коррелирующих друг с другом). В данном случае имеются в виду плотность городского населения и доля сельскохозяйственных угодий в территории.

Регрессионный анализ показывает, что с течением времени географическая дифференциация заселенности сельской местности Нечерноземья теряет свой первоначальный зональный характер (табл. 26).

Проделанное только что сопоставление возникло из размышлений по поводу результатов компонентного анализа и в силу этого имеет к ним как бы побочное отношение. Тем не менее полученный результат,

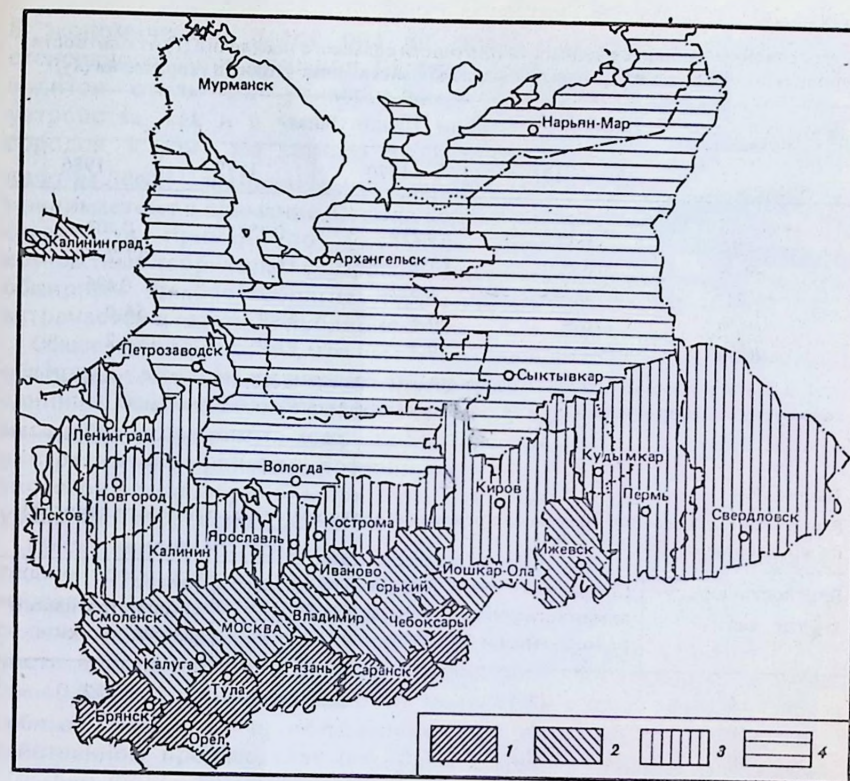

Рис. 11. Сельскохозяйственная освоенность территории
1—4 — степени выраженности фактора (по убыванию значения факторного веса)

как нам кажется, весьма значим. Он показывает, что во внутреннем устройстве всей сельской среды обитания происходят такие долговременные изменения, которые не позволяют рассчитывать на высокую заселенность территории в отрыве от зон влияния городов. Проверкой этого предположения и вытекающими из него выводами мы займемся в гл. 3.

Инфраструктурная насыщенность территории. Признаки характеризуемого массива распределяются между двумя хорошо интерпретируемыми переменными. Это обеспеченность линейной инфраструктурой (41,6% вариации) и развитость коммунального обслуживания (26,0).

По обеспеченности сельской местности линейной инфраструктурой (дорогами с усовершенствованным покрытием и водопроводной сетью) лидируют главным образом территории с высокой плотностью городского населения. Это отражает не столько фактически возобладавший принцип распределения инвестиций, сколько естественную закономерность территориальной организации общества. Города — всегда узлы сгущения дорог и инженерных сетей,

Таблица 26

Регрессионный анализ зависимости плотности сельского населения (Y) от плотности городского населения (X_1) и доли сельскохозяйственных угодий в территории (X_2)

Показатель	Годы			
	1959	1970	1979	1986
a_1	0,214	0,279	0,352	0,403
$d_1, \%$	15,6	23,9	31,1	37,2
a_2	0,743	0,622	0,544	0,496
$d_2, \%$	76,9	66,8	60,6	56,0
$R^2, \%$	92,5	90,7	91,7	93,2

Примечание. a_1, a_2 — коэффициенты эластичности; $R^2 = d_1 + d_2$, где R^2 — коэффициент детерминации; d_1 и d_2 — частные коэффициенты детерминации.

Таблица 27

Расчет площади административного района (Y) в зависимости от плотности дорог (X) по уравнению $Y = 359,60X^{-0,91}$

Плотность дорог, км/тыс. км ²	Площадь административного района, тыс. км	Плотность дорог, км/тыс. км ²	Площадь административного района, тыс. км
16	23,4	300	1,3
70	5,5	400	1,0
180	2,2		

центры экономических связей различной дальности и назначения. Сходящиеся в городе коммуникации как бы уплотняют пространство.

Сходный характер носит распределение территории по степени развитости коммунальной инфраструктуры. Главный его коррелят — распространение несельскохозяйственных видов деятельности (не только в городе, но и на селе). Именно там, где оно достигает максимума, выше всего обеспеченность дошкольными учреждениями, больше всего обобществленного жилого фонда. Последнее не является благом само по себе. Однако в условиях, когда средства самого населения на ремонт и строительство домов в течение долгого времени было трудно, а подчас и просто невозможно "отоварить", предоставление централизованных услуг, несомненно, имеет определенный социальный эффект.

Емкость территории. Информационное наполнение этого массива намеренно перекрывается с предыдущим. Результаты факторизации показывают, что большие размеры административных (районов) и производственных (хозяйства) ячеек, как правило, сопряжены с невысокой плотностью инфраструктурных сетей. Обширность пространства, таким образом, не всегда является благом.

В экономическом плане она во многих случаях "союзник" экстенсивного типа освоения [Июффе, Трейвиш, 1988]. Хотя в этом видится столь же универсальный принцип территориального устройства, как и в уплотнении инфраструктурных сетей вблизи городов, к тому же хорошо отображенный экономическим ландшафтом Лёша¹¹, значение данной закономерности редко осознается и принимается во внимание. Отсюда весьма распространенные попытки ставить в пример (по удельным, плотностным показателям) компактные территории с высокой плотностью экономической жизни обширным слабоосвоенным территориям. Особенно часто это встречается в газетной публицистике.

Общее правило таково, что чем ниже обеспеченность дорогами, тем обширнее административные и хозяйственные территориальные единицы. Особенно высока теснота связи ($r = -0,95$ в логарифмическом масштабе) плотности всех дорог и среднего размера административного района, позволяющая выполнить расчет теоретической площади района при заданной плотности дорог с помощью уравнения регрессии (рис. 12, табл. 27).

Представляет интерес сам перечень характеристик, с которыми теснее всего коррелирует главная компонента рассматриваемого массива. Это плотность сельского населения ($r = -0,65$), доля сельскохозяйственных угодий в территории ($r = -0,67$), обеспеченность водопроводом ($r = -0,63$), индекс динамики площади угодий ($r = -0,68$); себестоимость зерна и молока ($r = -84$)¹², участие подсобных хозяйств промышленных предприятий в сельскохозяйственном производстве ($r = -0,80$). Другими словами, чем менее обширно (более компактно) территориальное образование, тем, как правило, выше в нем плотность сельского населения, медленнее выходят из оборота сельскохозяйственные угодья, ниже себестоимость основных продуктов, выше доля продукции, производимой в подсобных хозяйствах промышленных предприятий. Особенно тесной, можно сказать, даже исключительно тесной оказалась связь величины административно-хозяйственных единиц с себестоимостью зерна и молока. При чем связь эта не опосредована ни трудообеспеченностью, ни фондовооруженностью труда, ни структурой посевных площадей. Это говорит об особом качестве обширных и, напротив, малых компактных территориальных образований, а также о способности этого качества производить внешний экономический эффект¹³. Разумеется, речь может идти лишь об эффекте, производимом при прочих равных условиях, из которых едва ли не

¹¹ Лёш А. Географическое размещение хозяйства. М.: Иностр. лит. 1959. 455 с.

¹² Это оценка парной корреляции двух главных компонент — емкости территории и себестоимости сельскохозяйственной продукции.

¹³ Внешний экономический эффект — совокупность тех видов дополнительной экономии или дополнительных издержек, которые не зависят от деятельности данного предприятия, данной производственной системы, но влияют на ее результаты. В англоязычных трудах по эконометрии рассматриваемому понятию отвечает широко применяемый термин "externality".

важнейшим в данном случае является административная система управления экономикой.

С этим, кстати говоря, связан определенный парадокс. Казалось бы, именно административная система способна решительно пере-краивать всякого рода границы, исходя из субъективно понятых удобств управления. Советский период по размаху административных преобразований действительно не имеет себе равных в истории России. Казалось бы, ничего не стоит придать территориальным единицам "нужную", "требуемую", "научно обоснованную" компактность. Тем более знаменательно, что после

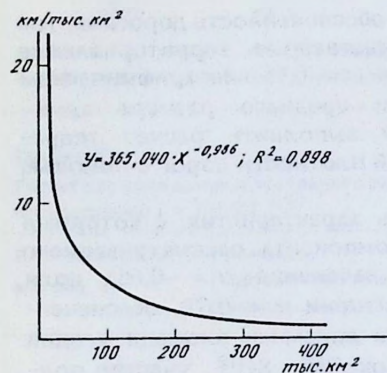

Рис. 12. Зависимость площади административного района от плотности дорог

многократной перекройки границ областей и краев административное деление ЕТС пришло, если не считать некоторых нюансов, к своему первоначальному состоянию. Во всяком случае, оно гораздо ближе стоит к сетке екатерининских губерний, нежели территориальное деление второй половины 20-х и 30-х гг. Да и укрупнение хозяйств тоже, как выяснилось, имеет свои пределы. Все это свидетельствует о наличии фундаментальных пространственных принципов общественного устройства, имеющих объективную природу. В частности, размеры территориальных единиц "в норме" подчиняются гравитационным закономерностям, т.е. зависят от реального районообразующего значения поселений, густоты их расположения по территории и плотности транспортных путей. Столь тесная связь между параметрами сетей административного деления и линейной инфраструктуры (см. рис. 12) могла установиться лишь потому, что сеть административного деления после периода "бури и натиска" как раз и пришла в состояние "нормы", которое есть не что иное как состояние равновесия с порождающими его характеристиками социального пространства. Если это так, то произвольные манипуляции с этим пространством посредством изменения границ едва ли могут принести полезный эффект. Потому что пространство — данность, которую можно и нужно учитывать в экономических расчетах, в анализе и прогнозе, но которую нельзя

снивелировать или как-то обойти. Вместе с тем учет фактора пространства при административной системе управления хозяйством крайне затруднителен в силу присущей ей тяги к единообразию и жесткому ограничению числа центров принятия решений. Это ставит в особо неблагоприятные условия те территориальные образования, где густота таких центров невелика в силу истории освоения и где поэтому особенно ценно и целесообразно стимулирование местную инициативу.

Производство и социальная среда. После того как проанализированы внутрикомпонентные связи, образующие, с одной стороны, устройство территориально-производственной системы, а с другой — внешние условия ее функционирования, попытаемся проследить структуру межкомпонентных связей. Другими словами, мы перейдем от выяснения характера явлений к выяснению отношений между ними. Анализ сопряженности главных компонент территориальной организации сельского хозяйства позволяет сделать следующие выводы:

активнее всего сельское хозяйство развивается в областях с наиболее выраженной животноводческой специализацией; напомним, что в этих областях динамика производства за последние 20 лет была в наибольшей мере сопряжена с ростом животноводства мясного направления, прежде всего птицеводства и свиноводства;

наивысшая продуктивность сельского хозяйства наблюдается в тех же самых областях, что и 20 лет назад; динамичный рост производства в тех областях, которые еще тогда достигли более высокой продуктивности сельского хозяйства, свидетельствует об усилении территориальной концентрации производства; тем самым подтверждается, что в Нечерноземной зоне РСФСР на общем фоне все явственнее выделяются экономически активные и депрессивные сельскохозяйственные территории;

чем в более депрессивном состоянии находится общественное сельское хозяйство, тем выше доля личного подсобного хозяйства в общеобластных производственных результатах;

уровень себестоимости продукции не определяется изнутри производственной системы; в ее пределах также не поддается истолкованию распространение подсобных хозяйств несельскохозяйственных предприятий.

Определенный порядок, хотя и менее жесткий, наблюдается и среди внешних условий сельскохозяйственного производства. Так, чем более урбанизирована та или иная область, тем выше насыщенность ее территории инфраструктурой и тем менее обширны входящие в ее состав районы и хозяйства. Можно предположить, что это создает совершенно различную пространственную среду для развития сельского хозяйства в высоко- и слабоурбанизированных областях. В то же время урбанизированность, сельскохозяйственная освоенность территории и старение сельского населения слабо сопряжены друг с другом. Действительно, в Нечерноземной зоне имеются высокоурбанизированные области и со значительной

Рис. 13. Обобщенная схема причинного соподчинения компонентов социально-производственной схемы "сельское хозяйство Нечерноземья"

(Московская) и со слабой (Карелия) сельскохозяйственной освоенностью и с относительно молодым (Калининградская) и с более старым (Ивановская) сельским населением.

Совместный анализ компонент производства и внешней среды позволяет судить о связях между ними. К тому же оказывается, что только такое рассмотрение удовлетворяет критерию целостности. Конкретно это означает, что среди выявленных компонент не остается ни одной, которая бы не состояла в тесной связи с другими (или хотя бы с одной из них). Следовательно, если исходить из того, что принадлежность того или иного объекта к классу систем зависит от наличия и тесноты межкомпонентных связей, то можно заключить, что любой анализ положения в сельском хозяйстве Нечерноземья без учета внешней среды, т.е. замыкающей компоненты в технико-экономической сфере, является некорректным. Он в принципе не позволит ответить на вопросы, от которых реально зависит это положение.

Уже на основе матрицы парных корреляций можно прийти к выводу, что центральными компонентами всей системы "сельское хозяйство—внешняя среда" служат урбанизированность и обширность территории. Критерий — максимальное число исходящих (статистически значимых) связей с другими компонентами. Сопоставление вариантов причинного упорядочения с помощью более тонкого статистического инструментария позволяет остановиться на модели, показанной на рис. 13. Эта модель адекватно отображает связи, лежащие в основе фактически сложившейся территориальной организации сельскохозяйственного производства.

СДВИГИ В ГЕОГРАФИИ ПРОДУКТИВНОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ОТДЕЛЬНЫХ ОБЛАСТЕЙ НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЫ РСФСР

Следуя заявленному принципу последовательного укрупнения географического масштаба исследований, обратимся к территориальному распределению ресурсов и результатов сельскохозяйственного производства в отдельных областях зоны.

В свое время это был один из излюбленных исследовательских сюжетов организационно-производственной школы во главе с А.В. Чаяновым. Пристальное внимание представителей данной школы привлекала территориальная изменчивость организационных форм, интенсивности, ресурсообеспеченности и продуктивности сельского хозяйства. Она изучалась по пространственным профилям, зонам удаленности от городов, а не только по природным контурам. Впоследствии эта традиция была надолго прервана. Первые попытки ее возобновления были предприняты в 70-е гг. в Прибалтике.

Так, И.И. Вильцин [1974] на материале Латвии конца 60-х — начала 70-х гг. показал, что при всех мероприятиях по выравниванию экономических условий хозяйствования (введение дифференцированных закупочных цен, устранение влияния дальности транспортировки продукции на транспортные издержки хозяйств, прогрессивное налогообложение и т.д.) дифференциация колхозов республики по уровню валового дохода не уменьшается, а растет. К началу 70-х гг. размах различий в величине валового дохода на 100 га сельхозугодий между Рижским районом и наиболее удаленными от столицы районами республики достиг пропорции 4:1. Тот же автор впервые в отечественной литературе применил потенциал поля расселения для оценки влияния местоположения на валовую продукцию и на чистый доход хозяйства¹⁴. Указанные показатели порознь рассматривались в качестве зависимой переменной в уравнении линейной регрессии, тогда как в качестве независимой фигурировал потенциал поля расселения.

Позднее та же методика была применена в Эстонии, где было установлено, что дифференциация чистого дохода сельскохозяйственных предприятий республики на 50% объясняется положением хозяйств по отношению к ведущим центрам расселения [Оценка земли и ее использование ..., 1984. С. 74—78].

Вопрос о влиянии местоположения был рассмотрен автором настоящей работы с помощью иных методических приемов. На базе функции Кобба—Дугласа по данным за 1978—1980 гг. для каждого района Московской обл. была вычислена предельная фондоотдача, показывающая, сколько дополнительных единиц продукции приносит

¹⁴ Потенциал рассчитан по формуле $\sum Q_i / S_{ij}^\alpha$, где Q_i — численность населения в i -ом населенном пункте; S_{ij} — расстояние между пунктами; n — их число; α — показатель степени [Вильцин, 1974. С. 25—35].

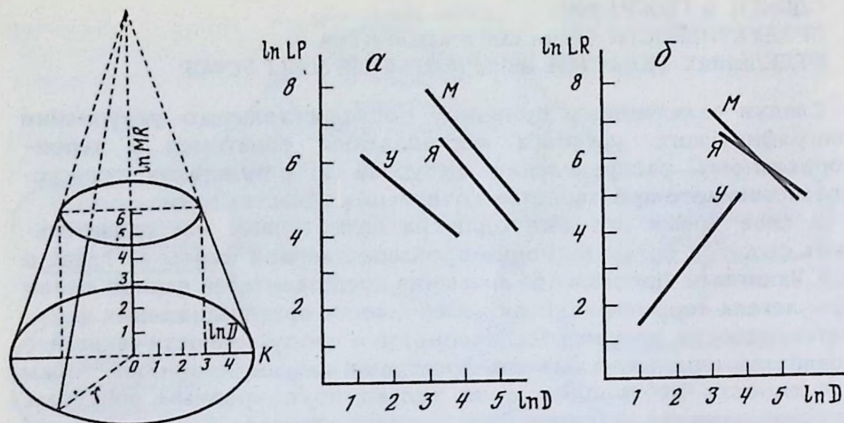

Рис. 14. Город как полюс роста (на примере сельского хозяйства Московской области, 1978—1980 гг.)

D — расстояние до Москвы, км, MR — предельная фондоотдача, руб./1000 руб., $\ln$ — натуральная логарифм, K — точка максимальной удаленности от областного центра [Иоффе, 1983]

Рис. 15. Графики зависимости от расстояния (D) до центра: а — производительности труда (LP), б — фондоотдачи (LR)
М — Московская обл., Я — Ярославская обл., У — Угличский район Ярославской обл. [Иоффе, 1983]

дополнительная единица затраченных основных фондов [Иоффе, 1983]. График зависимости этого показателя от расстояния до Москвы был затем изображен в виде образующей так называемого конуса роста (рис. 14), показывающего распространение эффекта производственных инвестиций. Выяснилось, что такой конус можно построить для любой нечерноземной области, но не для любого внутриобластного района.

В глубинных районах нередко такие центры, вблизи которых более высокая, чем на периферии этих районов, производительность труда в сельском хозяйстве вызвана, как и в классических пригородных зонах (вокруг Москвы, Ленинграда), более высоким уровнем фондовооруженности. Однако фондоотдача при этом оказывается ниже, чем на периферии (рис. 15). Но и повышение производительности труда стимулируется ростом основных фондов лишь до определенного предела, выше которого она уже не растет и даже начинает падать. Расчетное значение этого предела (стоимость основных производственных фондов на одного работника) на 1975—1977 гг. для трех соседних районов Ярославской обл. составило 10,5 тыс. руб. [Иоффе, 1983]. Превышение этой величины, как правило, наблюдалось в хозяйствах, расположенных по соседству с райцентром. Значительная часть сельского населения, проживающего на этой территории, вовлечена в маятниковые миграции, трудовые же вакансии по месту жительства не заполнены. В итоге часть фондов не дает никакого производственного эффекта и возникает ситуация, когда, по выражению Г.С. Лисичкина, даже

удобрения и тракторы могут разорить хозяйство, если оно не подготовлено к их использованию.

В данном случае мы не станем "опускаться" до внутрирайонных сопоставлений и рассмотрим изменения в географии продуктивности сельского хозяйства в пределах четырех областей: Московской, Ленинградской, Ярославской и Новгородской. По существу, это две полярные пары областей, резко отличающиеся по урбанизированности, интенсивности использования земель, по масштабам убыли сельскохозяйственного населения.

МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

В Подмосковье существуют огромные контрасты в интенсивности использования сельскохозяйственных земель. В районах, непосредственно прилегающих к Москве, на 100 га сельскохозяйственных угодий в среднем приходится вчетверо больше работников и в 7 раз больше основных производственных фондов сельхозназначения, чем в самых отдаленных от столицы периферийных районах области.

Как видно из табл. 28, при удалении от Москвы на каждые последующие 10 км выход валовой продукции со 100 га сельхозугодий убывает в среднем на 55 тыс. руб. Причем это объясняется не только экстенсивными (снижение ресурсообеспеченности), но и интенсивными (уменьшение ресурсоотдачи) факторами.

О территориальном распределении продуктивности сельского хозяйства можно судить по рис. 16. Заметим, что внутриобластные контрасты в продуктивности намного превосходят межобластные, наблюдаемые в пределах Нечерноземья и всей ЕТС. Если в Подмосковье размах межотраслевых различий составляет около 1 млн руб. на 100 га (в ценах 1983 г.), то в Нечерноземной зоне разница между наиболее и наименее продуктивными областями не превышает 180 тыс. руб.

Правомерно задаться вопросом: как соотносится положение относительно Москвы с другим фактором, обычно предопределяющим различия в выходе продукции с единицы угодий, — естественным плодородием?

Расчеты показывают, что влияние положения намного более существенно. Возьмем для примера урожайность зерновых (y). Ее зависимость от оценки естественного плодородия (x_1) и расстояния до Москвы (x_2), полученная по данным 1986 г., описывается уравнением: $y = 0,639 + 0,927x_1 - 0,219x_2$; $R^2 = 0,595$. Причем из 59,5 % объясняемой вариации на долю расстояния падает 47%. Если в ближних пригородах Москвы в 1986 г. урожайность зерновых в среднем составила 38 ц/га, то в Заочье, имеющем самый высокий бонитет пашни по зерновому, на 10 ц/га меньше. Аналогичным образом если в ближних районах удой от одной коровы был в среднем 4800 кг, то в периферийных — 3226. Можно приводить данные по другим годам, абсолютные цифры при этом меняются, но размах территориальных различий остается стабильным. По нашим расчетам, суммарный

Таблица 28

Зависимость некоторых порайонных характеристик сельского хозяйства Московской области от удаленности от Москвы (1986 г.)

Характеристика	Коэффициент корреляции характеристики с расстоянием до Москвы (в логарифмическом масштабе)	Градиент (в расчете на каждые 10 км последовательного удаления от Москвы)
Стоимость основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения на 100 га сельскохозяйственных угодий	- 0,832	- 55,3 тыс. руб.
Численность занятых в сельском хозяйстве на 100 га сельскохозяйственных угодий	- 0,701	- 1,7 чел.
Стоимость валовой продукции на 100 га сельскохозяйственных угодий	- 0,822	- 35,2 тыс. руб.
Производительность труда	- 0,614	- 498 руб./чел.
Фондоотдача	- 0,451	- 12,9 руб./1000 руб.

выход продукции на единицу угодий на 65% зависит от положения относительно Москвы и лишь на 7% — от различий в естественном плодородии земель.

Позиционные, экономико-географические различия в уровне продуктивности сельского хозяйства столь значительны и устойчивы, что можно усомниться в правомерности кочующих из публикации в публикацию оценочных предположений о том, какой был бы получен эффект, если бы периферия подтянулась до уровня пригорода. Все дело в том, что пока происходит это подтягивание, пригородные хозяйства успевают еще дальше уйти вперед. Например, в начале 50-х гг. по Нечерноземному Центру урожайность зерновых в большинстве хозяйств составляла 5—7, а в пригородных 10—13 ц/га. К середине 60-х гг. в большинстве хозяйств урожайность поднялась до 10—13, а в пригородах до 17—20 ц/га. В итоге сегодняшнее соотношение между основной массой и "пригородниками" близко к наблюдававшемуся в начале 50-х гг.

Все эти выкладки показывают, сколь малоинформативно и абстрактно "точечное" представление о сельском хозяйстве Подмосковья в целом, которым часто оперируют экономисты и многие работники органов управления. Помимо прочего, это представление позволяет приписать более высокую продуктивность сельского хозяйства области (по сравнению с соседними) исключительно субъективному фактору — хорошей работе местных партийно-

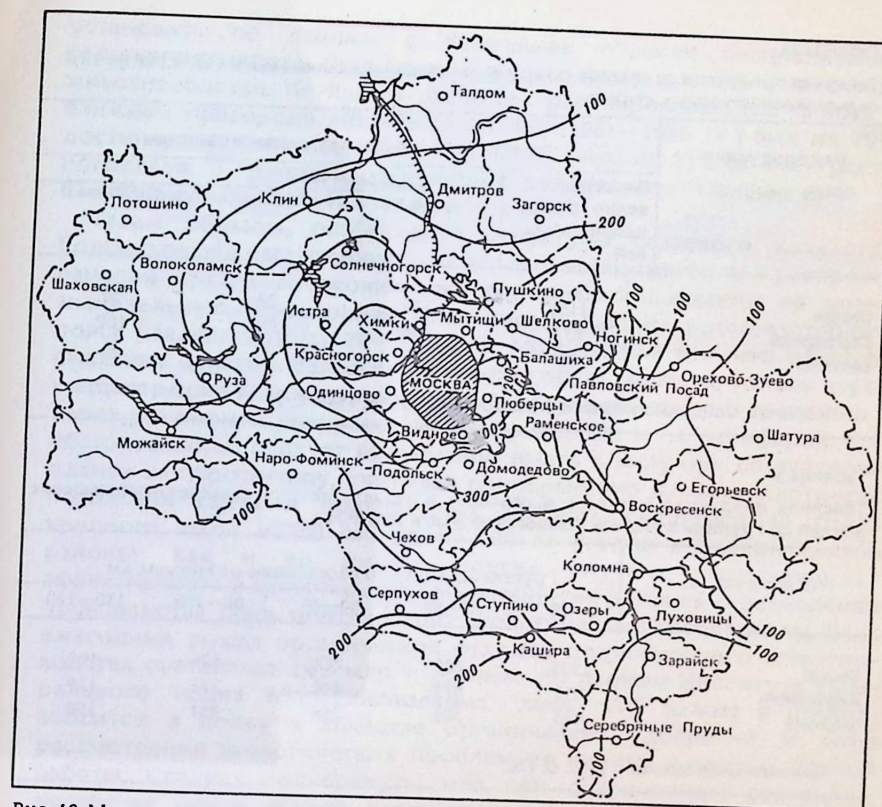

Рис. 16. Московская область. Валовая продукция сельского хозяйства в 1986 г. на 100 га сельскохозяйственных угодий в ценах 1983 г. (изолиниями показан выход валовой продукции со 100 га сельхозугодий, тыс. руб.)

хозяйственных органов: в Подмосковье, мол, "взялись за дело", а, скажем, в Калининской области "не взялись". Убежденностью именно в такой подоплеке относительно высоких кондиций подмосковного сельского хозяйства высказывал В.И. Конотоп¹⁵, бывший на протяжении долгих лет первым секретарем МК КПСС. В действительности же высота достижений сельского хозяйства Московской обл. на общем фоне Нечерноземья — это лишь уменьшенная в масштабе проекция тех контрастов, которые сложились в пределах самого Подмосковья и решающим образом связаны с удаленностью от крупнейшего города.

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что современные вариации в интенсивности сельскохозяйственного использования земель Подмосковья сложились примерно пять десятилетий назад и с тех пор существенно не меняются. Возросла сама интенсивность

¹⁵ См.: Октябрь. 1988. №1. С. 179—186.

Таблица 29

Товарная продукция колхозов по группам районов Подмосковья в 1937 г., кг на 1 га сельскохозяйственных угодий

Вид продукции	Группы районов по расстоянию от Москвы			
	Непосредственно граничащие с Москвой	В радиусе		
		до 50 км	50—80 км	свыше 80 км
Овощи	1158	114	54	30
Картофель	871	338	170	102
Молоко	68	51	38	31

Источник: Социалистическое сельское хозяйство, 1944. С. 1—15.

Таблица 30

Товарная продукция колхозов и совхозов в расчете на 1 га сельскохозяйственных угодий по группам хозяйств Московской обл. в 1982 г., кг

Вид продукции	Группы хозяйств по расстоянию от Москвы, км				
	0—25	25—50	50—80	80—130	130—170
Овощи	1309	208	262	426	100
Картофель	559	973	440	376	119
Молоко	440	363	258	251	196

Источник: [Кибальнич, 1987. С. 130]

производства, но не размах различий в ее уровне (табл. 29, 30). По-видимому, это служит косвенным отражением зрелости территориальной структуры Московской агломерации.

Если поделить районы Подмосковья на три группы — непосредственно граничащие с Москвой (7 районов), среднего пояса удаленности (13) и районы внешнего пояса (19), то можно установить, что за последние два десятилетия произошло ускоренное наращивание производства во второй группе. Усилению территориальной концентрации производства в ближайших к Москве районах противостояли значительные отводы сельскохозяйственных земель под другие нужды, а резкому снижению доли периферийных районов — постоянная "подпитка" демографических ресурсов сельской местности мигрантами¹⁶.

В то же время по роли интенсивных факторов роста долговременно лидируют ближайшие к Москве районы. Это легко

¹⁶ Обследование Института географии АН СССР, проведенное в Серпуховском районе (1984 г.), показало, что на долю местных уроженцев приходится не более 20% численности рабочих здешних совхозов. Большая часть рабочей силы — мигранты из сопредельных областей.

установить по данным о важнейшей отрасли специализации сельского хозяйства Подмосковья и всего Нечерноземья — молочном животноводстве. По нашим расчетам, рост производства молока в ближнем пригороде Москвы за 25 лет (1961—1986 гг.) был на 79% достигнут за счет повышения удоев и лишь на 21% за счет роста поголовья. В группе периферийных районов соотношение иное — 67 и 33%, при среднем по области 72 и 28%.

Таким образом, особенности структуры сельского хозяйства Подмосковья в рассматриваемом аспекте заключаются: а) в распространении ареала высокоинтенсивного землепользования на очень значительную территорию, включающую районы промежуточного пояса удаленности (до 70—80 км. от Москвы); б) в том, что территориальные сдвиги в сельском хозяйстве происходят не только через концентрацию отдельных ресурсов (в частности, живого труда), но и через различие в ресурсоотдаче в пригороде и на периферии. Это обстоятельство следует непременно иметь в виду при составлении планов на перспективу, учитывая одновременно высокую плотность поголовья скота в пригородных районах (например, 140 голов крупного скота и 700 свиней на 100 га угодий в Балашихинском районе). Как и во многих других случаях, экономическая эффективность в качестве критерия принятия решений о размещении производства здесь противостоит экологическим требованиям. Ведь ежегодный выход органических отходов подмосковного животноводства составляет 14,3 млн т, причем, по данным Института генерального плана Мособлисполкома, лишь 64% навоза и помета вносится в почву в качестве органических удобрений. И хотя рассмотрение экологических проблем не входит в задачи данной работы, следует подчеркнуть, что при современном состоянии хозяйства почти всякое благотворное воздействие на экономическую эффективность производства за счет лучшего размещения животноводческих объектов ухудшает экологическую обстановку в Подмосковье.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

В Ленинградской обл. территориальная структура сельского хозяйства аналогична подмосковной. Даже периферийное положение главного города области и смещенный относительно его окрестностей максимум нагрузки скота на единицу угодий¹⁷ не изменили картины общего падения продуктивности сельского хозяйства при удалении от областного центра (рис. 17), хотя градиент или "скорость" снижения продуктивности в Ленинградской обл. ниже, чем в Московской.

В то же время на территории Ленинградской обл. отмечается более

¹⁷ Максимальное поголовье скота на 100 га угодий наблюдается в Волховском районе, удаленном от Ленинграда на 143 км. По этому признаку область отличается от Московской, где наибольшая нагрузка скота имеет место в районах, непосредственно соседствующих с Москвой.

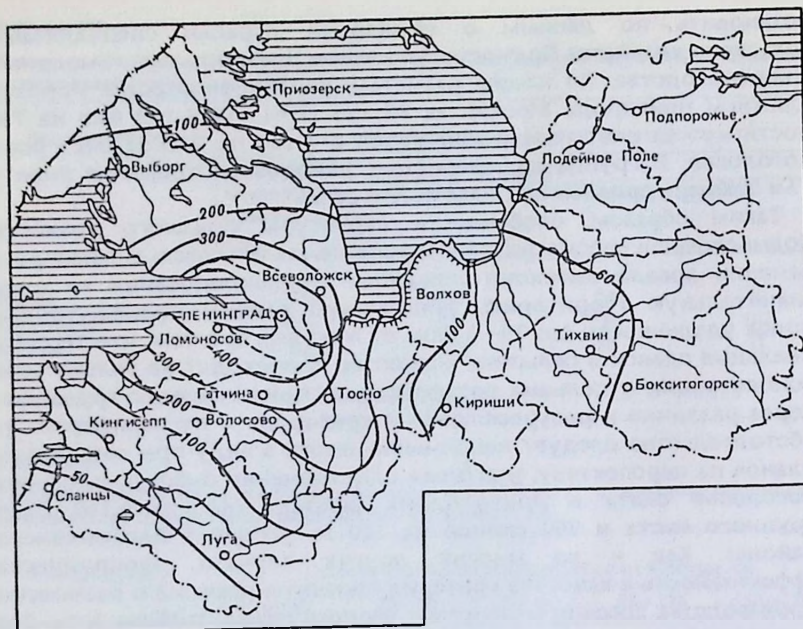

Рис. 17. Ленинградская область. Валовая продукция сельского хозяйства в 1985 г. на 100 га сельскохозяйственных угодий в ценах 1973 г. (изолиниями показан выход валовой продукции со 100 га сельхозугодий, тыс. руб.)

значительный перепад в уровне фондоотдачи: если в шести районах, удаленных от Ленинграда на расстояние свыше 170 км, на 100 тыс. руб. стоимости основных производственных фондов сельхозназначения производится валовой продукции на 15—23 тыс. руб., то в пяти пригородных районах — на 38—50 тыс. руб. По данным за 1981—1985 гг., производительность труда в сельском хозяйстве вблизи Ленинграда (Всеволожский, Ломоносовский, Тосненский, Гатчинский, Кировский районы) в среднем была в 3,1 раза, а выход валовой продукции с гектара в 6—7 раз выше, чем в отдаленных районах (Киришском, Сланцевском, Лодейнопольском, Тихвинском, Бокситогорском, Подпорожском). Вместе с тем, имеющиеся данные указывают на определенные территориальные сдвиги в производстве молока и мяса, произошедшие в общественном секторе за 1965—1985 гг.

В более узком временном диапазоне территориальные сдвиги обстоятельно изучены Б.С. Жихаревичем и И.А. Карелиной [1988], чья работа представляет собой уникальное по информативности исследование новейших изменений в географии сельского хозяйства отдельно взятой области.

Среди многих выводов, к которым пришли авторы, выделим следующие.

1. С течением времени доля пригородных районов в численности занятых, в объеме производства, в поголовье скота и птицы и даже в

Таблица 31

Сдвиги в размещении сельскохозяйственного производства (общественный сектор) Ленинградской обл.

Показатель	Год	Районы		
		I пояса	II пояса	III пояса
Производство мяса, %	1965	53,4	32,4	14,2
к области в целом	1985	70,0	23,9	6,1
Производство молока, %	1965	30,9	51,3	17,8
к области в целом	1985	34,5	47,2	18,3
Удоя от одной коровы, кг	1965	3683	3098	2438
	1985	3890	3576	2992

Рассчитано автором по данным областного статуправления.

площади сельскохозяйственных угодий неуклонно растет. Почти по всем показателям падает относительное значение групп отдаленных районов, где дополнительные вложения в основные фонды не могут возместить нехватку рабочих рук. Стремление компенсировать отставание таких районов за счет дополнительных производственных капиталовложений привело к накоплению там фондов, не дающих эффекта в условиях нехватки трудовых ресурсов. В результате фондоотдача, снизившаяся в 1975—1985 гг. повсеместно, особенно резко упала в отдаленных районах.

2. Различия между пригородными и отдаленными районами лишь отчасти связаны с пригородной концентрацией предприятий промышленного типа — птицефабрик, тепличных комбинатов, свиноводческих и звероводческих хозяйств. Исключение этих хозяйств из рассмотрения не устраняет указанных различий, а лишь сглаживает их. Так, если среднеобластной показатель стоимости валовой продукции сельского хозяйства на 100 га угодий принять за 1, то три группы районов, различающиеся между собой по удаленности от Ленинграда (табл. 31), соотносятся по величине данного показателя в пропорции 1,48:0,99:0,05, а при исключении "промышленных" совхозов в пропорции 1,57:0,83:0,57.

3. Расчет индикаторов ресурсооруженности, эффективности и интенсивности сельского хозяйства (на базе анализа главных компонент) показал, что отдаленные районы в середине 80-х гг. не приблизились к уровню пригородных районов десятилетней давности.

4. Сельскохозяйственная пригородная зона развивается не только путем наращивания объемов производства в неизменных границах, но и за счет территориального расширения. Показатели отдельных районов, примыкающих к сложившейся зоне (Волосовского, Выборгского), становятся все более сходными с показателями районов, давно входящих в эту зону. Аналогичное явление характерно и для Подмосковья, где, как мы видели, наблюдается ускоренный рост производства в промежуточном поясе удаленности от Москвы.

Новгородская обл. — одна из самых депрессивных в сельскохозяйственном отношении областей страны. На 100 га угодий в области производится продукции (в стоимостном выражении) на 40% меньше, чем в среднем по НЧЗ, при более высокой фондооснащенности, чем в среднем по зоне. Размер убытков в колхозах и совхозах в 1987 г. составил 27 млн руб. В области убыточно каждое второе хозяйство¹⁸. И это несмотря на выплату надбавок к закупочным ценам на продукцию, реализуемую с убытками для хозяйств (сумма надбавок только по мясу составляет порядка 17 млн руб. в год). С 1960 по 1985 г. среднесписочная численность занятых в колхозах и совхозах области сократилась более чем вдвое — со 114 до 50 тыс. чел.

В настоящее время молока, этого основного продукта специализации сельского хозяйства всей НЧЗ, в области получают столько же, сколько и 20 лет назад, при возросшем его производстве в общественном секторе и значительном снижении в личном подсобном хозяйстве. На протяжении нескольких пятилетий подряд в области сокращалось общее производство сельхозпродукции. Лишь начиная с XII пятилетки этот процесс был приостановлен. Однако и теперь по некоторым показателям, например по урожайности зерновых и картофеля, половина хозяйств находится на уровне, достигнутом в здешних местах еще в конце XIX в.¹⁹, а некоторые периферийные районы и на более низком. По сравнению с серединой 60-х гг. почти на 40% сократилось производство льноволокна.

В Новгородской обл. нет такого значительного перепада в продуктивности пригородных и периферийных хозяйств, какой существует в Московской и Ленинградской (рис. 18). В отличие от последних имеется второй по значению после Новгорода полюс относительного роста сельскохозяйственного производства — г.Валдай, растущий промышленный и рекреационный центр, в окружении которого сельское хозяйство стало более интенсивным, чем в среднем по области. В то же время перепад в выходе продукции с единицы угодий между Новгородским районом и остальной территорией достаточно велик и с течением времени увеличивается (табл. 32).

При этом изменяются причины, обуславливающие территориальные различия в продуктивности сельского хозяйства в целом и по отдельным продуктам. Так, если еще в середине 60-х гг. максимальный урожай зерновых, кроме Новгородского района, был получен в районах с самым высоким естественным плодородием (Солецком, Батецком, Чудовском), то к середине 80-х гг. Новго-

¹⁸ Новгородская правда. 1988. 27 января.

¹⁹ В 1885 г. средняя урожайность в Новгородской губернии составляла, ц/га: ржи — 7,0, овса — 8,0 в частновладельческих хозяйствах, а в крестьянских соответственно 5,8 и 6,2 (Государственный архив Новгородской области, фонд 98, опись 3, дело 245).

Таблица 32

Производство сельскохозяйственной продукции в колхозах и совхозах Новгородского района в % к Новгородской обл. в целом

Показатель	1964—1965 гг.	1984—1985 гг.
Производство мяса всех видов в живом весе	7,5	27,8
Производство молока	6,8	11,8
Стоимость валовой продукции сельского хозяйства	8,0	21,2
Удой от одной коровы	104,0	135,0

Составлено по данным областного статуправления.

родский район выдвинулся на роль единичного лидера. То же самое с урожайностью картофеля. По удою молока от одной коровы в середине 60-х гг. центральный район области не доминировал вовсе, уступая Старорусскому, Боровичскому, Селецкому, Холмскому районам; в настоящее время в Новгородском районе надаивают на треть больше, чем в среднем по области.

Заметим, что все эти различия наблюдаются на фоне крайне низких среднеобластных показателей, и тем не менее тенденция территориального перераспределения производства в пользу Новгородского, а в последние годы и в пользу Валдайского районов проявляется весьма отчетливо.

Расчет сравнительной эффективности (Э) производства по формуле В.Г. Гребеникова на основе данных за 1983—1985 гг. показал, что максимальной уровень Э наблюдается в двух районах — Валдайском и Новгородском. При этом межрайонные различия в Э в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве примерно на 50% объясняются двумя факторами — экономико-географическим положением по отношению к центрам расселения и естественным плодородием почв, причем по доле объясняемой вариации Э эти факторы находятся в пропорции 3:1.

В Новгородской обл. имеются значительные массивы заброшенных сельскохозяйственных угодий, в особенности пастбищ и сенокосов. Только масштаб их единовременного списания в 1986 г. превысил 100 тыс. га, в том числе было переведено в лесные угодья 62 тыс. га сенокосов из 117 тыс. га их общей площади и 38 тыс. га пастбищ из 142 тыс. га имевшихся по состоянию на 1985 г. А всего по сравнению с 1965 г. площадь официально учтенных сельхозугодий сократилась на 405 тыс. га, или на 34%. Процесс уменьшения площадей сельскохозяйственных угодий в Новгородской обл. весьма долговременный, происходивший на протяжении примерно 150 лет. Первоначально, в XIX в., выпадали из оборота главным образом пахотные земли, что было вызвано широкомасштабным освоением степных районов европейской России и "потерей ценности" нечерноземных земель. Затем этот процесс стал во все большей степени затрагивать естественные кормовые угодья, что связано

большинстве областей Нечерноземья, рост производства мяса достигается в основном за счет свинины и птицы (чей рацион основан на привозных кормах), а не за счет крупного рогатого скота. Сокращению кормовых угодий наряду с низкой трудообеспеченностью (в 1960—1986 гг. среднесписочная численность занятых в сельском хозяйстве сократилась со 159 до 75 тыс. чел.) по-своему "помогают" и мелиораторы. Из 180 тыс. га осушенных земель примерно 40 тыс. ежегодно вымокают, и, по расчетам В. Мельникова, для прикрытия недобора сельскохозяйственной продукции с вымокших площадей вынуждены постоянно работать хозяйства целого района²².

Еще одним результатом снижения трудообеспеченности села стало постепенное уменьшение посевного клина под традиционной для области трудоемкой культурой — льном. Если в 1958 г. лен высевался на 57 тыс. га, то к началу 80-х гг. — лишь на 30 тыс. га.

Как и в других нечерноземных областях, в Ярославской с течением времени происходят значительные сдвиги в размещении сельскохозяйственного производства. Полюсами относительной концентрации служат окрестности двух крупнейших городов (рис. 19), которые для удобства анализа информации рассмотрим в границах соответствующих административных районов²³. Если в 1968—1970 гг. в Ярославском и Рыбинском районах, вместе взятых, было получено 16,7% всей продукции колхозов и совхозов области, то уже в 1974—1976 гг. — 24,0, а в 1981—1983 гг. — 26,0%. Суммарная же доля этих районов в площади сельхозугодий составляет всего 11,2%.

Сдвиги в размещении сельскохозяйственного производства нагляднее всего прослеживаются на примере наиболее массового продукта — молока.

Сравнительная характеристика районов Ярославской области, — читаем мы в очерке географии животноводства на конец пятидесятих годов, — показывает, что основные различия в развитии молочного животноводства в них идут не за счет среднегодовых надоев от каждой коровы, а за счет плотности поголовья коров. В то время как соотношения самых высоких и самых низких удоев по отдельным районам выражается как 2361 кг (Тугаевский) к 1658 кг (Брейтовский), плотность коров на 100 га сельхозугодий соотносится как 9,1 (Ярославский) к 4,3 (Пречистенский). Иными словами, самый низкий и высокий удой по районам находятся в соотношении 2:3, тогда как наименьшая и наибольшая плотность — 1:2.

Анализ показывает, что в настоящее время наблюдается диаметрально противоположная ситуация. Различия в плотности поголовья выровнялись, и размах вариации ныне составляет 13,8—19,8 коров на 100 га, что примерно соответствует пропорции 2:3. В тоже время разница в удоях приблизилась к двукратной (1:2).

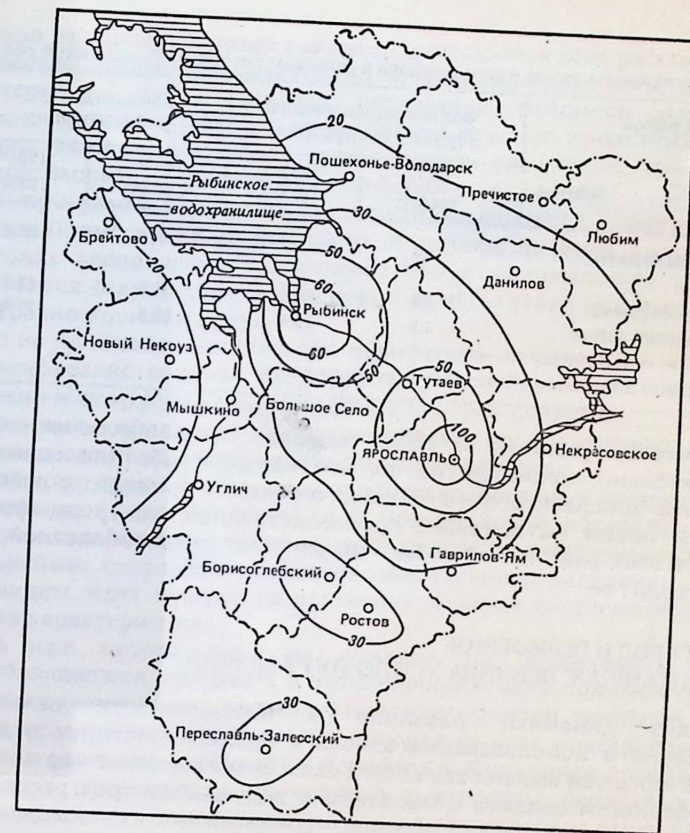

Рис. 19. Ярославская область. Валовая продукция сельского хозяйства в 1983 г. на 100 га сельскохозяйственных угодий в ценах 1973 г. (изолиниями показан выход валовой продукции со 100 га сельхозугодий, тыс. руб.)

причем максимальный удой от одной коровы (немногом более 3 тыс. кг в год) получают в Ярославском районе.

С течением времени в пользу Ярославского и Рыбинского районов перераспределяются как общий объем трудовых и материально-технических ресурсов, так и конечные результаты производства. И это при относительно сократившемся массиве угодий (табл. 33).

То обстоятельство, что темпы концентрации основных производственных фондов в названных районах превосходят темпы сосредоточения в них сельскохозяйственного населения, не должно, думается, вводить в заблуждение по поводу сравнительной значимости этих производственных факторов. Дело в том, что по мере увеличения нагрузки угодий на одного работника и прогрессирующего старения населения материально-техническая компенсация малолюдей становится слишком неэффективной. Это, по-видимому, и заставляет распорядителей ресурсов, вопреки уравнивающим принципам и даже курсу на подтягивание отстающих, отдавать

²² Северный рабочий. 1987. 12 янв.

²³ Хотя в действительности ареал наименее депрессивного сельского хозяйства представляет собой обширный пояс, протянувшийся по обоим берегам Волги — от Рыбинска через Тутаев на Ярославль и далее к пос. Некрасовское.

Таблица 33

Фондовооруженность труда и фондоотдача в сельском хозяйстве Ярославской обл.

Область, район	Фондовооруженность, труда, тыс. руб./чел.		Фондоотдача, руб./100 руб.	
	1967— 1969гг.	1981— 1983гг.	1967— 1969гг.	1981— 1983гг.
Ярославская область	3,0	13,3	77,5	22,6
в том числе				
Рыбинский район	3,2	18,1	84,6	23,8
Ярославский район	3,3	15,4	89,6	27,4
Составлено по данным областного статуправления.				

предпочтение районам с более высокой трудообеспеченностью. Действительно, несмотря на то что каждый работник сельского хозяйства Ярославского и Рыбинского районов приводит в действие больший объем материально-производственных ресурсов, фондоотдача в этих районах не только не уступает среднеобластной, но и превосходит ее.

ПРИГОРОД И ПЕРИФЕРИЯ: "БЛИЖАЙШАЯ" ПРИЧИНА УСИЛЕНИЯ РАЗЛИЧИЙ

Анализ динамики различий в интенсивности сельскохозяйственного использования земель в пределах четырех отдельно взятых областей выявил как общие, так и специфические черты.

Особенности связаны с масштабами ведущих центров расселения, числом доминирующих центров, спецификой их положения в пределах области, с наличием или отсутствием компенсирующего влияния внешней, "въездной", миграции на территориальное перераспределение сельскохозяйственного населения.

Общая же черта — это нарастание территориальных контрастов в продуктивности сельского хозяйства как за счет интенсивных факторов (Московская обл.), так и за счет одновременного действия экстенсивных и интенсивных факторов (остальные области). Эта общность проявляется, несмотря на определенные усилия по выравниванию экономических условий хозяйствования. Во всех рассмотренных областях большая часть надбавок к закупочным ценам на продукцию, реализуемую с убытком для хозяйств, оседает в периферийных районах и служит тем самым своеобразной, хотя и не вполне полноценной, формой изъятия дифференциальной ренты по положению у пригородных хозяйств.

Например, в Московской обл. в 1986 г. хозяйства Домодедовского района реализовали молоко по цене 39,76 руб. за 100 кг при себестоимости 29,76 руб., тогда как хозяйства отдаленного Шатурского района — по цене 61,54 руб. при себестоимости 47,84 руб.

Подтягивание периферийных районов фигурировало в качестве

одной из основных целей районных планировок всех рассмотренных областей, разрабатывавшихся во второй половине 60-х, в 70-х гг. Интересно, что в анализе реализации районной планировки Московской обл. (1986 г.), проведенном группой проектных организаций Москвы в 1986 г., установлены следующие три аспекта рассогласования проекта с фактическим положением:

1) программа строительства в районах внешнего планировочного пояса Подмоскovie птицефабрик и теплиц не была выполнена; в районах лесопаркового защитного пояса не произошло предполагавшегося сокращения пашни; кроме того, из этого пояса не выведен ряд свиноводческих ферм;

2) не преодолено отставание периферийных районов и отдельных сельскохозяйственных предприятий, расположенных вдали от Москвы и от крупных промышленных центров области;

3) в целом произошло не сокращение, как предполагалось, а увеличение численности занятых в сельском хозяйстве.

В то же время в схемах и проектах районной планировки, составлявшихся для Ярославской и Новгородской областей, предусматривались одновременно приrost сельскохозяйственных земель и дальнейшее сокращение сельскохозяйственного населения, что как мы видим, идет вразрез со столетним опытом сопряженного изменения характеристик.

На наш взгляд, одна из лежащих на поверхности причин углубляющегося контраста в интенсивности сельскохозяйственного использования земель связана с плотностью сетей линейной инфраструктуры (прежде всего дорог), которая во всех моноцентрических ареалах расселения убывает к периферии. Кажущаяся простота этой причины, относящейся не столько к качеству, сколько к самой конфигурации дорог, служит, по-видимому, определенным препятствием на пути ее осознания. Понимание того, что дороги можно и нужно улучшать, по нашим наблюдениям, дается легче, чем понимание конечной неустраняемости тех различий в транспортной доступности, которые вызваны самим начертанием дорожной сети вкпе с фактором расстояния. Между тем если в районах ближнего пригорода Москвы средняя протяженность дорог с твердым покрытием на 1 тыс. км² составляет около 500 км, то в периферийных районах она не превышает 150 км (без внутрихозяйственных дорог). Если порайонная вариация плотности дорог отражает диапазон возможной в поддержании внутренних связей, то по показателю так называемой транспортной открытости можно судить о связях внешних. Транспортная открытость может быть измерена средним расстоянием между соседними пересечениями дорогами границ района. Чем оно больше, тем более изолирован данный район от соседей. По расчетам С.А. Тархова [1983], в Подмоскovie наблюдаются четырех-пятикратные различия в транспортной открытости районов пригорода и периферии: от 5,9—6,9 км до 26,4—32,2 км. Различия такого же порядка существуют и в других областях.

Возрастание производственной, а впоследствии и социальной

значимости этих различий служит важным фактором территориального развития. Производственный эффект колебаний в транспортной доступности центров и его проявление в сельском хозяйстве хорошо изучены. В какой-то мере мы могли судить об этом эффекте по масштабу увеличения себестоимости продукции в многоземельных областях с низкой плотностью дорожной сети.

В последующих главах мы рассмотрим один из социальных каналов воздействия транспортной доступности (центров) на производство — сдвиги в размещении населения. Эта сторона проблемы, как уже отчасти было показано, сегодня является определяющей.

ВЫВОДЫ

1. В сельском хозяйстве Нечерноземья прослеживается агломерационный эффект: ресурсоотдача пропорциональна фондооснащенности и трудообеспеченности; последние, в свою очередь, выше всего в областях с максимальным распространением несельскохозяйственных занятий, что на большей части территории Нечерноземья тождественно уровню урбанизированности.

2. С течением времени происходят сдвиги в географии продуктивности сельского хозяйства в пользу наиболее урбанизованных территорий. Важную роль в этом играет стабилизация сельскохозяйственного населения таких территорий: чем меньше сокращение численности занятых в сельском хозяйстве, тем выше фондоотдача и значительнее рост производства. Самые большие территориальные контрасты в выходе продукции с единицы угодий наблюдаются в Центральном и Северо-Западном экономических районах.

3. Прослеженные закономерности подтвердились в масштабах четырех отдельно взятых областей, в которых независимо от общего (фоновое) уровня и темпов развития сельского хозяйства происходит постепенное перемещение "центра тяжести" агропроизводства в районы, прилегающие к областным центрам и другим ведущим центрам расселения.

4. Распределение приростов фондооснащенности лишь в малой степени диктуется экономическими предпосылками; в силу этого динамика фондооснащенности в гораздо меньшей степени влияет на увеличение производства и его территориальную дифференциацию, нежели динамика численности занятых.

5. Другим важным фактором усиления контрастов в продуктивности сельского хозяйства выступают размеры территории, приходящейся на одну административную и хозяйственную единицу. В многоземельных областях и районах уровень продуктивности обычно ниже, а себестоимость продукции выше, чем в малоземельных. Это объясняется избыточностью сельскохозяйственных угодий по отношению к возможности их полноценного освоения.

6. Размеры территории, приходящейся на одну административную и хозяйственную ячейку, не подлежат произвольному изменению, ибо они объективно (и достаточно жестко) обусловлены параметра-

ми социального пространства, в частности междугородними расстояниями и плотностью дорожной сети.

7. Эффективность капиталовложений в сельское хозяйство Нечерноземья последовательно снижалась на протяжении 70-х — первой половины 80-х гг.

8. В территориальных различиях плотности сельского населения и численности занятых в сельском хозяйстве на 100 га угодий с течением времени все больше возрастает интразональный (пригородный) компонент; напротив, зональная обусловленность этих явлений постепенно сходит на нет.

Глава 3

ИЗМЕНЕНИЯ В ГЕОГРАФИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЫ РСФСР

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

В селах и деревнях российского Нечерноземья проживает 12,6 млн чел. (1986 г.), или пятая часть всего населения. В структуре занятий сельского населения сельское хозяйство ныне уже не доминирует в такой мере, как раньше; в нем трудится немногим более половины всех работников. Если же соотнести их численность со всем занятым населением, как городским, так и сельским, то получим пропорцию 1:9. По этому признаку российское Нечерноземье все больше приближается к индустриально развитым регионам и странам Европы, в то же время сильно превосходя большинство из них по нагрузке угодий на одного работника.

Как было установлено в предыдущей главе, динамика населения, работающего в сельском хозяйстве, — фактор агроэкономического благополучия областей и районов Нечерноземья, в существующих условиях первый по значимости. Одновременно это движущая сила изменений в географии конечных результатов сельского хозяйства, которые, вслед за работниками, в нем занятыми, все больше концентрируются на территориях с максимальным функциональным разнообразием.

В данной главе мы постараемся проследить долговременные тенденции в географии сельского и сельскохозяйственного населения Нечерноземья и выявить причины, их обуславливающие.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ЗАНЯТОСТИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Информация, которой мы располагаем для решения названной задачи, строго говоря, не вполне сбалансирована. По распределению численности сельского населения, приведенному к современным административным границам, мы располагаем данными переписей 1926—1979 гг.¹, а также ежегодными данными текущего учета 1980—1986 гг. Доступная же нам информация о распределении занятых в сельском хозяйстве охватывает лишь период 1960—1986 гг. Поэтому сразу же встает вопрос, может ли первый из названных показателей компенсировать отсутствие второго?

¹ Пересчет информации 1926 и 1939 гг. в современные границы произведен А.М. Лолой, которому автор выражает свою признательность.

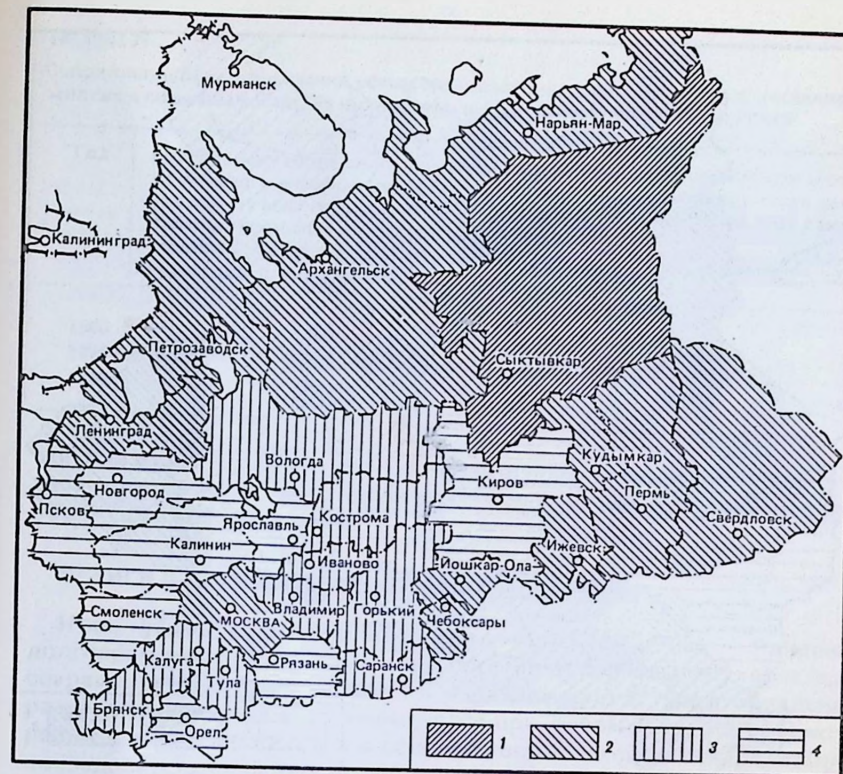

Рис. 20. Численность сельского населения в 1986 г., в % к 1926 г.
1 — более 100; 2 — 51—75; 3 — 26—50; 4 — 19—25

Анализ информации показывает, что даже на современном этапе, когда в сельской местности получили широкое распространение несельскохозяйственные занятия, территориальные распределения сельского населения в целом и среднесписочных работников сельского хозяйства довольно тесно коррелируют друг с другом. Причем с течением времени сопряженность указанных распределений даже нарастает (табл. 34).

Всего за период 1926—1986 гг. сельское население Нечерноземной зоны РСФСР сократилось в 2,7 раза. За 1960—1986 гг. оно уменьшилось на 44%, а число работников сельского хозяйства — на 40%. Рис. 20 и 21 дают представление о географии этих процессов. Из самых характерных ее особенностей отметим следующие.

В Нечерноземье имеются области, где сельское население динамично уменьшалось на протяжении всего периода 1926—1986 гг. Таковы Калининская, Новгородская, Смоленская, Костромская, Ярославская, Калужская, Рязанская области. В них за названный период сельское население сократилось в 3—5 раз. Отток сельских мигрантов в этих областях начался раньше всего. Лишь в 80-е гг. лидирующие

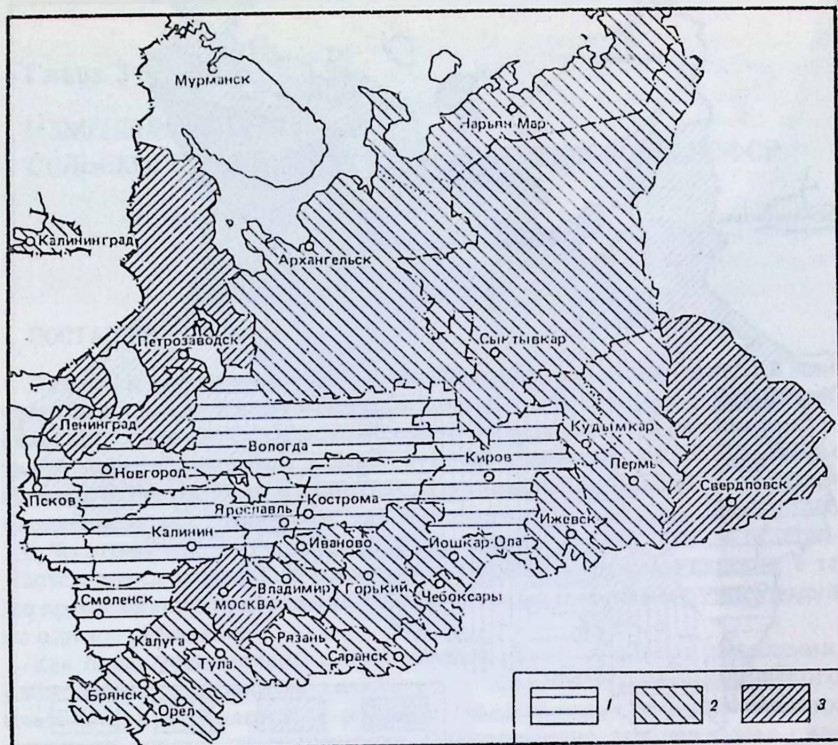

Рис. 21. Численность занятых в сельском хозяйстве в 1986 г., в % к 1960 г.
1 — 42—50, 2 — 54—74, 3 — 65—107

позиции по темпам убыли сельского населения перешли к областям и АССР Волго-Вятского района, а также к Орловской и Брянской областям.

Число работников сельского хозяйства первоначально убывало быстрее, чем сельское население в целом. Как и повсюду в мире, межотраслевое перераспределение рабочей силы в ходе индустриализации совершалось за счет сельского хозяйства. Однако уже в 70-е гг. соотношение изменилось: активнее стало сокращаться сельское население в целом. Это связано с его постарением и соответственно с повышением вклада в его отрицательную динамику естественного движения²

Сельскохозяйственное население наиболее стабильно в Ленинградской, Московской, Свердловской и Калининградской областях. В последние годы приостановились также сокращение числа занятых в сельском хозяйстве областей и республик Севера, Марийской АССР. Особо следует выделить то обстоятельство, что в названных областях

² Старшие возрастные контингенты меньше представлены в занятом населении, нежели в сельском населении, взятом в целом.

Таблица 34

Сопряженность распределения сельского населения и среднесписочной численности занятых в сельском хозяйстве по областям и АССР Нечерноземной зоны РСФСР

Год	Коэффициент корреляции плотности сельского населения (в расчете на единицу всей территории) и плотности занятых в сельском хозяйстве (в расчете на единицу сельскохозяйственных угодий)	Коэффициент географической ассоциации численности сельского населения и численности занятых в сельском хозяйстве
1960	0,762	0,887
1970	0,766	0,890
1986	0,836	0,892

стабилизация и некоторый рост занятости в сельском хозяйстве наблюдаются на фоне продолжающегося сокращения общей численности сельского населения.

СДВИГИ В РАЗМЕЩЕНИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Итак, убыль сельского населения в Нечерноземье — явление долговременное (рис. 22). Как и все тенденции глобального характера, сокращение сельского населения неравномерно в территориальном разрезе. Неравномерность выявляется при любом масштабе рассмотрения данного процесса и в соответствии с законом генерализации последовательно нарастает при переходе к более дробным пространственным единицам. Так, на уровне экономических районов различимы лишь неуклонное падение доли Центрального района и повышение доли Северного.

В пределах каждого экономического района (из числа входящих в Нечерноземную зону целиком) сложились очаги стабилизации. Так, в ЦЭР все большая часть сельского населения сосредоточивается в Подмоскovie, в Северо-Западном районе — в Ленинградской обл., в Волго-Вятском — в Чувашской и Марийской АССР, в Северном — в Коми АССР. Заметим, что в динамике числа занятых в сельском хозяйстве прослеживаются те же самые очаги стабилизации.

Регрессионный анализ привел к выявлению основных факторов динамики численности сельского населения областей и АССР. В ходе анализа мы производили последовательную выбраковку малосущественных факторов, а также испытывали различные виды связи. Среди статистически несущественных факторов оказались такие характеристики, как средняя людность сельских поселений, густота их расположения на местности, развитость непроизводственной сферы на селе. Лишь два факториальных признака подтвердили свое значение для областей Нечерноземья в 1959—1986 гг.: динамика населения в предшествующий (1926—1959 гг.) период и роль городов, измеренная долей центров с людностью свыше 100 тыс. чел. в общей

численности населения (табл.35). Притяжение к городам и преемственность демографических процессов (своего рода инерция) объясняют 52,6% территориальных различий в динамике сельского населения за 1959—1986 гг. По уравнению регрессии можно подсчитать, что убыли сельского населения в 1926—1959 гг. на каждые 10% соответствовала его дальнейшая убыль в 1959—1986 гг. еще на 4,1%.

Аналогичная зависимость была выявлена и для численности занятых в сельском хозяйстве. Притяжение к городу на этот контингент действует, как выяснилось (табл.36), даже сильнее, чем на сельское население, взятое в целом. При объяснении этого явления нужно учесть, что в составе всего сельского населения есть группа пенси-

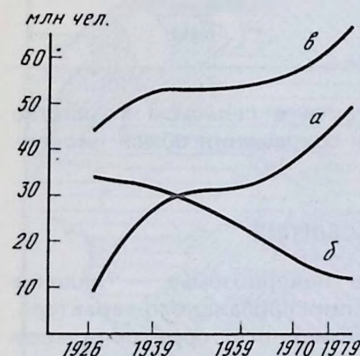

Рис. 22. Динамика населения Нечерноземной зоны РСФСР (а — городского, б — сельского, в — всего населения)

онеров, доля которой особенно велика как раз в слабоурбанизированных областях.

Таким образом, полученный результат содержательно неоднозначен. Во-первых, он свидетельствует об огромной инерционности в динамике сельского населения, во-вторых, о сосредоточении все большей его части в высокоурбанизированных областях, в-третьих, о том, что динамика сельского населения слабо зависит от, казалось бы, существенных характеристик сельской среды обитания.

На последнем обстоятельстве остановимся специально. В чем причина этой невыраженной зависимости?

Аналогичный вопрос возникал и в исследованиях других авторов. Так, Л.В.Мигачева [Вопросы социально-экономической..., 1983. С.73—78], объясняя слабую зависимость динамики сельского населения районов Калининской обл. от уровня культурно-бытового обслуживания, предположила, что либо неудачен набор привлекаемых показателей, либо "уровень культурно-бытового обслуживания примерно одинаков по всем районам области".

Интересны в связи с этим данные Г.В. Казанцевой [1987], относящиеся к зонам влияния областных городов ЦЭР (табл.37). Из них следует, что размах различий в динамике сельского населения явно не идет в сравнение с различиями в превышении нормативных радиусов обслуживания. Если же дополнительно принять во внимание, что

Таблица 35

Статистическое объяснение динамики сельского населения в 1959—1986 гг.

Вид переменной	Зависимая, Y	Независимая, X ₁	Независимая, X ₂
Наименование переменных	Индекс динамики сельского населения в 1959—1986 гг.	Индекс динамики сельского населения в 1926—1959 гг.	Доля населения, проживающего в городах с людностью свыше 100 тыс. чел. в 1970 г.
Доля (%) объясненной вариации Y и ее распределение между X ₁ и X ₂	52,62	48,17	4,45
Уравнение регрессии	$\ln Y = -0,653 + 0,413 \ln X_1 + 0,077 \ln X_2$		
Критерия Фишера	F=13,883		

Таблица 36

Статистическое объяснение динамики численности занятых в сельском хозяйстве в 1960—1986 гг.

Вид переменной	Зависимая, Y	Независимая, X ₁	Независимая, X ₂
Наименование переменных	Индекс динамики численности занятых в сельском хозяйстве в 1960—1986 гг.	Индекс динамики сельского населения в 1926—1959 гг.	Доля населения, проживающего в городах с людностью свыше 100 тыс. чел. в 1970 г.
Доля (%) объясненной вариации Y и ее распределение между X ₁ и X ₂	55,15	27,73	27,42
Уравнение регрессии	$\ln Y = -1,264 + 0,354 \ln X_1 + 0,285 \ln X_2$		
Критерия Фишера	F=15,370		

этап динамичного миграционного оттока из Орловской, Рязанской, Брянской областей пришелся на более поздний срок по сравнению с другими областями ЦЭР, то зависимость динамики сельского населения от типа сети центров обслуживания и вовсе может быть поставлена под сомнение.

Явление, о котором идет речь, в принципе может быть объяснено двояко:

Таблица 37

Характеристики разных типов сетей центров обслуживания сельского населения пригородных зон

Тип сети	Зоны влияния областных городов (в радиусе двухчасовой доступности) с преобладанием данного типа сети	Плотность городских поселений, ед./тыс. км ²	Среднее превышение нормативных радиусов обслуживания, %	Индекс динамики численности сельского населения в 1970-1985 гг., %
I	Владимир, Тула, Иваново	2,4	28	-26
II	Калуга, Калинин, Кострома, Ярославль	1,0	87	-28
III	Орел, Смоленск, Рязань, Брянск	0,9	106	-38

Источник: [Казанцева, 1987. С.11].

1) характеристики сельской среды оказывают воздействие на динамику сельского населения, однако само качество этой среды производно от доступности крупных или растущих городов;

2) характеристики сельской среды не оказывают значимого воздействия на динамику сельского населения; общее отставание в развитии социальной инфраструктуры села сильнее, чем его дифференциация по территории; в результате решающим фактором стабилизации сельского населения становится близость к городу сама по себе, ибо она дает возможность потреблять те социальные блага, которые сельский житель недобирает у себя дома.

Информация по областям, взятым в целом, не дает основания усомниться ни в одной из двух гипотез. Придется еще вернуться к этому вопросу, когда анализом будут охвачены более локальные уровни. На данном этапе для нас принципиальное значение имеет тот эмпирически установленный факт, что на протяжении 1959—1986 гг. происходило перераспределение сокращающейся общей численности сельского (в том числе сельскохозяйственного) населения в пользу высокоурбанизированных областей.

Это побуждает опробовать для оценки внутриобластных сдвигов в размещении сельского населения такую сетку членения территории, которая основана на критерии доступности крупнейшего города. Отличный пример такого анализа содержится в публикации А.М.Лолы и Т.М.Савиной [1978]³. В нашем распоряжении информация по зонам доступности имела лишь по трем областям. Ее анализ привел к выводу о наличии в этих областях ярко выраженных центростремительных сдвигов в размещении сельского населения (табл.38).

³ К сожалению, авторы этой статьи построили свои выводы о тенденциях территориального перераспределения сельского населения Нечерноземья в 1959—1970 гг. только на анализе миграционной подвижности, хотя сокращение сельского населения уже в тот период несло на себе также отпечаток территориальных различий в естественном движении.

Таблица 38

Внутриобластные сдвиги в размещении сельского населения

Область	Численность населения в 1986 г., в % к уровню 1959 г.		
	В целом по области	В радиусе двухчасовой доступности областного центра	В центральном экономическом микрорайоне
Новгородская	49,0	70,5(3,6)*	59,1(30,8)
Костромская	47,2	78,8(3,3)	58,6(30,5)
Калининская	46,2	70,9(2,4)	58,4(24,6)

* В скобках указана доля (%) зоны двухчасовой транспортной доступности и центрального экономического микрорайона в территории области.

Желая охватить анализом большинство областей Нечерноземья, мы прибегли к "Схеме районирования территории для целей районной планировки", уже использованной ее составителем Е.Е.Лейзеровичем [1979] для оценки изменений в размещении населения. В пределах каждой области выделены экономические микрорайоны, каждый из которых состоит из нескольких административных районов, как правило, от трех до шести.

Хотя данная сетка членения территории не позволяет в полной мере выявить разительные контрасты в динамике населения, все же в 17 из 29 областей и АССР наиболее стабильным оказалось сельское население центральных экономических микрорайонов. Иначе обстоит дело в областях Крайнего Севера, а также в Свердловской и Пермской областях, где ареалы относительной стабилизации сельского населения рассредоточены по территории и связаны в основном с несельскохозяйственными видами деятельности. Еще в шести областях и АССР выгодное транспортное положение обусловило наличие вторых, нецентральных полюсов стабилизации, например Ростовского экономического микрорайона в Ярославской обл., Канашского в Чувашской АССР и т.д.

Особый интерес представляют подсчет площадей и анализ распространения микрорайонов, в пределах которых происходит сокращение общей численности населения. В таких микрорайонах прирост горожан если и имеет место, то в размерах, не перекрывающих убыль сельских жителей. Общая площадь таких депрессивных микрорайонов составляет 68% территории Нечерноземья. Из рассмотренных 26 областей и АССР Нечерноземной зоны (за вычетом областей Крайнего Севера) в 15 рост общей численности населения наблюдается только в центральных экономических микрорайонах (возглавляемых областными и республиканскими центрами). В Ленинградской обл. и Карельской АССР имеется лишь по одному депрессивному микрорайону (соответственно Свирский и Сегежа-Беломорский). В Московской обл. таких микрорайонов нет вообще. В 9 областях население растет, помимо центральных, еще в 1—3 мик-

микрорайонах: в Вологодской обл. — в Череповецком; в Тульской — в Новомосковском; в Ярославской — в Рыбинском и Ростовском; во Владимирской — в Александровском, Ковровском и Муромском; в Горьковской — Выхса-Кулебакском; в Свердловской обл. — в Нижне-Тагильском, Артемовском, Каменском; в Удмуртской АССР — в Сарапульском; в Пермской обл. — в Чайковском и Березинском.

Тот факт, что абсолютный рост общей численности населения этих микрорайонов происходит пока исключительно за счет горожан, имеет тем не менее большое значение и для стабилизации сельского населения. Уже в 1959—1979 гг. по микрорайонам, где рост числа горожан перекрывал убыль сельских жителей, последняя также оказалась значительно меньшей, чем в среднем по Нечерноземью. Если в целом по зоне (без учета областей Крайнего Севера) сельское население сократилось на 38%, то в названных микрорайонах — на 23%. В перспективе значение этих очагов стабилизации сельского населения, несомненно, возрастает в еще большей степени.

Информация о депрессивных микрорайонах позволяет внести некоторую ясность в оставленный открытым вопрос, почему динамика сельского населения Нечерноземья обнаруживает столь малую зависимость от характера сельской среды обитания.

В частности, можно ожидать, что в областях, где на долю таких микрорайонов приходится значительная часть территории, темпы убыли сельского населения слабо зависят от расстояния до большинства городов (ввиду "маломощности" последних). Лишь расстояние до областного центра должно, по-видимому, оставаться значимым фактором динамики сельского населения. Однако радиус регулярных культурно-бытовых поездок в областной центр имеет ограниченную протяженность, поэтому вне пределов зоны приемлемой транспортной доступности темпы убыли сельского населения зависят от других факторов. Среди них определенную роль могут сыграть и местные различия в уровне развития сельской производственной сферы. В то же время в тех областях, где преобладают растущие города, локальные различия в пределах самой сельской местности как бы нивелируются, отступая на второй план перед возможностью компенсации недостатков сферы обслуживания в динамично развивающемся городе.

Это предположение было проверено нами совместно с А.И.Игудиной в ходе анализа динамики сельского населения двух областей (Рязанской и Ярославской), сильно различающихся по характеристикам городского расселения. Для каждой из них были найдены признаки, объясняющие наибольший процент внутриобластных территориальных различий в динамике сельского населения. Всего было использовано 11 факториальных признаков. Путем отсева наименее существенных из них установлено, что в Ярославской обл. стабилизирующее воздействие на сельское население оказывают примерно в равной мере уровень урбанизированности низового административного района и близость к областному центру; в Рязанской — развитие сельской производственной сферы, близость

к областному центру и распространение среди сельских жителей маятниковой миграции. Причем чем дальше от Рязани, единственного динамично растущего города одноименной области, тем значительнее контингент населения, занятого в непроизводственной сфере непосредственно на селе [Игудина, 1985].

Таким образом, было установлено, что сформулированные гипотезы о причинах слабой зависимости темпов убыли сельского населения по Нечерноземью в целом от характера сельской среды не противоречат друг другу и адекватность, степень подтверждения каждой из них зависит от местных параметров городского расселения. Это наблюдение конкретизирует принципиальный вывод о том, что в роли главного фактора территориальных различий в динамике населения нечерноземных областей выступает удаленность от города. Понятно, что итогом этих различий служит постепенное сосредоточение все большей части сельского населения в зонах влияния городов.

К аналогичному выводу привел анализ, проведенный нами на материале Московской и сопредельных с ней областей ЦЭР. Сравнение двух картосхем (рис.23) свидетельствует об углублении поляризации расселения.

В.Г.Глушкова и Н.Б.Барбаш [1983] отображали процесс территориальной концентрации населения по данным за 1959—1978 гг. в ЦЭР (рис.24).

Д.Н.Лухмановым [1989] изучен процесс поляризации расселения в Новгородской обл., где Новгород—Чудово, Старая Русса, Валдай и Боровичи оказались важнейшими центрами притяжения сельского населения (рис.25).

Ареалы относительной стабилизации вытянуты вдоль важнейших магистралей, которые наряду с городами задерживают отток сельского населения из прилегающих зон. Например, по данным В.Н.Комаровой и И.И.Литвинова [1984], сельское население Удмуртии сократилось за 1959—1970 гг. в зонах пешеходной доступности дорог с автобусным сообщением (до 3 км от дороги) — на 4,3%, в полосе шириной до 5 км от дорог — на 6,3%, на остальной территории — на 24,1%. В период 1970—1979 гг. сельское население Удмуртской АССР сократилось более равномерно — соответственно на 13,8, 15,5 и 19,8%. Однако прежняя закономерность, как видим, все же сохранилась.

Особняком, как всегда, стоит вопрос о том, в какой мере выявленная закономерность перераспределения населения внутри областей характерна для занятых в сельском хозяйстве. Полной информации на этот счет у нас нет, имеются лишь выборочные данные по 9 областям⁴. Анализ показал, что в процессе концентрации населения в зоне влияния областного центра можно выделить три стадии. На I стадии, по-видимому, пройденной уже большинством областей Нечерноземья, названный процесс идет в основном за счет

⁴ Московская, Ленинградская, Горьковская, Свердловская, Калининская, Псковская, Новгородская, Вологодская, Ярославская области.

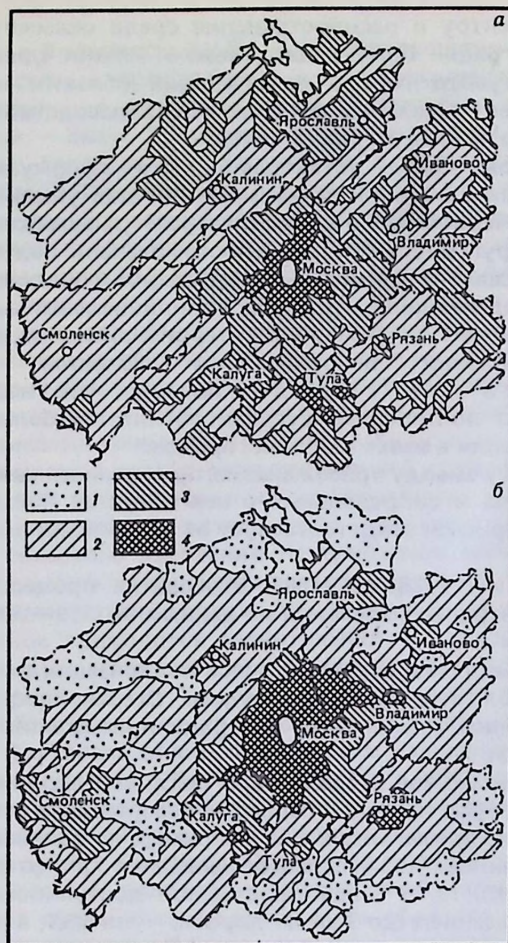
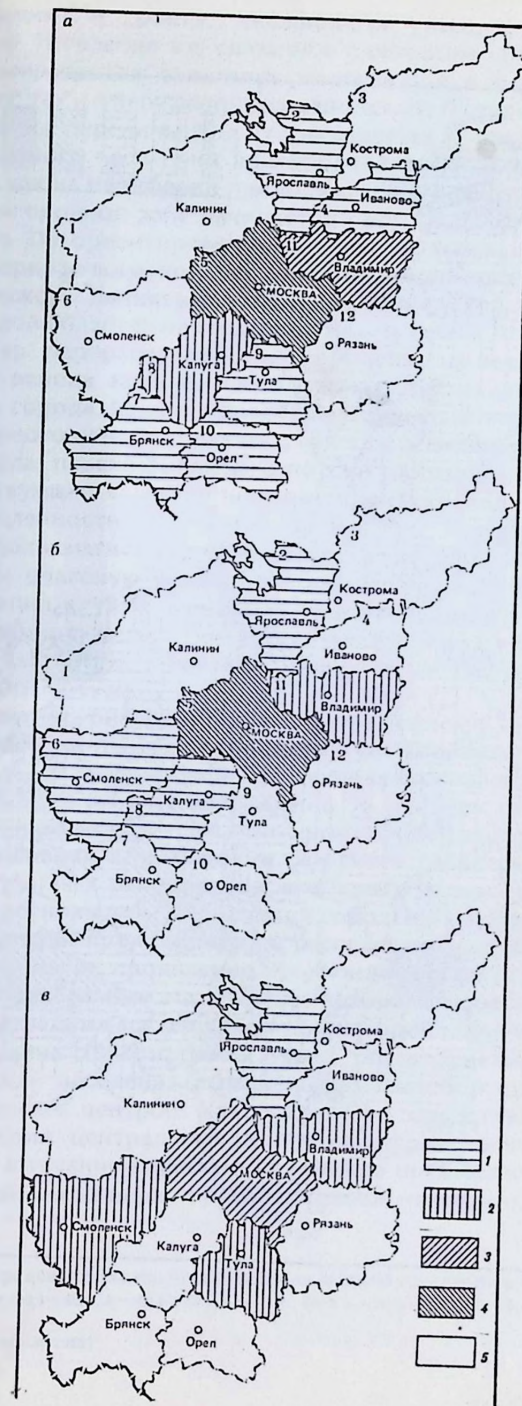
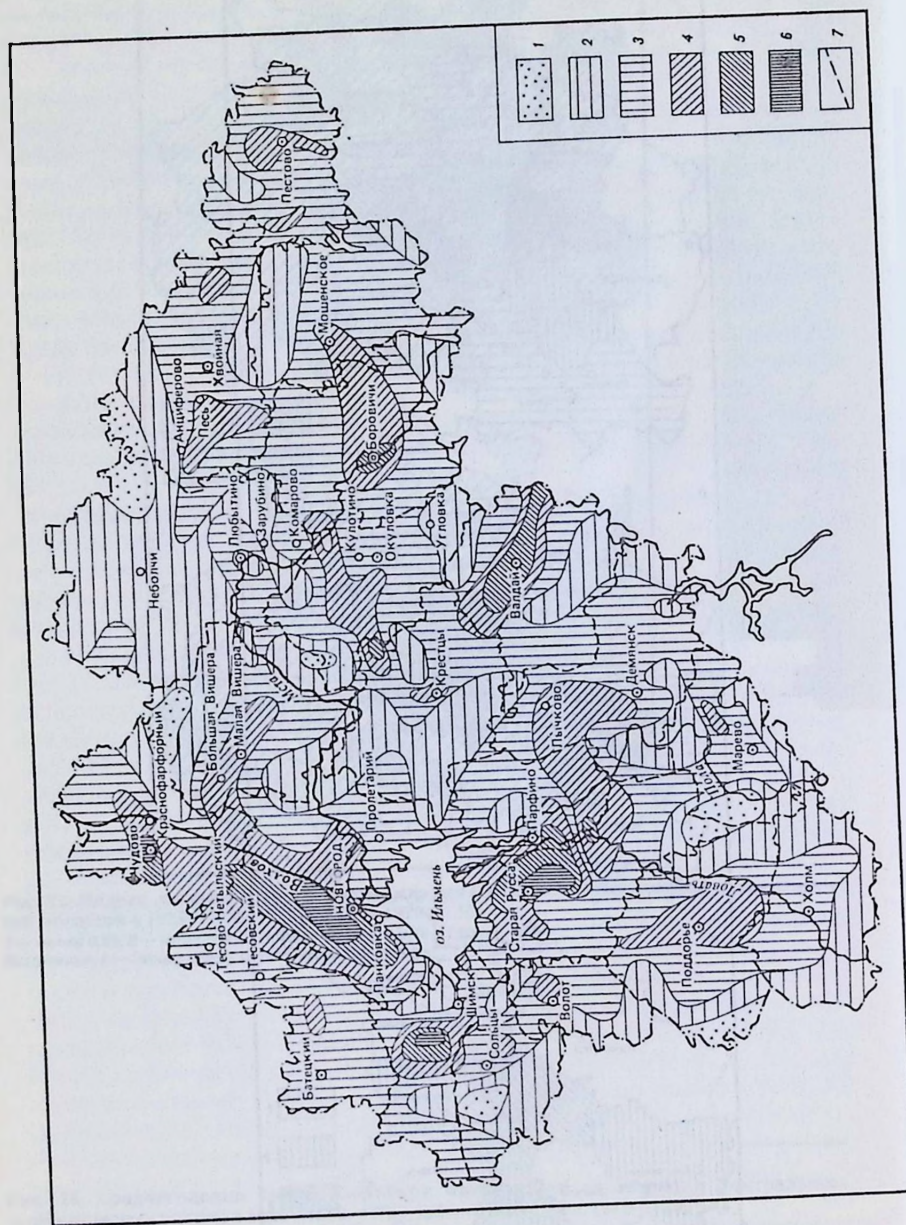

Рис. 23. Индекс динамики численности сельского населения Московской и смежных с ней областей в 1935—1959 гг. (а) и 1959—1979 гг. (б)
 1 — менее 0,25; 2 — 0,25—0,50; 3 — 0,51—0,75; 4 — 0,76—1,00
 Источники: а — [Минц, 1962]; б — по расчетам автора

Рис. 24. Среднегодовые темпы изменения численности населения в Центральном экономическом районе в 1959—1969 гг. (а), 1970—1978 гг. (б) и 1979—1986 г. (в)
 Увеличение численности населения, % в год: 1 — менее 0,3, 2 — 0,3—0,5, 3 — 0,6—0,9, 4 — более 1, 5 — сокращение численности населения; области: 1 — Калининская, 2 — Ярославская, 3 — Костромская, 4 — Ивановская, 5 — Московская, 6 — Смоленская, 7 — Брянская, 8 — Калужская, 9 — Тульская, 10 — Орловская, 11 — Владимирская, 12 — Рязанская
 Источники: а, б — [Глушкова, Барбаш, 1983], в — по расчетам автора

стабилизации и роста численности несельскохозяйственного населения. Население же, связанное с сельским хозяйством, на этой стадии сокращается сходными темпами как в центрально расположенных, так и в периферийных районах. На II стадии (в большинстве областей — с середины 70-х гг.) начинается стабилизация сельскохозяйственного населения пригородной зоны областного центра, в то время как на периферии продолжается его сокращение. На III стадии в пригородной зоне начинается рост числа занятых в сельском хозяйстве. По ориентировочной оценке, большая часть областей и АССР Нечерноземья находится в настоящее время на II стадии. Однако в Московской, Ленинградской, Калининградской, Свердловской и Горьковской областях наблюдаются уже признаки III стадии.

Характер перераспределения сельского населения в пределах низового района зависит от положения последнего относительно крупного города. Если районообразующее значение местного административного центра подавлено непосредственной близостью крупного города, перехватывающего потоки маятниковых мигрантов, то соответствующий характер носит и территориальное перераспределение численности стабильного населения. Линейная его концентрация (вдоль магистралей) в этом случае превосходит по своим масштабам очаговую (вокруг райцентра), а сами линейные формы концентрации служат элементом более обширного звездообразного очага, формирующегося вокруг крупного города. Такой характер носит, в частности, динамика расселения в радиусе двухчасовой доступности Москвы.

За ориентировочными пределами двухчасовой изохроны доступности областных центров районообразующее значение малых городских поселений резко возрастает; линейная и очаговая концентрация населения происходит сопряженно, в рамках структур одного таксономического ранга. В связи с этим особый интерес приобретает анализ изменений в размещении сельского населения моноцентрических глубинных районов, возглавляемых малыми городами. Здесь нет той чересполосицы зон влияния городов и магистралей, которая, не изменяя сути происходящих в расселении процессов, усложняет внешние формы их проявления. Глубинный район становится, таким образом, своеобразным эталоном, на котором процесс территориальной концентрации населения может быть прослежен в чистом виде.

А.И. Игудина [1982] провела анализ территориальных различий в темпах убыли населения в разрезе зон транспортной доступности двух районных центров. Как следует из представленных данных (табл.39), доля центральных зон в общей численности сельского населения с течением времени динамично повышалась. По имеющимся у нас данным, за период после переписи населения 1979 г. полиари-

Рис. 25. Новгородская область. Численность сельского населения в 1986 г., в % к 1959
1 — менее 20, 2 — 20,1—40,0; 3 — 40,1—60,0; 4 — 60,1—80,0; 5 — 80,1—100,0; 6 — более 100; 7 — границы районов
Источник: [Лухманов, 1989]

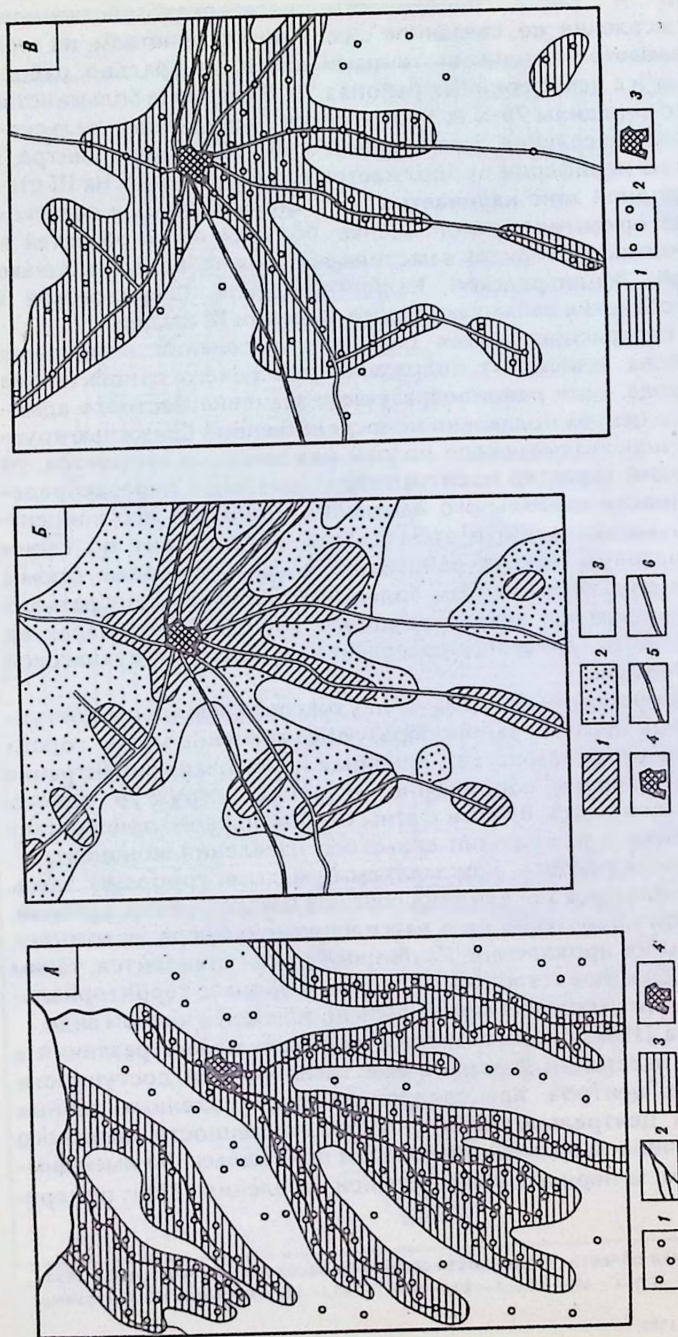

Рис. 26. Изменения в сельском расселении Старорусского района Новгородской области
 А — традиционная система расселения; 1 — сельские населенные пункты, 2 — речная сеть, 3 — зоны повышенной плотности сельского населения, 4 — центральный город; В — интенсивность миграции сельского населения; зоны интенсивности: 1 — въезд преобладает над выездом, 2 — saldo миграции от 0 до —15%, 3 — saldo миграции от —15 до —100%; 4 — центральный город; 5 — железная дорога; 6 — основные автодороги; В — формирующаяся система расселения: 1 — зоны повышенной плотности сельского населения, 2 — сельские населенные пункты, 3 — центральная зона

Источник: [Ширгазин, 1983]

Таблица 39

Расселение в зонах транспортной доступности центров низовых административных районов, 1979 г.

Транспортная доступность, мин	Доля по отношению к району, %			Плотность населения, чел./км ²	Средняя людность поселения, чел.	Индекс динамики населения (1959-1)
	Территория	Население	Число поселений			
Угличский район Ярославской обл.						
0—60	11,7	31,4	22,3	48,5	55	0,84
60—120	26,9	28,1	28,7	8,7	38	0,56
Более 120	61,4	40,5	49,0	5,5	32	0,36
Район в целом	100,0	100,0	100,0	8,3	39	0,53
Михайловский район Рязанской обл.						
0—60	25,1	55,7	29,3	36,4	293	0,61
60—120	31,3	19,7	27,2	10,3	112	0,49
Более 120	43,6	24,6	43,5	7,1	87	0,44
Район в целом	100,0	100,0	100,0	16,4	154	0,54

Источник: [Игудина, Иоффе, 1985. С.76].

Примечание. Для каждого поселения была определена фактическая транспортная доступность районного центра. Основным средством сообщения для сельских жителей Михайловского и Угличского районов с райцентрами является автобус. Время подхода к ближайшей автобусной остановке определялось картометрически — по пешеходным тропам. Продолжительность поездки определялась с помощью паспортов автобусных маршрутов.

Источник: [Игудина, Иоффе, 1985. С.76].

Примечание. Для каждого поселения была определена фактическая транспортная доступность районного центра. Основным средством сообщения для сельских жителей Михайловского и Угличского районов с райцентрами является автобус. Время подхода к ближайшей автобусной остановке определялось картометрически — по пешеходным тропам. Продолжительность поездки определялась с помощью паспортов автобусных маршрутов.

зация расселения в Михайловском и Угличском районах продолжала углубляться. Так, численность населения внешней зоны Угличского района в 1985 г. составляла лишь 25% к уровню 1959 г., тогда как центральной — 80%.

В каких же формах воплощается территориальная концентрация населения на уровне локальных групп деревень? Ответ на этот вопрос содержится в ряде исследований.

По данным за базовый период 1959—1975 гг. О.Р.Ширгазин [1983] выполнил экстраполяционный прогноз формирующейся системы расселения Старорусского района Новгородской обл. и сравнил ее с традиционной (рис.26). В основе структурной перестройки, как выяснилось, лежит перемещение центра тяжести поля расселения с речной сети на сеть транспортных магистралей. В традиционной системе расселения 73% всех населенных пунктов располагалось вдоль рек (долинный тип расселения) и только 31% — на магистралах; в

Признаки стадий депопуляции деревень в периферийных районах Нечерноземья

№ стадии	Постоянное население и его половозрастная структура (ПВС)	Сфера обслуживания (СФО), жилье	Сельское хозяйство			Личное подсобное хозяйство	Инфраструктура
			Общественное земледелие	Общественное животноводство	Трудовые связи		
1	100—500 чел., сбалансированная ПВС	Полный набор СФО в пределах пешей доступности, значительный жилфонд, новое строительство	Кормовые, зерновые, картофель, лен; близкие земли заняты под выгон	Молочная ферма	Все работы выполняются жителями данного села	Значительное поголовье коров, крупные огороды	Асфальтовая дорога, электричество, телефон, колодец
2	100—300 чел., пониженная доля молодежи	Школы и клуб закрыты, новое строительство незначительно	Выгон распахан, часть мелких полей заброшена	Молочная ферма	Некоторые работы выполняются жителями других поселений, в том числе горожанами	Преобладают козы и овцы	Улучшенная грунтовая дорога, электричество, телефон, колодец
3	30—150 чел., большая часть населения в пенсионном и предпенсионном возрастах	В пределах пешей доступности действует только магазин; жилые дома ветхие, новое строительство не ведется	Возделываются в основном близкие поля, трудоемких культур нет	Малая ферма или откормочный пункт	Значительная часть работ выполняется жителями других поселений	Поголовье скота малочисленно	Грунтовая дорога, электричество, колодец, телефон
4	Менее 50 чел., "флажковая" ПВС с преобладанием женщин пожилого возраста	СФО отсутствует, часть домов пустует, остальные нуждаются в ремонте	Зерновые; возделываются только близкие поля	Ферма действует только летом	Подавляющая часть работ выполняется только жителями других поселений	Часть огородов отведена под покосы	Разбитая грунтовая дорога, электричество, колодец
5	Постоянного населения нет	Пустые ветшающие дома	В обработке небольшие участки у дороги	Пастбищное скотоводство	Все работы выполняются жителями других поселений	Нет	Лесная или полевая дорога, колодец
6	Постоянного населения нет	Разрушенные дома	Земля не обрабатывается, зарастает кустарником	Пастбищное скотоводство	Все работы выполняются жителями других поселений	Нет	Лесная дорога, непроезжая для техники
7	Постоянного населения нет	Нет	Земля зарастает лесом	Нет	Нет	Нет	Нет

Источник: [Иоффе, Фингеро, 1987. С. 129].

формирующейся системе расселения соотношение иное — 52% на магистралях и 64% на реках⁵.

По данным А.И.Алексеева [Вопросы социально-экономической..., 1983. С.51—63], в 1970 г. в Торопецком районе Калининской обл. 52,4% населения проживало на менее чем двухкилометровом удалении от дорог с автобусным сообщением, 35,3% — на удалении от 2 до 8 км и 12,3% — более 8 км. Уже в 1982 г. пропорция выглядит следующим образом: 76,6:22,9:0,5. Согласно прогнозу, через 20 лет более 90% будет проживать вдоль дорог, а на расстоянии свыше 4 км от них жителей практически не останется.

По данным статистического анализа локальных групп жизнеспособных поселений в районах Ярославской и Рязанской областей [Игудина, 1982], конфигурация формирующегося расселения зависит от принадлежности к той или иной зоне транспортной доступности города. В центральной зоне (в радиусе 60-минутной доступности) формируется ареальное расселение, в промежуточной (60—120 мин) — линейное, в периферийной (более 120 мин) — рассеянное.

Признак ареального расселения: динамически устойчивые поселения размещаются по всей зоне. Признак линейного расселения: ось роста образует дорожная сеть. Поскольку среднее расстояние до дорог с твердым покрытием в промежуточной зоне в 2—3 раза больше, чем в центральной, выраженность этих "силовых линий" поля расселения особенно велика и наглядна. При рассеянном расселении устойчивые поселения единичны и размещаются на таком удалении друг от друга, которое затрудняет или исключает регулярное взаимодействие [Игудина, Иоффе, 1985].

Подчеркнем: именно в зонах рассеянного и линейного расселения происходит самое интенсивное демографическое "прореживание" сети расселения, именно там располагается большая часть угасающих и прекративших существование деревень. Этапы этого угасания изучены Г.М.Фингером по многолетним наблюдениям в Фировском районе Калининской обл. (табл.40)

О СОСТАВЛЯЮЩИХ ДИНАМИКИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

До сих пор мы оперировали только валовыми, результирующими характеристиками динамики сельского населения. Между тем для уяснения сути происходящих процессов необходимо представлять себе их основные слагаемые. Особенно это важно для качественной оценки актуальных тенденций и тем более для построения реалистических прогнозов. К сожалению, по этой части накоплен большой негативный опыт. Так, замедление темпов сокращения сельскохозяйственного населения нередко встречает ликование ответственных работников, относящих его на счет успеха социальных

⁵ Превышение 100% объясняется тем, что наиболее жизнеспособные деревни расположены одновременно на реках и транспортных магистралях.

мероприятий⁶, тогда как несложный анализ мог бы показать, что это связано с исчерпанием наиболее мобильных, т.е. склонных к миграции, возрастных контингентов.

До определенного времени абсолютная убыль населения Нечерноземья была на 100% связана с механическим движением — миграцией в города. Число выбывших из сельской местности Северо-Западного, Центрального и Волго-Вятского районов только за 20 лет, с 1951 по 1970 г., по имеющимся расчетам, равнялось половине общей численности сельского населения этих районов в среднем за этот период. В результате долговременной миграции в Нечерноземье сильно сократилась доля молодежи, что привело к падению рождаемости, росту смертности и, как результат, — к падению естественного прироста сельского населения. Уже во второй половине 60-х гг. в Новгородской, Псковской, Ивановской, Калининской, Костромской, Рязанской, Смоленской, Тульской, Ярославской областях естественный прирост сменился убылью. В первой половине 70-х гг. к этим областям добавились Вологодская, Владимирская, Калужская, Орловская, Горьковская, Кировская, во второй половине 70-х гг. — Брянская. В настоящее время лишь в областях и АССР с минимальной долей занятых в сельском хозяйстве да в Марийской, Удмуртской и Чувашской АССР имеет место положительное сальдо естественного движения сельского населения.

Эта принципиально важная особенность современной демографической ситуации в нечерноземном селе — свидетельство того, что меры по стабилизации наличного сельского населения во многих районах могут иметь лишь временный эффект. В Нечерноземье есть районы, где убыль сельского населения за последние 10—15 лет на 2/3 связана с естественным движением и лишь на 1/3 со все еще продолжающейся миграцией.

Исследования миграции населения не проводились в нашей стране с первой половины 30-х гг. до второй половины 60-х. Они активизировались в то время, когда современная демографическая ситуация в Нечерноземье была уже в общих чертах предопределена.

В первом же фундаментальном исследовании закономерностей миграции сельского населения в Нечерноземье [Кутафьева, Москалева и др., 1971] было установлено, что интенсивность оттока сельского населения повышается с удалением от административно-хозяйственного центра территории. Тот факт, что это наблюдение было получено на материале изучения Калининской обл. (территории с самой долговременной миграционной историей) и относится к 60-м гг., заставляет внести в него важное уточнение. Усиление интенсивности миграционного оттока с удалением от городского поселения в действительности отражает достаточно зрелую стадию миграционного оттока. Более раннюю стадию отражают наблюдения Ю.В.Арутю-

⁶ Именно так было расценено замедление оттока сельскохозяйственного населения из Нечерноземья в докладе на октябрьском 1984 г. Пленуме ЦК КПСС (Материалы Пленума ЦК КПСС 23 октября 1984 г. М.: Политиздат, 1984. С.6).

няна [1971. С.147], почерпнутые в 60-е гг. в Татарии, т.е. на территории, которая в то время была еще сравнительно слабо трансформирована сельской миграцией. В тот период близость к городу служила "причиной ускоренной миграции наиболее молодой и образованной части населения".

То же самое было, по-видимому, характерно и для Нечерноземья в 20—30-х, а местами и в 50-х гг. Причина более ранней активизации миграционной подвижности сельского населения пригородных зон заключена в лучшей информированности населения. Не последнюю роль сыграло здесь телевидение, которое проникло во многие глубинные районы Нечерноземья лишь к началу 70-х гг., причем еще в конце 70-х гг. в пределах ЦЭР оставались обширные зоны "неуверенного" приема телепередач.

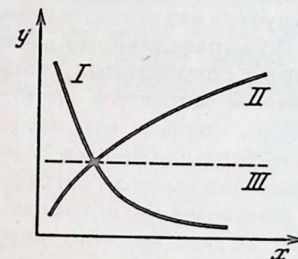
Впрочем, что говорить о телевидении, если еще во второй половине 60-х гг. в Нечерноземье имелись области и АССР (Архангельская, Новгородская, Псковская, Вологодская, Чувашская и Марийская и др.), в которых до 60% населенных пунктов не имело электричества [Проблемы развития сельского хозяйства..., 1967. С.181].

В повышенном миграционном оттоке из пригородов и связанной с этим трансформацией возрастно-половой структуры их населения нашла свое выражение так называемая первая волна воздействия города на село. Один из ее основных признаков — рост доли несельскохозяйственного сельского населения в пригороде. Откликом на это с течением времени становится межотраслевое соперничество в сфере приложения труда в пригородной зоне. Первоначально оно складывается не в пользу сельского хозяйства. Такое положение, в свою очередь, активизирует развитие непроизводственной сферы, стимулирует улучшение условий сельскохозяйственного труда в многофункциональном пригороде⁷.

Здесь формируется качественно новая сельская среда, являющаяся своеобразным дополнением (производственным, рекреационным, экологическим) города, тогда как периферия еще только подключается к стационарным каналам коммуникации. Причем подключается односторонне, так как распространение электрификации и телевидения сильно обгоняет возможность поддержания непосредственных контактов с городом: качество дорог, как известно, еще и сегодня оставляет желать лучшего. Наряду с большим числом трудовых вакансий в городах это приводит к резкому, взрывному росту сельской миграции. Профиль интенсивности миграции меняется: повышенные потери начинает нести периферия. Урон, наносимый миграцией демографическим ресурсам периферии, в удельном исчислении (скажем, на 1000 жит.), оказывается большим, нежели миг-

рационные потери пригорода на предыдущей стадии процесса. Это объясняется двумя причинами: во-первых, гравитационной закономерностью расселения (в пригороде плотность сельского населения выше, чем на периферии); во-вторых, часть миграционных потоков имеет местом назначения пригородную зону. Именно на этой стадии деформируется возрастная структура населения глубинных районов, где доля лиц пенсионного возраста подчас достигает 50%, и напротив, нормализуется возрастная структура в пригороде. Таково содержание второй волны воздействия города на село.

Рис. 27. Зависимость интенсивности миграции сельского населения от расстояния до города
I, II, III — стадии миграционной активности; по оси x — расстояние до города, y — интенсивность миграционного оттока

По мере того, как на периферии истощаются демографические ресурсы, профиль интенсивности миграции теряет определенность (рис.27), так как расстояние и наличие контингентов, склонных к переселению, как факторы миграции начинают действовать в противоположные стороны, уравнивая друг друга. Так, на периферии хуже условия жизни, но крайне мало молодежи; в пригороде, напротив, есть кому мигрировать, но условия в целом предпочтительнее. Именно это и дало основание А.М.Лоле заключить, что "миграционные процессы в разрезе зон доступности к городам и агломерациям указывают на отсутствие качественных различий и предпочтительности жить в зонах благоприятной доступности к центрам расселения" [Лола, Савина, 1978]. В действительности дело, конечно, не в предпочтениях, а просто в различной численности потенциальных мигрантов. Именно на этой, современной стадии миграционной активности возрастают градиенты трудообеспеченности сельского хозяйства на линии пригород—периферия.

Наиболее полно исторические закономерности сельской миграции и сопряженных с нею явлений изучены Г.С.Козловым на материале Белоруссии [Козлов, Хасдан, 1985]. Ввиду разновременности наступления соответствующих стадий социально-демографического развития в окрестностях городов разного типа едва ли можно указать их единую датировку для всего российского Нечерноземья. Это, во всяком случае, потребовало бы специального исследования. Вместе с тем можно утверждать, что многие малые города и рабочие поселки Нечерноземья не обрели силы для второй волны воздействия на село. Что же касается областных центров и некоторых "вторых" городов (таких, как Рыбинск, Глазов, Боровичи и др.), то в их окружении поляризация миграционной подвижности наступила уже в 50-е гг.

Анализ демографической статистики подтверждает, что в сельском

⁷ Если не принять своевременных мер по выравниванию условий труда и быта в городе и деревне, — писал в начале 70-х гг. тогдашний председатель Мособлисполкома, — то можно лишиться многих кадров основных сельскохозяйственных профессий" [Козлов, 1974]. Тот факт, что этого не произошло, а сельскохозяйственное население к концу 70-х гг. стало в ближнем Подмосковье расти, можно считать реакцией на "принятые меры".

населении периферийных районов удельный вес старших возрастных групп выше, чем в центрально расположенных районах, в силу этого на периферии имеет место самая значительная естественная убыль населения. В последние годы активизировалось механическое движение населения по линиям село—село и город—село. Анализ этих миграционных потоков на примере ряда областей подтвердил, что местом их назначения служат в основном пригородные хозяйства [Алексеев, Данилова и др., 1979]. Таким образом, есть основания полагать, что территориальная концентрация населения стимулируется как естественным, так и механическим движением.

По справедливому мнению А.А.Ткаченко [1987], возрастная структура в современных условиях Нечерноземья является самым синтетичным аспектом демографической ситуации. Проведенный им анализ показал, что межрайонные различия в возрастной структуре сельского населения Калининской обл. определяются двумя факторами: экономико-географическим положением района по отношению к основным магистралям и административным статусом районного центра (как правило, коррелирующим с его людностью). Как видим, налицо полная идентичность с факторами территориальных различий в динамике сельского населения.

ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ РАССЕЛЕНИЯ

История государственного регулирования сельского расселения Нечерноземья восходит к началу XVIII столетия. Этапы с преобладанием концентрирующих и деконцентрирующих воздействий на сеть поселений чередовались.

Первый опыт централизованного воздействия на сельское расселение, по-видимому, был приобретен при попытках вовлечь сопротивлявшееся общинным порядкам северное крестьянство в систему государственного феодализма, сделав его собственностью казенных палат. Цель этих усилий, по существу, состояла в закреплении сети расселения, сложившейся в ходе освоения Севера в период с конца XVI по начало XVIII в. Однако вопреки правительственным указам забрасывание дворов и угодий в Поморье в начале XVIII в. приняло большой размах. Так, по данным писцовых и переписных книг 1707—1717 гг., из 1546 дворов в Мезенском уезде пустовало 579, в Кубенской трети Вологодского уезда — 2880 из 4846, в Каргопольском уезде — 5272 из 8633 [Колесников, 1970]. Как видим, масштабы запустения вполне сопоставимы с современными.

Следующей известной кампанией, ставившей целью оказать воздействие на сельское расселение, была организация военных поселений во времена Аракчеева (начало XIX в.). Эта кампания, напротив, проводилась во изменение сложившегося рассредоточенного расселения. Автор идеи, князь М.М. Щербатов, в своем "Размышлении о неудобствах в России дать свободу крестьянам или сделать собственностью имений" (1785 г.) доказывал, что предоставление крестьянам земли в собственность было бы для них

вредно, так как это привело бы к обезземеливанию многих в пользу более богатых, создало бы сильное имущественное неравенство (см.: Энциклопедический словарь "Гранат". 7-е изд. Т. 25. С. 482—483).

Художественное описание М. Костровым⁸ сорокалетней (1817—1857 гг.) эпопеи с военными поселениями представляет также и научный — исторический и экономико-географический интерес. Один только перечень форм, методов и результатов организации военных поселений на территории Новгородской губернии выявляет большое сходство этой кампании с коллективизацией сельского хозяйства. Различие видится лишь в сравнительных масштабах акций. Но как там, так и здесь — жесткая регламентация общественной жизни и производственного процесса, сселение однодворок и более крупных расстояния до кормовых угодий и последующей бескормичей, работа по искоренению купеческих навыков крестьянства, попытки бегства, восстаний, их подавление, призывы терпеть сегодня во имя лучшей жизни завтра, потворство деспотизму и взаимной слежке. Тожественны и результаты: упадок продуктивности сельского хозяйства, заброшенные деревни, заросшая кустарниками пашня, оскудение города — рынка сбыта сельскохозяйственных товаров, неверие в завтрашний день даже после административных послаблений.

Недаром, характеризуя политику в деревне после июня 1928 г., т.е. столетие спустя, Н.И. Бухарин называл ее не иначе как "военно-феодалной эксплуатацией крестьянства"⁹

Наряду с помещичьим землевладением, оплотом крестьянского "равенства" была, как известно, уравнильно-передельная община — тип социальной организации и землепользования, возобладавший почти на всей территории Нечерноземья еще в конце XVI в. и укрепившийся после "межевых инструкций" Екатерины II (1766 г.)¹⁰

В предверии реформы 1861 г. в 50 губерниях коренной России в общинном пользовании состояло, по официальным данным, 80 159 тыс. десятин (73,5 млн га), в подворном — лишь 22 260 тыс. десятин, численность населения на территориях с общинным землепользованием определялась в 6385 тыс. дворов, с подворным — в 1875 тыс. При этом общинное пользование землей охватывало все великорусские и новороссийские губернии, подворное же владение господствовало в малороссийских, юго-западных, литовских и в значительной мере — в белорусских губерниях¹¹. На западе страны еще до реформы широкое распространение получило разверстание земель на хутора, а часть крестьян перешла на положение

⁸ Костров М. Поселянщина // Новый мир. 1987. № 4. С. 145—160.

⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. М.: Политиздат, 1970. Т. 4. С. 189—190.

¹⁰ В Нечерноземье индивидуальное землепользование долгое время (массами — до середины XIX в.) сохранялось лишь на Севере.

¹¹ Энциклопедический словарь "Гранат". 7-е изд. Т. 38. С. 49.

временнонаемных работников. Раньше всего (в 40-х гг.) это произошло в Царстве Польском, несколько позднее — в Прибалтике, откуда в 70—80-е гг. хуторское землеустройство стало распространяться на соседние губернии, прежде всего на Гродненскую, Витебскую, Волынскую, Псковскую, Новгородскую, Смоленскую. Не случайно в трех последних губерниях, входящих в состав российского Нечерноземья, большинство сельских общин вскоре после реформы перестало осуществлять землераспорядительные функции, с которыми в первую очередь была связана стабильность сложившегося расселения.

Историки столыпинской реформы 1906—1910 гг. большое значение придают пребыванию П.А. Столыпина в званиях ковенского уездного и губернского предводителя, а затем, в 1902 г., — гродненского губернатора. Нацеленная на разрушение сельской общины, эта реформа содействовала развитию хуторского расселения преимущественно в западных губерниях, более восприимчивых к проникновению капиталистических отношений в сельское хозяйство. На большей части российского Нечерноземья преобладало не индивидуальное (подворное), а групповое (общинное) землеустройство, значительно слабее затронувшее поселенческую сеть и состоявшее в разделе земель между поселениями и их частями.

Более широкое распространение хуторская форма расселения получила после Октябрьской революции на базе Земельного кодекса 1922 г. Хотя и в этот период первенство по числу дворов, выделившихся в хутора, держали западные губернии: (см. гл. 1).

В 1927—1928 гг. образование хуторов затормозилось в связи с усложнением условий выхода из общины. Оно было продиктовано резким изменением аграрной политики, подготовкой к массовой коллективизации. Именно в этот период была выдвинута идея концентрации расселения, мотивированная тем, что хуторская форма несовместима с образованием крупных общественных хозяйств [Вылцан, 1970].

Приходится признать, что в этом утверждении была своя логика. Правовое обобществление производства выросло не из экономических предпосылок, а из самодовлеющей задачи административного прикрепления крестьян к земле. Тем самым функция контроля за производством возлагалась над самим производством. Естественно, что и расселение стремились привести в соответствие не с интересами производства, а с удобствами контроля за ним. Здесь, попросту говоря, все должно было быть "под рукой" и "на глазах у начальства". Не случайно одним из мотивов сселения хуторов в конце 30-х гг. называлась забота о повышении трудовой дисциплины. Именно в имманентном для административной системы всепоглощающем контроле за промежуточными результатами всякой деятельности и коренится традиция отношения к деревне-малодворке как к населению "проклятого прошлого".

Кампания по сселению с хуторов местами активизировалась уже в 1928—1929 гг., но наибольший размах приобрела во второй половине

30-х. К хуторам относили деревни с числом дворов до 10. К началу 1941 г. по Белоруссии, Украине и 16 областям и АССР российского Нечерноземья было сселено 689 245 крестьянских дворов или 86% от ранее проживавших на хуторах. План по сселению был перевыполнен. В 1941 г. намечалось закончить сселение оставшихся 112 200 дворов. Как видим, масштабы сселительных акций предвоенной поры намного превосходили последующие "достижения" на этом поприще. Если же учесть общественную атмосферу, жестокость и неукоснительность мероприятий тех лет, то правомерность такого вывода покажется очевидной.

Однако ликвидация мельчайших поселений не оказалась окончательной. Общее истощение демографических ресурсов села в ходе индустриализации и в результате огромных потерь военного времени опять привело к появлению большого числа малых деревень. И вот уже в первые послевоенные годы вновь встал вопрос о сселении. Правда, в те годы масштаб восстановительных работ решительно отодвинул этот вопрос на дальний план, но сам факт его будирования в органах управления примечателен. В отчетном докладе ЦК ВКП (б) XIX съезду партии Г. Маленков (1952 г.) указал, что отдельные руководящие работники предлагали форсированно осуществить массовое сселение деревень в крупные колхозные поселки, пустить все старые колхозные постройки и дома на слом и создать на новых местах крупные "колхозные поселки", "колхозные города", агрогорода". Ошибка этих товарищей состоит в том, — говорил Маленков, — что они забыли о главных производственных задачах колхозов и выдвигали на первый план производные от них потребительские задачи, задачи бытового устройства в колхозах. Задачи бытового устройства имеют, несомненно, важное значение, но они являются все же производными, а не главными и могут быть успешно решены только на базе развитого общественного производства.

Задачи сселения были тем самым отложены на более поздний срок и стали обсуждаться в конце 50-х гг. после массового укрепления колхозов. И хотя лишь в это время впервые было пущено в оборот деление деревень на перспективные и неперспективные (Правила застройки сельских населенных пунктов РСФСР. РосНИИсельстрой Минсельхоза РСФСР, 1960 г.) преемственность идеи здесь очевидна. В период широкого развертывания работ по районной планировке в 60-е гг. это деление нашло отражение в схемах сельскохозяйственной планировки областей и районов Нечерноземья. Все поселения, не попадавшие в категорию перспективных, делились на сселяемые в первую очередь и оставляемые на расчетный срок. Как правило, в категорию сселяемых попадали деревни с числом жителей до 25 чел., со значительной долей пенсионеров. Впоследствии в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства Нечерноземной зоны РСФСР" (от 20.03.74) фигурировала цифра 29 тыс. — столько перспективных населенных пунктов решено было развивать в целом по зоне. Если учесть, что

всего сельских поселений в Нечерноземье на то время числилось около 130 тыс., то, следовательно, перспективным признавался каждый четвертый-пятый из них, или в среднем около трех на колхоз (совхоз). Эти цифры отражали итоги предпроектных изысканий конца 60-х — начала 70-х гг.

Во второй половине 70-х гг. число перспективных поселений в проектах районной планировки поубавилось, что было вызвано неудовлетворительным ходом осуществления прежних решений, недостатком средств на непроизводительное строительство. Так, в проектах планировки большинства сельских районов, расположенных за пределами городских агломераций, в этот период оставляли по одному перспективному пункту на хозяйство. Как правило, это была его центральная усадьба. Например, в Угличском районе из 550 деревень, согласно планировке, утвержденной в 1977 г., предполагалось сохранить на перспективу 33, в том числе 27 центральных усадеб и поселения несельскохозяйственного типа (поселки льнозавода, ПМК мелиораторов и др.). Во всех неперспективных деревнях ограничивалось, а в сселяемых в первую очередь запрещалось новое строительство. Предполагалось, что осуществление планов застройки перспективных поселков создает условия для переселения в них жителей всех остальных деревень. Важно отметить, что списки перспективных сел всегда согласовывались на местах и утверждались районным и областным руководством.

Примерно с 1977 г. планировочная политика сселения стала вначале робко, затем все более последовательно критиковаться в научной печати. Побудительным мотивом критики было отсутствие сколько-нибудь значительных положительных сдвигов в социально-демографической и хозяйственной ситуации на селе. Миграция населения не сокращалась, а местами даже усилилась. Если за 1959—1969 гг. нечерноземное село недосчиталось 20% жителей, то и за 1970—1979 гг. — тоже 20%. На местах отмечались случаи, когда известие о занесении села в разряд неперспективных лишь провоцировало миграцию в города.

Такое же воздействие оказывало и начавшееся еще до сселительной кампании закрытие многих учреждений обслуживания, прежде всего малокомплектных школ. Правда, закрытие магазинов и школ не всегда являлось п р и ч и н о й сокращения населения. Достаточно часто оно, наоборот, было с л е д с т в и е м этого сокращения.

Как бы то ни было, критика официальной программы социального переустройства села с самого начала характеризовалась одним примечательным противоречием. Объектом критики была с о з и д а т е л ь н а я часть программы (концентрация жителей в перспективных поселках¹²), тогда как на практике реализовывались

¹² В этом отношении убедительны технико-экономические доказательства несостоятельности сселения, проведенные В.Р. Беленьким [1977], а также его критика социальной неэффективности этого мероприятия в Костромской области [1979.С. 100].

главным образом з а п р е т и т е л ь н ы е меры. Мы имеем в виду не только закрытие учреждений, но и запреты на непроизводительное строительство в неперспективных деревнях, ведущееся как на средства государства и колхозов, так и на индивидуальные средства. Конструктивные же итоги реализации программы были более чем скромны, даже в годы ее официального признания. Например, в Новгородской обл. трехлетние задания по сселению на 1976—1978 гг. были выполнены лишь на 15%, в Свердловской — на 18, в Архангельской и Тульской — на 19% [Головин, 1979. С. 19]. Причем излагавший эти сведения на научно-практической конференции ответственный работник Госплана РСФСР признавал, что и они сильно завышены на местах, вынужденных рапортовать о выполнении малореального мероприятия. Неосуществимость же его, помимо других причин, вызывалась недостатком капиталовложений и материально-технической базы по их освоению. Так, в 1971—1978 гг. в среднем на одно хозяйство было построено лишь 5 квартир, или в 4—5 раз меньше числа семей, которое планировалось переселить в эти годы. Выполнение же планов культурно-бытового строительства было еще менее удовлетворительным, чем по жилью.

Обследование, проведенное экспедицией географического факультета МГУ в Вологодской обл., показало, что все совхозы и колхозы, в которых осуществлялось сселение, находились в зоне 1—2-часовой транспортной доступности областного центра. На периферийной территории сселения практически не наблюдалось. Отметим, что вне зоны двухчасовой поездки в областной центр на общественном транспорте находится 75% территории Вологодской обл. Однако и в пригородной зоне сселение намного отставало от наметок плана. "Во всех обследованных хозяйствах происходит сокращение числа населенных пунктов в основном за счет мелких, не превышающих 25—30 жит., но основной причиной при этом является не сселение, а миграционный отток и естественная убыль населения. В настоящее время основную массу сельского населения, проживающего в мелких периферийных поселках, составляют лица в нетрудоспособном возрасте. Этот контингент уже не стремится покидать обжитые места, привычные условия жизни" [Алексеев и др., С. 99]. По расчетам А.И. Алексеева с соавторами, если жилищное строительство будет вестись прежними темпами, то имеющиеся планы по сселению будут выполнены за 40 лет. Аналогичные результаты дало обследование районов Рязанской и Ярославской области (1979 г.), в котором принимал участие автор. Цель обследования заключалась в оценке реализации схем районной планировки, составленных в конце 60-х гг. Оказалось, что в периферийных хозяйствах обследованных районов сокращается людность всех, в том числе и перспективных, поселений, тогда как в зоне, приближенной к городу, жизнеспособны подчас даже самые мелкие поселения. В них, однако, не планировалось никакого основательного благоустройства — поселения-то неперспективные. Характерно, что всякий раз, когда мы разговаривали о выполнении

планов по сселению с районными архитекторами, собеседники уходили от прямого ответа. Вынужденные рапортовать, они отчитывались "мертвыми душами", так как реального сселения в их районах не было, как не было и поселков, которые бы воспринимались людьми как подлинно перспективные.

Впрочем, и в тех случаях, когда переселение жителей в назначенные перспективными поселки частично все же имело место, реальный вклад этого мероприятия в структуру районных систем расселения был крайне невелик по сравнению с инерцией саморазвития, в основе которого лежат демографические процессы — естественное движение и миграция. В свое время это четко показал тот же А.И. Алексеев [1975], описавший развитие систем расселения Боровского района Калужской обл. как стационарный марковский процесс, хорошо известный из курса теории вероятности. Впоследствии экстраполяционную модель динамики сельского расселения применяли к административным районам других областей Нечерноземья и всегда успешно, что само по себе свидетельствует о незначительном отклоняющем влиянии управляющих воздействий. Это и естественно, если учесть, что к тому времени, когда концентрация расселения стала каноном планировочной политики, судьба значительной части поселений была уже демографически предрешена старением их жителей, резко суженным воспроизводством населения.

Сселение по иронии судьбы практически проводилось лишь там, где жизнеспособны поселения любых размеров, а именно в урбанизированных зонах. Только с 1973 по 1983 г. прекратило существование 1039 сельских населенных мест Московской обл. Планами на десятую пятилетку предполагалось переселить более 5550 чел. и ликвидировать 762 деревни, имеющие до 10 дворов [Барышев, 1976].

Не случайно именно Подмосковье и Ленинградская обл. стали первыми областями Нечерноземья, где пересмотрели прежние планы застройки села, ориентированные на сосредоточение строительства только в перспективных деревнях. Уже на первой сессии Мособлсовета 18-го созыва (1982 г.) вопрос о судьбе малых деревень рассматривался по-иному: было решено провести большие работы по их благоустройству. На четвертой сессии (1983 г.) указывалось: "Нам предстоит вернуть к активной жизни 3,5 тыс. опустевших и запущенных деревень"¹³. К настоящему времени эта работа уже дала впечатляющие результаты [Федулов, 1987].

По мере того как инерционные процессы в сельском расселении продолжались и углублялись, критика планировочной политики сселения в печати нарастала. Во второй половине 70-х гг. эта критика еще имела серьезных оппонентов, публично и печатно излагавших

свои взгляды¹⁴. Однако уже к концу 80-х гг. оппоненты практически вышли из полемики, которая, однако, не только от этого не иссякла, а, напротив, сделавшись односторонней, достигла наивысшего накала, возложив на сселение всю или почти всю ответственность за неудовлетворительное положение дел на селе. Публицисты называли сселение "последним ударом по селу", а ведущий специалист по территориальной организации общества Б.С. Хорев назвал его "главным противовесом всем тем положительным мерам, которые предпринимались для повышения эффективности сельского хозяйства" [1986.С. 71]. Спор с невидимым оппонентом продолжается до сих пор, но не только это привлекает к нему наше внимание. Главное, пожалуй, в том, что мишенью всех критических выступлений были мероприятия, навязанные, как пишет В. Белов¹⁵, "сверху из госплановских кабинетов". Но каков настоящий эффект этих мероприятий, сколько от них пользы, сколько вреда — и от них ли — эти вопросы из-за мнимой очевидности ответов даже не ставились. И для профессионального (не говоря уже о массовом) сознания в отношении к сельскому расселению по-прежнему характерна смена одних априорных суждений другими, столь же априорными. Если раньше считалось необходимым развивать выборочное поселение, а остальные деревни сселять, то с некоторых пор считается необходимым сохранять и развивать все деревни. Реальность же того и другого, судя по известной нам литературе, не анализируется.

Правда, отдельные специалисты, как было показано выше, все же пытались разобраться в фактически происходящих процессах. Обобщение полученных ими результатов невольно обнаруживают, что жизнь и теория развиваются по своим обособленным сценариям, почти не входя в соприкосновение друг с другом.

С особой откровенностью это удалось продемонстрировать Б.П. Панкову [1985], чья позиция привлекает не столько конструктивными предложениями, сколько многозначительными обмолвками, поскольку именно в них в концентрированной форме отразилось знание реального положения дел. Так, стремясь преодолеть крайние точки зрения на судьбы сельского расселения, Б.П. Панков отдает предпочтение той концепции, которая, как он пишет, позволяет "не ликвидировать преждевременно большую часть поселений". Трудно расценить это иначе как уклончивое признание

¹³ Ленинское Знамя. 1983. 24 марта.

¹⁴ "Сселяемые, — писал председатель Мособлисполкома Н.Т. Козлов, — это в подавляющем большинстве пенсионеры, и поэтому их возможный отъезд в город в ответ на предстоящее сселение трудоустроенности сельского хозяйства не угрожает. Возможности же рекреационного использования сселяемых деревень ничтожны: малы и способны покрыть лишь 0,25% спроса на отдых". Зато налицо два существенных выигрыша: повышение общего уровня жилищно-коммунальных удобств и компенсация потерь от изъятия сельскохозяйственных угодий за счет распахши земель, занятых неперспективными поселениями". В Московской обл., по данным Н.Т. Козлова [1977], такая компенсация могла бы составить 12—15 тыс. га, т.е. столько, сколько в 1962—1980 гг. изымалось в Подмосковье в среднем за год.

¹⁵ Белов В. Наука отчуждения // Новый мир. 1988. № 6. С. 166.

неизбежности отмирания большей части деревень. При этом об "инерционном характере расселения", приведем к такому положению, дипломатично сказано, что его "нельзя рассматривать только как негативное явление". Позитивные же предложения цитируемого автора всецело свелись к тщательному учету местных условий, который почему-то устойчиво не укладывается в государственную стратегию регулирования сельской среды обитания, хотя к этому, как известно, призывали во все времена.

Невольно возникает вопрос, а не стоит ли вовсе отказаться не только от централизованных трафаретов, но и вообще от регламентации того, что ей все равно не поддается? Ибо разве не стремление "все учесть" ведет к утрате рычагов управления, когда стихийные изменения в расселении больше влияют на производство, чем даже планово сверстанное распределение капиталовложений?

Но прежде чем мы попытаемся ответить на эти вопросы, изложим наше понимание процессов, происходящих в сельском расселении на территории Нечерноземной зоны РСФСР.

Что же происходит в настоящее время в Нечерноземье? С одной стороны, воспроизводственные возможности городского населения уже не позволяют городам расти иначе, как посягая на существование многих сел. С другой стороны, чем крупнее город, тем шире размах того социально-преобразующего воздействия, которое он может оказывать на окружающую территорию. Растет город — растет и радиус этого воздействия. Противоречие разрешается таким образом: начиная с некоторого момента город перестает пополнять свои трудовые ресурсы за счет ближайшего окружения. Источники безвозвратной миграции все дальше "перемещаются" в центробежном направлении — туда, где растут городов нет. Так углубляются контрасты в населенности территории. В теории такому ходу событий соответствует представление, которое из советских исследователей наиболее четко сформулировал А.С.Ахиезер. Согласно этому представлению, действующий социальный механизм, "развивая высшие центры, постоянно воспроизводит различия между центром и периферией, и одновременно несет в себе тенденцию снятия этого различия, подтягивая периферию до уровня центра, что является одновременно стимулом для дальнейшего развития ведущих центров. Эта постоянная "пульсация" составляет важнейшую сторону механизма развития общества. Развитие было бы невозможно без возникновения ведущих центров и, следовательно, различий между центрами и периферией» [Ахиезер, 1974. С. 178].

"Выравнивание уровней влечет за собой появление новых видов стимулирующего неравенства, и разность потенциалов воспроизводится снова", — вторит ему Б.Б. Родоман [1981. С. 54].

Однако приходится констатировать, что сама обширность территории нашей страны и отдельных ее регионов вносит в это представление коррективы. Так, механизм, воспроизводящий различия между высшими центрами и периферией, по-видимому, не всегда несет в себе тенденцию снятия этого различия. Скажем, нарастание конт-

растов освоенности в Нечерноземье, по-видимому, достигло того порога, за которым подтягивание периферии с помощью инвестиций в традиционную отрасль и даже в социальную инфраструктуру оказывается малореальным. В то же время такая альтернатива, как изменение в функциональном назначении земель, привлекает все большее внимание.

ВЫВОДЫ

1. На протяжении нескольких десятилетий в Нечерноземной зоне РСФСР происходил процесс территориальной концентрации сельского населения. Он протекал в условиях сокращения общей численности сельского населения и стимулировался как естественным, так и механическим его движением. Концентрация сельского населения прослеживается на всех территориальных уровнях — от единичных сельскохозяйственных предприятий до Нечерноземной зоны в целом. Поллюсами притяжения (стабилизации) сельского населения являются административно-хозяйственные центры различного ранга.

2. Динамика сельского населения Нечерноземья — процесс, обладающий огромной инерцией. Это, равно как и далеко зашедшее старение населения в периферийных районах, усугубляет контрасты в заселении территории.

3. Сокращение демографических ресурсов сельской местности привело к деградации поселенческой сети.

4. В Нечерноземье накоплен длительный опыт регулирования сельского расселения. Политика концентрации расселения отнюдь не датируется 60-х и тем более 70-х гг., она проводится с конца 20-х гг. с перерывом, вызванным войной и послевоенным восстановлением хозяйства.

5. На этом фоне специфика кампании 60—70-х гг. состоит лишь в том, что в отличие от предшествующего периода сельское население не росло, а сокращалось, тем самым ограничивая саму возможность сохранения сложившейся сети расселения. Сущность же политики оставалась неизменной и выражалась в решении социальных и экономических задач административными средствами. В этом отношении опыт регулирования расселения как в 30-х, так и в 60—70-х гг. отличается и от столыпинских переселений, и от перестройки расселения в соответствии с земельным законодательством 1922—1927 гг. В основе двух последних кампаний (при всем их различии) лежало усиление роли экономических интересов сельских хозяев и ослабление внеэкономических ограничений мобильности населения.

6. В числе причин неудач в регулировании расселения в 60—70-е гг. следует назвать необеспеченность капиталовложениями, а также преобладание запретов над стимулами перестройки расселения. Именно поэтому, а не по какой-либо другой причине деление деревень на перспективные и неперспективные имело негативные последствия. В то же время непосредственное воздействие этого деления и связанных с ним мероприятий на ход изменений в рассе-

лении было ничтожным, сеть расселения продолжала развиваться инерционным путем. Отсюда можно заключить, что критика сселительной кампании малопродуктивна, если она не сочетается с попыткой изучить объективные тенденции в эволюции расселения. Ведь любая потенциально эффективная стратегия его регулирования должна строиться на учете объективных тенденций.

7. Поэтому отказ от прежней планировочной политики сселения деревень сам по себе альтернативной политикой еще не является. Свертывание сельской поселенческой сети идет прежними темпами. Да и шараханье из крайности в крайность лишь дезорганизует практиков, создавая видимость расширения диапазона возможностей.

Глава 4

ПОЛОЖЕНИЕ В НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

ДВА ПОДХОДА К ВОЗНИКНОВЕНИЮ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ

Сформулируем проблему, вынесенную в заглавие книги. К этому подводит изложенное в предыдущих главах. Проблема состоит в территориальном рассогласовании важнейших материальных элементов сельского хозяйства Нечерноземья, или, другими словами, в нарушении пространственного равновесия между ними. Н а с е л е н и е и сеть его расселения, население и основные фонды и, наконец, население и территория, освоенная в сельскохозяйственном отношении, — вот основные пары взаимно рассогласованных данностей, чья "нестыковка", несопряженность в пространстве до последнего времени нарастала. Так, динамика сельского населения привела к относительной избыточности сложившейся сети расселения и массива угодий, находящихся на балансе колхозов и совхозов. Распределение капиталовложений обеспечивало прирост фондооснащенности зачастую отнюдь не там, где в достатке имелись ресурсы живого труда — важнейшее условие окупаемости фондозатрат. Значительная часть земель вышла из сельскохозяйственного оборота.

Естественно, что все это вело к резкому снижению тех управляющих воздействий на систему в целом, обоснование которых строилось не на учете объективных социально-экономических процессов и слежении за ними, а на принципах уравнилельной разверстки.

Сам факт снижения управляемости сельского хозяйства Нечерноземья как объекта планирования едва ли подлежит сомнению. Он может быть установлен не только по систематическому невыполнению плановых заданий. Более тонким и, на наш взгляд, более убедительным подтверждением названного факта (не позволяющим отнести его на счет внешних условий) служит сравнение долговременных распределений "стимулов" и "реакций", в данном случае — приростов основных фондов и выхода продукции, к которому мы прибегли в гл. 2. Оказалось, что производство, образно говоря, идет не за материальными ресурсами, а за ресурсами живого труда. Логика самоорганизации населения явилась более мощным фактором изменения географии продуктивности сельского хозяйства Нечерноземья, нежели практика распределения инвестиций, подверженная плановому контролю.

В итоге мы имеем дело с прогрессирующей концентрацией сельскохозяйственного производства, прослеживаемой на всех территориальных уровнях — от землепользования единичного предприятия

до района, области и Нечерноземья в целом. На каждом из этих уровней все большая доля продукции производится в зонах активного влияния административных и хозяйственных центров соответствующего ранга.

Коль скоро это установленный факт, среди специалистов едва ли возникнут на сей счет какие-либо разногласия. Иное дело — вопрос о причинах развития вскрытого процесса, его хозяйственных последствий и управляющих воздействиях на сельское расселение¹, изменения в котором, как было выяснено, оказывают решающее воздействие на географию производства. Позиция автора по этому животрепещущему вопросу нуждается в предварительном пояснении.

Однажды нам пришлось присутствовать на научном докладе, постановка темы которого подверглась критике. Доклад был посвящен соотношению административного деления и экономического районирования в США. В стране, о которой идет речь, сказал один из присутствовавших, едва ли кому-нибудь придет в голову проверять административное деление на соответствие экономическим районам, поскольку для тамошней экономики это не актуально. В ответ докладчик возразил, что ему это только на руку, так как "неотрефлексированность" поставленной проблемы избавляет его от необходимости отделять объективную реальность от сложившегося отношения к ней.

В указанном смысле проблема, исследуемая нами, диаметрально противоположна, что ставит нас в весьма затруднительное положение. На тему о Нечерноземье столько сказано и опубликовано, сформировался такой мощный слой массовых представлений, что их нейтрализация претендует на роль самостоятельной научной работы, без выполнения которой не только оригинальность, но и, строго говоря, научность высказываемых взглядов и выводов может быть поставлена под сомнение. Сложность этой работы усугубляется двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что "дубинка командно-административных методов больше всего прошла по аграрной науке"², в связи с этим выработка профессиональных точек зрения на разные аспекты продовольственной ситуации в стране сильно затормозилась. В результате широкое распространение получили суждения, верификация которых неявно подменяется их многократным повторением, что, как известно, создает эффект правдоподобия. Например, считается "самоочевидным", что увеличению производства сельскохозяйственной продукции можно достичь расширением массива обрабатываемых земель, вовлечением в сельское хозяйство как можно большего числа работников, и что продовольственная

проблема обязана своим возникновением обезлюдению сельской местности и "чрезмерной" урбанизации. При этом не принимается во внимание тот факт, что трансформация традиционной деревни и сокращение числа и доли занятых в сельском хозяйстве в масштабах, далеко превосходящих российское Нечерноземье, произошли во всех индустриальных странах, но к продовольственным трудностям там не привели.

Во-вторых, в практике обсуждения острых вопросов социально-экономического развития в нашей стране укоренилось своеобразное смешение жанров. Сама возможность такого смешения вызвана тем, что решение этих вопросов с необходимостью требует как научного, так и политического обеспечения. Но если главной целью последнего во все времена было поддержание деятельного, оптимистического настроя (бодрости духа), то целью первого неизменно остается выявление объективной картины происходящих процессов и выработка соответствующих им способов действия. И хотя годы перестройки впервые показали, что эти цели могут и не противоречить друг другу, ожидать здесь полного тождества было бы по меньшей мере неосмотрительно.

Нетождественность критериев, которыми могут и в норме должны руководствоваться разные социальные институты в своем отношении к одним и тем же явлениям, можно проиллюстрировать на примере повторного заселения территорий, подвергшихся депопуляции. С точки зрения практической политики текущего этапа, этот процесс можно только приветствовать, и современная ориентированность средств массовой информации здесь не вызывает сомнений. Однако это вовсе не отменяет актуальности научного интереса к возможностям и пределам (в том числе пространственным) повторного заселения, к оценке степени его соответствия объективным процессам общественного развития, его реального, "чистого" вклада в решение продовольственной проблемы и к поиску возможных альтернатив. У нас же зачастую наука и практическая политика следуют как бы в одной упряжке, причем наука почтительно держится слегка сзади, так что людям, стремящимся самостоятельно доискаться смысла событий, бывает трудно "отделить зерна от плевел".

Для того чтобы попытаться сделать это в нашем случае, необходимо проанализировать господствующие взгляды на территориальные процессы в сельской местности и способы их регулирования — взгляды, которые сложились задолго до того, как мы приступили к исследованию, и в известном смысле являют собой не менее объективную реальность, чем сама ситуация в Нечерноземье.

Воззрения, о которых идет речь, получили самое отчетливое выражение в публицистике, благодаря, в частности, статьям писателя В.Белова, журналиста А.Салуцкого и экономиста-аграрника Г.Беспяхотного. В их статьях в той или иной мере затронуты разные стороны явления, определенного нами как территориальная проблема в сельском хозяйстве Нечерноземья.

¹ Так, ленинградские географы уже давно высказали идею о целесообразности концентрации сельского населения и мелиорируемых угодий вдоль благоустроенных дорог и в пригородных зонах крупных и средних городов [Агафонов, Гарабцов, Калиновский, 1977].

² Литературная газета, 1987. 5 августа. С. 10 (интервью президента ВАСХНИЛ А.А. Никонова).

Так, А.Салуцкий³ пишет о необходимости всемерно помогать нерентабельным периферийным хозяйствам, запущенным в связи с долговременным предпочтением передовиков, Г.Беспехотный⁴ — о пагубном стремлении к территориальной концентрации капиталовложений, В. Белов⁵ рассуждает о последствиях сселения деревень, об антикрестьянской политике при Сталине и ее рецидивах в последующее время.

Через все названные статьи лейтмотивом проходит мысль о первичности и деи концентрации по отношению к тенденциям, событиям, фактам действительности. Г.Беспехотный порочность этой идеи выразил неологизмом "центромания", В.Белов усмотрел ее связь с троцкизмом, взятым, по его мнению, на вооружение Сталиным, А.Салуцкий — с попранием основ социальной справедливости, изначально свойственной нашему обществу. Подчеркнем, во всех случаях (в представлении авторов) сначала была идея, она не только предшествовала событиям, но и порождала их, и наоборот, сами события, в том числе забрасывание угодий и деревень, не были бы возможны без враждебной российскому селу идеи централизации, навязанной, как пишет В.Белов, "сверху из госплановских кабинетов".

Еще одна общая мысль анализируемых публикаций: путь к возрождению сельского хозяйства Нечерноземья лежит через массовое его заселение. Ускоренный миграционный отток — наивернейший признак разорения, пишет А.Салуцкий. "Деревня обязательно должна быть многолюдной", — вторит ему кировский писатель В. Ситников⁶.

О том, что склонность к централизации присуща административно-бюрократической системе управления, спорить не приходится. Однако, как мы постараемся показать, она присуща также и самому расселению, независимо от характера экономической системы. Здесь-то и кроется сложность поиска фактических причин возобладавших процессов, в отделении их сущности от формы проявления. Под сущностью мы понимаем саморазвитие, присущее расселению, как и любому другому системному объекту, а под формой проявления — особенности и последствия этой эволюции в конкретных условиях.

Для упомянутых авторов вопроса о таком размежевании не существует вовсе. Так, согласно В.Белову, об объективном ходе событий, о некотором их закономерном чередовании можно говорить лишь применительно к царству природы.

Ну а то, что имеет отношение не к природе — к обществу, отдается на откуп противоборству добра и зла или, другими словами, людей благонамеренного склада с коварными злоумышленниками. Недаром В.Белов начинает в "Новом мире" (1988 г.) свое публицистическое

дознание о бедственном положении в Нечерноземье с печальной констатации импорта продовольствия, а кончает — посулом выявить фамилии экономистов и плановиков, давших "научное" обоснование сноса деревень...

Следуя методологии такого подхода, нам надлежало бы завершить свою работу очередной анафемой концентрации и упованием на нравственное очищение — если уж не ученых (ученых, имеющих совесть, все равно, как пишет Белов, не так уж и много), то хотя бы распорядителей ресурсов⁷.

Так бы мы, наверное, и поступили, если бы не результаты исследования, изложенного в предыдущих главах. Имея их в активе, возьмем на себя смелость предположить, что глубокое знание географически ограниченных жизненных обстоятельств, важное для художественного творчества, подчас ведет к выпячиванию самобытных, уникальных сторон действительности, но затемняет типические ее черты, различимые лишь в более широком культурно-историческом и географическом контексте.

А между тем такие явления, как ускоренная миграция населения из села, его обезлюждение, увеличение различий в доходности хозяйств, забрасывание земель и даже преобладание женихов над невестами, пережило не только Нечерноземье. А если не только, то по меньшей мере небезынтересно проследить, как те же самые явления влияли на сельское хозяйство в других местах? На эту идею произвольно наводят и те характерные "неувязки", которые, как нам кажется, содержатся в публикациях названных авторов.

Например, Г.Беспехотный, справедливо отмечая, что в ряде районов подорвана демографическая основа воспроизводства собственной рабочей силы и что техника без человека мертва, в то же время подчеркивает, что прирост продукции в пригородных хозяйствах в результате концентрации капиталовложений не компенсирует ее сокращение в глубинке. При этом он, однако, оставляет в тени основную причину такого положения вещей. При отсутствии оптовой торговли средствами производства, отсутствии хозрасчета у возможных строительных подрядчиков и у поставщиков средств производства и при ограниченных возможностях перелива трудового дохода в другие сферы деятельности экономический процесс воспроизводства попросту блокируется в центральноном своем звене. Отсутствие естественных товарно-денежных отношений затрудняет reinvestцию — повторное вложение средств. И, таким образом, не приходится удивляться, что прибавка продукции у передовиков не покрывает ее дефицита у отстающих.

В глубинке, пишет Г.Беспехотный, легче приживаются новые формы организации труда. К сожалению, статистика не подтверждает этого. Скажем, на подряде во всей Ярославской обл. в 1987 г. работало

³ Салуцкий А. Слабые и сильные // Наш современник. 1987. №9. С. 100—120.

⁴ Беспехотный Г. В объятьях центромании // Правда. 1988. 17 мая.

⁵ Белов В. Тронуется доярка // Правда. 1983. 13 дек.; Возродить в крестьянстве крестьянское // Правда. 1988. 15 апр.; Наука отчуждения // Новый мир. 1988. №6. С152—181.

⁶ Советская Россия. 1988. 9 июня.

⁷ Моральное право на это есть: в год принятия первого постановления по Нечерноземью (1974 г.), когда программа сселения деревень получила "выходные данные" ЦК и Совмина, автор был еще студентом.

всего 25 семей⁸, а в одном только Красногорском районе Подмосковья — 1000⁹. Таково типичное массовое соотношение.

Поэтому можно утверждать, что если бы та самая "центромания" в распределении средств, о которой пишет Г.Беспяхотный, соответствовала масштабу различий в их окупаемости, то она выразилась бы в еще более внушительном материально-техническом перевесе пригорода над периферией, чем сложившийся к настоящему времени.

По этому поводу имеется интересное наблюдение О.А.Трубе. Поскольку в Горьковской обл., пишет он, наблюдается тенденция усиленного финансирования наиболее слабых хозяйств, именно в них зафиксированы (в ходе обследования) самые высокие показатели удовлетворения жителей улучшением социального обслуживания. "Сильные хозяйства имеют возможность сами осуществлять различные мероприятия, связанные с социальным развитием: строить больницы, профилактории, столовые, школы, клубы, детсады. В худшем положении оказываются средние хозяйства: своих сил на социальное развитие в современных масштабах им не хватает, а помощи извне им не оказывают" [1987, С. 33].

О самых разнообразных приемах и мерах помощи убыточным хозяйствам, осуществляемых на протяжении последних 40 лет, убедительнее всех написал А.Салуцкий. Проведя содержательный анализ причин провала всех этих мер, автор сделал, однако, вывод, продиктованный не этим анализом, а, скорее, априорной установкой. Смысл ее, как уже говорилось, в том, что происходящая поляризация хозяйств по экономическим результатам противоречит социальной справедливости. Требования свободной продажи средств производства, раздающиеся из уст руководителей сильных хозяйств, Салуцкий трактует как проявления "откровенного, уже ничем не прикрытого эгоизма со стороны тех, у кого больше денег, регалий, отличий".

Поскольку противоречия позиции А.Салуцкого свойственны, как нам кажется, нынешней аграрной политике, есть смысл подробнее остановиться на его наблюдениях.

Вот, например; монолог руководителя хронически нерентабельного хозяйства. "Нет, самим нам никак не выкрутиться. Существует только с помощью района, на его шее сидим. Но если на самоокупаемость переведут, сразу же рассыплемся. А не переведут, все по-старому останется: будем только убытки РАПО приносить"¹⁰. В статье говорится, что сумма надбавок к закупочным ценам по ряду областей вдвое превосходит размер полученной прибыли; что основную массу доярок в периферийных убыточных хозяйствах составляет так называемый спецконтингент (об этом пишет и В. Белов); что слабые

хозяйства вынуждены менять лес на солому в пропорции 1:3 м³, лишь бы только не погиб скот; что удои балансируют на уровне 1000 кг.

Принципиально важна характеристика первых послевоенных лет, когда экономическое расслоение хозяйств еще не началось. "В целом российская глубинка тех лет, — пишет А.Салуцкий, — все еще оставалась однородной по части условий для ведения сельских дел. Всех уравнивали неудобренные, тощие земли и зачаточная инфраструктура, да еще тогдашний миграционный застой, повсюду создавший избыток рабочих рук... Ровной и равной была послевоенная деревня в своей бедности"¹¹.

Потом началось то самое расслоение колхозов, которое породило богатых. С ним много боролись, но безуспешно. Какого-либо нового рецепта не предложено, ибо его, очевидно, нет. Осталась только ссылка на урок истории: "всякий раз, когда делаем мы ставку на сильных, в еще больший упадок приходят слабые, и это отбрасывает производство далеко назад"¹².

Обращение к "уроку истории" основано как минимум на недоразумении. Для того чтобы в этом убедиться, надо заглянуть в еще более ранний период, когда ставка действительно делалась на сильных. Мы имеем в виду 1922—1928 гг., когда все сельское хозяйство сделало самый большой за всю нашу историю скачок вперед. Наибольший прогресс был достигнут в Нечерноземье, где сельское хозяйство начало развиваться в те годы по фермерскому пути. Задел оказался столь основательным, что еще несколько лет после начала коллективизации (до 1935 г.) Нечерноземье РСФСР по инерции¹³ удерживало позиции на уровне развитых зарубежных стран — если судить по урожайности зерновых. Подчеркнем: такого больше не было никогда — ни в предшествующей, ни в последующей нашей истории. Видимо, не случайно А.Салуцкий налагает идеологический запрет на сопоставление нашего хозяйства с иностранной фермой, сопряженной, как он пишет, с безработицей и преступностью. "Американцы пострадали свой технократический путь, однако мы-то идем путем социального равенства, нравственности и духовности"¹⁴.

Здесь, по-видимому, кроется сердцевина анализируемой нами позиции. Она — в неприятии экономического расслоения как неизбежного следствия закона стоимости и товарно-денежных отношений, в неприятии вполне благонамеренном, восходящем к идее социального равенства, с которой связаны самые стойкие и разрушительные иллюзии XX века. Коварство этой идеи в том, что, представляясь массовому сознанию целостной и непорочной, она в действительности двулика, причем одна из ее ипостасей находится в противоречии с другой. Равенство на основе достатка служит

⁸ Северный рабочий. 1988. 12 янв.

⁹ Известия. 1988. 11 мая.

¹⁰ Салуцкий А. Слабые и сильные // Наш современник. 1987. №9. С.117

¹¹ Там же. С.101.

¹² Там же. С.106.

¹³ Коллективизация сельского хозяйства в Нечерноземье полностью завершилась в 1939 г.

¹⁴ Салуцкий А. Слабые и сильные // Наш современник. 1987. №9. С.119.

диалектическим отрицанием равенства в бедности. Одно время казалось, что социализм отменил действие закона стоимости и что теперь можно двигаться вперед стройным фронтом, осаживая тех, кто забежал слишком далеко, и подтягивая тылы. Но грандиозный экономический "эксперимент", начавшийся в нашей стране с отменой НЭПа, кажется, окончательно прояснил, что равенство, достигаемое таким путем, может быть только равенством в бедности. Для того чтобы перейти от него к равенству на основе достатка, общество должно сначала разбогатеть, т.е. достичь такого состояния, при

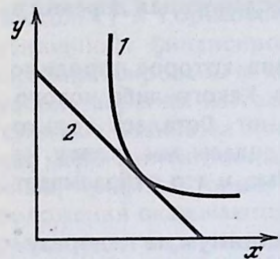

Рис. 28. Зависимость общественного благосостояния от распределения трудового дохода (принципиальная схема). По оси x — оценка равномерности (равенства) в распределении трудового дохода, y — оценка общей величины дохода, подлежащего распределению (социальный эффект)
1 — график зависимости; 2 — касательная, определяющая общественно приемлемый уровень замещения социального эффекта и равенства [Progress in Geography, 1971]

котором оно сможет заниматься филантропией даже среди тех, кто не устраивает его эффективностью своего труда. Но достичь достатка удастся только в том случае, если стимулировать повторное инвестирование прибылей эффективно работающих членов общества, их объединений и социальных групп.

Эту истину, прекрасно усвоенную в современном Китае, хорошо понимали противники силовой перестройки сельского хозяйства и в нашей стране. "Фаворизируя бедноту и сдерживая рост хозяйственно мощных слоев деревни, — писал Н.Д. Кондратьев, — мы не только задерживаем развитие сельского хозяйства, не только подрываем возможности индустриализации страны, но и лишаем возможности оказать помощь самой бедноте" (цит. по: [Маковский, Морыганов, 1936. С. 60]). В нынешний переломный момент развития нам также небезразлично, какая линия возобладает в экономической политике — на изначальную благотворительность, на не имеющее предела подтягивание отстающих или на экономическую эффективность, на реинвестицию трудового дохода. Противоречие между этими критериями распределения капиталовложений и нахождение точки оптимума — альфа и омега региональной политики в экономически развитых зарубежных странах. График подвижного соотношения между "равенством" и "эффективностью" (рис. 28) стал каноническим, вошел в хрестоматию и учебники, по которым учатся экономисты и географы.

К сожалению, в нашей стране осознание объективности и неустрашимости этого противоречия сильно затянулось. Лишь после апрельского 1985 г. Пленума ЦК КПСС в официальных документах нашла отражение мысль о том, что инвестиционные приоритеты не дарятся, а зарабатываются устойчивой рентабельностью, и что средства, следовательно, надо концентрировать "прежде всего на тех

направлениях и там, где они могут дать наибольшую отдачу"¹⁵. Наряду с этим выяснилось, что основная причина долговременного застоя и регресса в сельском хозяйстве — не в ставке на сильных, а как раз наоборот, — в том, что начиная с 1928 г. последовательной ориентации на сильных у нас никогда не было. Специфика же социализма состоит не в априорном экономическом иждивенчестве больших групп населения, в такой "версии" он заведомо обречен, а в средствах с о ц и а л ь н о й защиты слабых, в обеспечении их трудоустройства, в оперативном изменении экономических функций территории. Здесь и открывается простор для нравственности и духовности. Сама же экономика строится на жестких законах, несоблюдение которых ведет к тому "равенству всех в бедности", которое так убедительно описал А.Салуцкий. "Безнравственна лишь плохая экономика, а хорошая нейтральна в моральном отношении"¹⁶. Реализация лозунга "вовсе отказаться от опоры на сильные хозяйства" будет означать утрату и того позитивного, что удалось достичь в Нечерноземье.

Как видим, начав с анализа территориальных закономерностей, мы подошли вплотную к вечным вопросам политэкономии социализма, экстерриториальным по сути. Это свидетельствует о том, что анализируемая нами проблема родственна самым узловым экономическим проблемам перестройки. Указанное родство проявляется и в общих трудностях адекватного восприятия этих проблем массовым сознанием. Трудности, как правило, привносятся потребностью усматривать причинную связь там, где в действительности имеет место лишь временная сопряженность событий. На этом, кстати говоря, построен феномен ложной корреляции в статистике, когда мнимая взаимозависимость двух явлений устанавливается благодаря реально существующей связи каждого из них с некоторым третьим явлением, вовсе не взятым в расчет. Так, характер общественной реакции на обезлюдение сельской местности в немалой степени определяется временным совпадением этого процесса с ухудшением продовольственного снабжения городов. Недоступный непосредственному массовому восприятию опыт других стран, где деградация традиционной деревни не сопровождалась возникновением продовольственной проблемы, во внимание не принимается. Это оказывает воздействие и на сравнительно немногочисленный круг руралистов, занимающихся территориальной организацией сельской местности, как правило, также в отрыве от зарубежного и долговременного отечественного опыта. В итоге естественное эмоциональное неприятие запустения обширной сельской периферии однозначно транслируется на бедственное положение в сельском хозяйстве, а критика социальных противоречий и экологического состояния городов "отождествляется с отрицательным отношением к городскому развитию вообще"

¹⁵ Горбачев М.С. Доклад на заседании партийно-хозяйственного актива Целиноградской области // Правда. 1985. 11 сент.

¹⁶ Из интервью с О.Лацисом // Правда. 1988. 27 июня.

[Пчелинцев, 1987. С. 67]. Отсюда рецепт: сохранение максимального числа исторически сложившихся деревень в качестве поселений сельскохозяйственного профиля; для этого города должны "отдать долг" селу.

Но существует и другая точка зрения, высказанная до сих пор лишь в единичных публикациях.

"Демографическая ситуация, сокращение рождаемости, снижение естественного прироста, — пишет В.Я.Чураков, — не имеет никакого отношения к дефициту трудовых ресурсов. Сбалансированность хозяйства рабочей силой, нормализация уровня и структуры производственной занятости работников сельского хозяйства... могут и должны быть обеспечены в условиях любой демографической ситуации... За 1970—1985 гг. численность сельского населения России сократилась на 8,2 млн чел., или на 17,4%, а трудоемкость колхозно-совхозного производства сохранилась на уровне IX пятилетки (17—18 млрд чел. ч в год). В этих условиях трудодефицитность народного хозяйства страны в целом, в том числе в отраслях и сферах АПК, следует рассматривать не как проблему дефицита трудовых ресурсов, а как проблему воспроизводства избыточных рабочих мест... Попытки объяснения трудодефицитности через призму естественного прироста, сдерживания миграции сельского населения означают подмену решения задач управления воспроизводством рабочих мест, снижения трудоемкости производства, активизации социально-трудовой деятельности задачей по изысканию экстенсивных резервов рабочей силы. Но такие ресурсы в условиях России уже выявлены и использованы на ранних этапах социально-экономического и демографического развития деревни" [Чураков, 1987. С. 7—8].

"Равновесие в развитии городского и сельского расселения, — пишет Ж.А.Зайончковская, — может существовать до тех пор, пока демографических ресурсов сельской местности хватает для того, чтобы обеспечить рост городов, не нарушая при этом сеть сельского расселения. По мере того как возможности сельской местности отдавать население городам сужаются, происходят глубокие изменения в сельском расселении. На какое-то время они приходят в противоречие с территориальной организацией сельского хозяйства, сохраняющей инерцию развития. Это противоречие усугубляется тем, что неизбежность происходящих сдвигов не осознана, а стало быть, не принимаются меры, обеспечивающие соответствующие изменения в сельском хозяйстве" [1986. С. 44—45].

Обратив внимание на повышенный тонус обсуждения вопросов науки, образования, культуры на XIX Всесоюзной партийной конференции, М.С.Горбачев в речи при ее закрытии сказал: "С этой трибуны прозвучали различные точки зрения, отражающие тенденции, которые взаимодействуют, а порой и борются в общественном сознании"¹⁷.

К каким же тенденциям, борющимся в общественном сознании,

восходят существующие подходы к управлению (регулированию) территориальной организации населения?

На наш взгляд, одну из этих тенденций можно условно назвать конструктивистской, а другую — генетической.

Согласно конструктивистскому "умозрению", социальные реалии и отношения (город, территориальная организация производительных сил, разделение труда и др.) — это только результат целеполагающей активности субъектов управления. Успех зависит от качества реализации целей и выделенных ресурсов. Качество же самой цели зависит от благонамеренности субъекта, залогом которой служит какой-либо внешний признак, например, классовая или этническая принадлежность. По логике этого подхода, установление государственной собственности на средства производства и избавление от неблагонамеренных людей открывают безграничные возможности для созидательной социальной практики.

Другое, генетическое "умозрение" также не отказывает управленцам в способности оказывать воздействие на социум. Однако восприятие управленцев, их социальная этика сами в большой степени определяются (согласно данной системе взглядов) материально-вещественной средой — уровнем развития производительных сил и, в частности, урбанизацией. В итоге все общественные изменения, в том числе сдвиги в территориальной организации, рассматриваются в долгосрочном плане как объективный процесс с закономерным чередованием фаз, доступным изучению. В соответствии с этим подходом управление возможно исключительно на базе познания естественно-исторической траектории развития объекта, причем содержание управления может состоять в ослаблении противоречий, свойственных данной фазе развития, в стимулировании перехода к следующей фазе, но не в попытках повернуть ход развития вспять.

С точки зрения генетического подхода, раздающаяся нередко критика урбоцентризма [Беленький, 1986. С. 172] может быть оправдана лишь в той мере, в какой она направлена против социального чванства горожан и резкого отставания в социальном обустройстве села. Но и в этих пределах не обойтись без оговорки. В реальной действительности ущербность социальной сферы села — это едва ли результат одного лишь предпочтения, оказываемого городу при распределении ресурсов. Нельзя не заметить, сколь велика здесь именно обратная связь: многие города не настолько развиты, чтобы обеспечить удовлетворительные условия жизни в пределах зон своего влияния. Не случайно в Нечерноземье районы сельской депопуляции располагаются вокруг малых депрессивных городов, тогда как все относительно благополучные сельские районы, напротив, расположены вблизи городов крупных и растущих. Это как раз и позволяет усомниться в том, что социальное благополучие села зависит от того, перетянет ли оно в свою сторону "инвестиционный канат". Принцип "меньше городу — больше селу" сам по себе правомерен лишь с одной поправкой: без развитого центра не может быть и развитой периферии. Эта закономерность (каков город —

¹⁷ Известия. 1988. 2 июля.

таково, как правило, и село, находящееся в зоне его влияния) исключительно ярко проявляется в сегодняшнем Нечерноземье, давая основание говорить, что при всем отмеченном родстве с политико-экономическими проблемами территориальная проблема обладает качественной спецификой. Ведь закономерность или правило пространственного размежевания "сильных" и "слабых" из законов политэкономии напрямую не следует, из них вытекают лишь неизбежность и стимулирующая роль экономического расслоения как такового.

С чем же в таком случае связана наблюдаемая поляризация пространства?

УРБОЦЕНТРИЗМ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ

В настоящее время начинает пересматриваться традиционный взгляд на развитие социальной структуры нашего общества как на процесс усиления всеобщего единообразия, тотальной однородности. Точнее было бы сказать, что представления об этом процессе возвращаются в лоно научного сознания.

Как мы неоднократно убеждались в ходе предшествующего изложения, Нечерноземье России служит ярким примером региона, где территориальные различия имеют устойчивую тенденцию к нарастанию. Причем у них есть своего рода регулярная компонента — близость к городу.

Процесс образования вокруг местного центра концентрических зон с различной производственной специализацией относится к числу хорошо изученных. Он привлекает внимание географов и экономистов, склонных к пространственному анализу, вот уже более 150 лет, т.е. со времен первой публикации классической работы Тюнена [1826]. Современная урбанизация еще больше "географизировала" этот процесс, придала ему новые черты. Если в прошлом кольцевая территориальная структура формировалась под влиянием дифференциальной ренты по положению, отражающей потенциальные различия в стоимости транспортировки товара, то в настоящее время роль ведущего фактора все больше берет на себя транспортная доступность города-центра, определяемая по отношению к трудящемуся населению.

Не исчерпывая понятия экономико-географического положения (ЭГП) сельской местности, сумма этих двух факторов, по-видимому, составляет наиболее существенный аспект его современного содержания:

ЭГП

Отношение (фактор)	Дифференциальная рента по положению	Временная доступность местного центра
Субъект отношения	Товар	Население

Механизм действия этих факторов, вместе составляющих содержание ЭГП сельской местности, глубоко различен. В конечном счете,

и перевозка продукции, и подвоз людей к пункту производственной деятельности и обслуживания отражают потребности людей. Но если рента "сообщается" с человеческими потребностями лишь через ряд опосредующих звеньев экономического процесса воспроизводства, то с временной доступностью города связана непосредственная реализация целого комплекса потребностей, прежде всего — в обслуживании, информации, общении.

В условиях высокой мобильности сельского населения, осуществляющего осознанный выбор места жительства, роль второго фактора дифференциации территории, тяготеющей к городу-центру, возрастает. Это проявляется в территориальных различиях в динамике населения.

Географичность этого явления не только в том, что оно вызывается к жизни позиционным неравенством, в данном случае неравенством в транспортной доступности города. Не менее важно, что его первичная основа лежит в самих геометрических свойствах зон влияния центров расселения. Пучок расходящихся из города трасс создает эффект увеличения межрадиальных пространств при удалении от исходной точки, что обеспечивает гораздо более значительный перепад в доступности города между зоной, прилегающей к нему, и периферией, чем это следовало бы из простого сравнения физических расстояний.

Можно сказать, что город и тяготеющая к нему территория — своего рода микрокосм, элементарная ячейка территориальной организации общества, и главенствующая роль города в этой ячейке не привнесена извне, а коренится в самом ее строении. Отсюда вытекает историческая беспредельность процесса урбанизации: имея претечку еще в догородском периоде в виде обособления и избирательного роста мест обитания человека, этот процесс меняет формы проявления, но завершиться может только вместе с гибелью самого общества.

При кажущейся банальности, а может быть, и благодаря ей, указанный факт служит камнем преткновения в восприятии современных процессов в расселении. Приходится, например, читать, что в самом слове "урбанизация" заложено не только преобладание одной формы расселения над другой (что в известном смысле верно), но и подавление деревни городом. "Такая фигура антагонистически, по существу отражает саму суть... урбанизации как концепции антагонистичности города и деревни вообще, эксплуатации деревни городом, свойственной капиталистической формации, и указывает на принадлежность этой формации к уходящему этапу развития человечества" [Марков и др., 1984. С. 91]¹⁸.

Как А.С.Салуцкий, который с его проповедью равенства в бедности склонен извлекать нравственное содержание из нормальных эконо-

¹⁸ Уместно отметить, что весь аналитический материал этой книги находится в открытом противоречии с теоретическим выводом о приближающемся конце урбанизации.

мических противоречий, так и автор только что приведенной цитаты, Е.М.Марков, усматривает порок в самом устройстве элементарной географической системы "центр-периферия", объявляя ее принадлежностью уходящего этапа развития.

Было бы, однако, упрощением утверждать, что урбоцентризм, гравитационная природа расселения порождены только его имманентными свойствами. Ведь преобладание радиальных путей сообщения и тяготение к более крупным поселениям существовали всегда, тогда как направление сдвигов в размещении населения изменчиво во времени. Поэтому правомерно предположить, что эти свойства создают лишь необходимые потенции для проявления регулирующей роли города. Ну а то, как именно они будут реализованы, зависит от целого ряда факторов, подчас не менее объективных.

К первой группе факторов относятся зрелость и характер пространства городской среды как полюса разнообразия и тесноты контактов, с одной стороны, и социальные притязания сельского населения, характер его требований к среде обитания — с другой. В данном случае имеются в виду не столько требования к материально-техническому оснащению этой среды (водо-, электро-, теплоснабжение, газификация и т.д.), по которому город и село могут и не отличаться, сколько к социальному качеству среды, по которому город и село в принципе не сводимы друг с другом как территориальные общности разного уровня сложности.

Разреженность очагов цивилизации издавна привлекала внимание исследователей этнокультурного и социально-политического развития России — от Радищева и Чаадаева до П.П.Семенова-Тянь-Шанского и наших современников.

В данный ряд органически вписывается высказывание В.И.Ленина на тему о социально-преобразующем воздействии города на село. "Если преобладание города необходимо, — писал он в "Развитии капитализма в России", — то только привлечение населения в города может парализовать... односторонний характер этого преобладания. Если город выделяет себя необходимо в привилегированное положение, оставляя деревню подчиненной, неразвитой, беспомощной и забитой, то только приток деревенского населения в города, только это смешение и слияние земледельческого и неземледельческого населения может поднять сельское население из его беспомощности"¹⁹.

Пригородные зоны явились как раз той территорией, где это слияние свершается в полной мере. Именно здесь появилась возможность сочетать самые привлекательные стороны городского и сельского образов жизни, одновременно смягчая их негативные стороны.

Один из аспектов глубокого изменения, затронувшего сельское окружение крупных городов, состоит в неизбежном выравнивании социальной ценности ("престижности") различных видов труда. Такое выравнивание неизбежно потому, что депрессивные, или "непрестиж-

ные", сферы деятельности, которые по каким-то причинам оказывают ему сопротивление, рискуют в короткие сроки потерять право на существование. В первую очередь это относится к сельскому хозяйству. Многие наблюдения и специальные обследования [Стронгина, 1986. С. 66] указывают на, казалось бы, парадоксальный факт: готовность заниматься сельским хозяйством до конца трудовой деятельности и видеть своих детей работниками села чаще высказывается вблизи крупного города, где есть альтернатива сельскохозяйственному труду (без смены места жительства), и реже — на периферии, где такой альтернативы нет. Сосуществование разных экономических функций и стирание резких социальных различий между сферами труда составляют, по-видимому, глубинную суть так называемой сельской урбанизации, под которой нередко понимают лишь распространение стандартов городского образа жизни.

Прогрессивные изменения в сельском расселении и хозяйстве пригородных зон, конечно, происходят не "самотеком". В числе опосредующих звеньев того воздействия, которое оказывает на них близость крупного города, можно усмотреть и высокую инфраструктурную обеспеченность, и ускоренное формирование типа работника, отвечающего требованиям интенсификации производства, и многое другое из того, что, быть может, более привычно ассоциируется со словом "урбанизация". Но главное опосредующее звено — это, пожалуй, межотраслевое соперничество в сфере приложения труда, типичное для любой пригородной зоны. С ним, как нам кажется, сопряжен один из неявных социальных механизмов управления экономикой. Именно острое межотраслевое соперничество в сфере приложения труда, да к тому же в условиях, когда сельское хозяйство не доминирует в структуре занятости, ставит перед территориальными органами жизненную дилемму: или подтянуть агротехнику, организацию труда на полях и фермах до конкурентоспособного уровня, чтобы человек не стремился уйти из сельского хозяйства, или смириться со стремительной деградацией целой отрасли, ответственной за продовольственное положение города, агломерации, пригородной зоны. Ясно, что выбирается первый вариант. Его практическая реализация в областях с большим функциональным разнообразием сферы занятости как раз и приводит к тому, что численность занятых в сельском хозяйстве не сокращается, а растет, подчас даже на фоне продолжающейся убыли сельского населения в целом.

Нетрудно убедиться, что в тех районах Нечерноземья, где возможности трудоустройства вне сельского хозяйства ограничены, ситуация иная.

Вторая группа факторов, определяющих конкретное проявление роли городов в эволюции сельского расселения, связана с демографической обстановкой. Исследование Ж.А. Зайончковской [1980] показало, что интенсивность миграционного оттока населения зависит от так называемых демографических волн в трудоустройстве городов. В периоды, когда прирост трудовых ресурсов в городах па-

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т. 3. С. 208.

дает, возможности выбора рабочего места увеличиваются. Соответственно возрастает и отток из села. Такова ситуация 60-х — первой половины 70-х гг. Во второй половине 70-х гг. в городах в трудоспособный возраст вступил относительно многочисленный контингент родившихся в конце 50-х гг., в связи с чем возможности трудоустройства сельских мигрантов уменьшились. Однако уже в настоящее время демографическая волна снова пошла на спад, что создает благоприятную конъюнктуру для миграции сельского населения.

Третья группа факторов — это те характеристики общественного устройства (политической структуры, хозяйственного механизма), которые определяют скорость взаимной подстройки отраслевой системы рабочих мест и территориальной системы расселения. Забегая вперед, укажем, что естественным средством такой подстройки служит утрата, полная или частичная смена экономических функций в депрессивных районах. Через это так или иначе прошли все индустриально развитые страны. Правда, в большинстве этих стран в связи с незначительной, по нашим меркам, территориальной емкостью сельской "глубинки" и широким распространением семей с двумя источниками дохода (в сельском хозяйстве и вне его) проблема, возможно, не стояла так остро. Тем не менее когда, например, в ФРГ в конце 50-х гг. стали забрасываться периферийные массивы сельскохозяйственных земель, это сразу же получило широкое отражение в печати [Ruppert, 1959]. В итоге возникла система государственной помощи работникам, занятым на малопродуктивных фермах и желающим перейти в другие отрасли хозяйства.

В принципе по аналогичному пути развиваются события и в нашей стране. Однако до сих пор это происходило не благодаря, а, скорее, вопреки неразворотливой административной системе управления, сопротивлявшейся проникновению в глубинное село даже рекреационных функций: что же касается забрасывания земель²⁰ и бедственного положения глубинных хозяйств, то адекватное отражение в прессе указанные явления получили через 20—25 лет после того, как впервые приобрели массовый характер.

В итоге можно прийти к выводу, что "центростремительная" перестройка расселения в сельской местности Нечерноземья до настоящего времени стимулировалась факторами первых двух групп — редкостью (низкой плотностью) очагов зрелой городской среды и, как следствие этого, контрастами в инфраструктурном оснащении территории, а также обострением демографической обстановки в городах. Что же касается организационно-экономической структуры (фактор третьей группы), то она лишь оказывала этой перестройке неэффективное и дорогостоящее противодействие.

²⁰ Статистика используемых земель до сих пор крайне несовершенна. В 1987 г. агрофотосъемкой установлено, что в Осташковском районе Калининской области фактически используемых сельхозугодий не 50 тыс. га, как считалось ранее, а всего 30 тыс. га (Известия 1987. 23 мая. С. 3).

СТАДИАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЭВОЛЮЦИИ РАССЕЛЕНИЯ

В последнее время в советской литературе появились публикации, в которых изменения, происходящие в расселении на протяжении длительного исторического периода, рассматриваются как проявления саморазвития [Гольц, 1968; Зайончковская, 1985; Кюммель, Роозве, 1987; Кюммель, 1987; Иоффе, 1987]. Хотя сам термин "саморазвитие" употребляется применительно к расселению не во всех этих работах, именно он выражает лейтмотив общего для них подхода.

Интерес к спонтанному ходу изменений в расселении вызван прежде всего отчетливым осознанием хронических неудач в практике его целенаправленного переустройства. Попытки ограничить рост крупных городов и активизировать малые, развивать города-спутники за счет перемещения части занятого населения из центров агломераций, форсировать концентрацию внутрихозяйственного расселения в сельской местности — все эти и другие попытки, неизменно диктовавшиеся благими побуждениями, слишком часто давали и дают сбой, хотя на их реализацию подчас тратятся немалые средства, не говоря уже об эмоциональных и интеллектуальных ресурсах, вложенных в их обоснование, полемику и т.д.

Ситуация, сложившаяся в расселении, способна направить (и направляет) поиск решений по трем возможным направлениям.

Первое — отстаивание научности "благих побуждений" (просто для их реализации ранее прибегали к неэффективным средствам, что и дало отрицательный результат). Второе направление — негативная критика потерпевшей неудачу стратегии с возложением на нее всей ответственности за наблюдаемое неблагополучие.

В отличие от двух первых третий путь продиктован потребностью рассматривать изменения в расселении как естественноисторический процесс. Он отвечает сути генетического подхода к социальному объекту, имеющего определенные традиции в отечественной науке. Для примера сошлемся прежде всего на учение о городских агломерациях [Лаппо, 1978] как о реальных эволюционирующих (в противовес формально-административным) территориальных образованиях, а также на культурно-историческую трактовку урбанизации в новаторский для своего времени публикации А.С. Ахизера, Л.Б. Когана и О.Н. Яницкого [1969].

Историзмом были проникнуты основные идеи видных деятелей русской агроэкономической науки, из которых к расселенческой тематике ближе всех стоял А.Н. Челинцев [1910].

В новейшей советской литературе генетический подход к расселению наиболее последовательно изложен эстонскими географами [Кюммель, 1987; Кюммель, Роозве, 1987]. Они перенесли на отечественную почву теоретические построения Дж. Джиббса [Gibbs, 1963], которые получили эмпирическую проверку в обширных

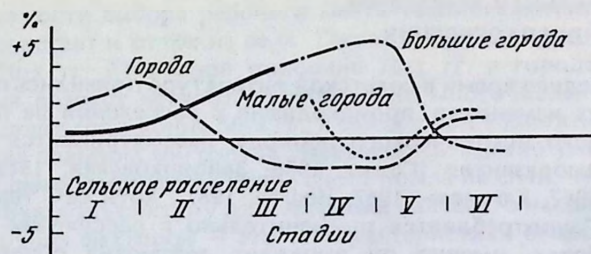

Рис. 29. Процесс урбанизации по Джигбсу
Источник: [Кюммель, Роозве, 1987]

работах [Berg et al, 1982], написанных на материале Западной Европы²¹.

Смысл этих построений заключается в выявлении законоподобной пульсации территориальной структуры населения (рис. 29) на основе длительных рядов наблюдений за наиболее "зрелыми" регионами, продвинувшимися в последовательности фаз развития особенно далеко. Эта эмпирически установленная последовательность включает следующие стадии:

относительно равномерное расселение, воспроизводящее своим рисунком лишь признаки дифференциации естественного ландшафта (I фаза);

возникновение и развитие точечных форм высокой концентрации населения под влиянием усилившихся различий в выгодах транспортного положения (II фаза);

развитие агломерированных форм расселения при ускоренном росте населения в ядре (ядрах) этих форм и депопуляции межагломерационных пространств (III фаза);

территориальное расширение агломерированных форм при ускоренном росте населения в их периферийных зонах (IV фаза);

деконцентрация населения, сопровождающаяся частичным заполнением, активизацией межагломерационных пространств и стагнацией исторических ядер городов (V фаза).

Новейшие исследования показывают, что в некоторых странах процесс пошел уже по второму кругу, что в первую очередь проявилось в повторном заселении и реконструкции городских центров.

Согласно Джигбсу, характерный признак второй фазы — быстрый рост городского населения по сравнению с сельским. Переход от нее к третьей фазе знаменует превышением естественного

прироста сельского населения миграционным оттоком из села. В четвертой фазе впервые происходит общее замедление роста городов.

Есть основания полагать, что третья фаза, по крайней мере применительно к сельской местности, может быть поделена на две подфазы, условно обозначим их А и Б. Так, в подфазе III Б — ее можно назвать подфазой абсолютной депопуляции — смертность сельского населения начинает в связи с деформацией возрастного состава превосходить рождаемость. Подфаза III Б может и не наступить, если "подстройка", приведение функциональной структуры в соответствие с изменениями в расселении произойдет достаточно быстро.

Характерно, что если вопрос о теоретической возможности единой (пусть и скорректированной местными особенностями) последовательности перемен в расселении в странах различного типа время от времени обсуждается, то сам факт ее существования еще никем не был опровергнут. Напротив, появились работы, где выделены отдельные регионы, а нередко и целые страны, находящиеся в данный момент или период на той или иной стадии эволюции расселения.

Как показали в совместной публикации канадец Л. Бурн, поляк П. Корчелли и швед О. Вернерид [Bourne, Korcell, Wärneryd, 1983], в настоящее время существуют три группы стран и регионов, где в расселении преобладают соответственно деконцентрация, концентрация, неустойчивое равновесие. Деконцентрация расселения доминирует в большей части стран Западной Европы, в Канаде и США; самая динамичная концентрация — в развивающихся странах. Промежуточное положение занимает регион европейских социалистических стран, на западном фланге которого начались уже процессы деконцентрации, тогда как на восточном — в Польше и особенно в СССР — в расселении все еще преобладают центростремительные сдвиги. Заметим, что характер производственных отношений может показаться критерием разграничения указанных групп стран лишь при поверхностном наблюдении. Истинный разграничитель — это материально-техническая база производства и инфраструктурное оснащение территории, а также производные от них установки населения на мобильность. Наличие на территории Европы компактных макрорегионов с однонаправленными процессами в расселении определенно связано с восточно-западным градиентом освоенности территории, о котором говорилось в первой главе. Именно поэтому нам представляется, что историческую динамику расселения следует рассматривать не изолированно, а в более емком контексте — освоения территории²². При таком подходе указанная выше последовательность стадий может быть истолкована с учетом поступательных изменений как в экономике, так и в социальной сфере.

В этом убеждает и ознакомление с поисковыми работами генетического направления, созданными экономистами на базе широко известной за рубежом концептуальной гипотезы поворотных пунктов

²¹ Мы отдаем себе отчет в том, что сам факт этого "переноса" служил и всегда будет служить критической мишенью для специалистов, налагающих табу на возможность рассмотрения сдвигов в расселении в отрыве от социально-экономической формации. Полемика по такому вопросу, теоретически вполне правомерная, на практике крайне редко удерживается в рамках науки, для чего есть не только субъективные, но и вполне объективные основания, в частности неразработанность некоторых узловых вопросов политической экономии советского общества.

²² Речь, заметим, идет об освоении как о непрерывном процессе [Июффе, Тревиш, 1988], а не только о пионерной его стадии.

развития сельского хозяйства [Višnič, 1965]. Согласно этой гипотезе, основная причина перестройки освоенного сельского пространства лежит в достижении некоторых пороговых значений уровня благосостояния, измеренного национальным доходом на душу населения. Проведенный по ряду стран сопряженный анализ долговременной динамики душевого дохода и показателя городской площади на душу населения выявил, что в фазе так называемой начальной индустриализации темп площадной экспансии городов выше темпа роста душевого дохода. Затем оба показателя начинают расти пропорционально друг другу. Так происходит до того момента, когда городская площадь достигает 300 м² на душу всего (городского и сельского) населения. Наконец, в следующей фазе темп экономического роста обгоняет расширение городов, что служит одним из признаков экономического роста интенсивного типа. Именно в это время начинается пространственная деконцентрация населения. В данной фазе, однако, наблюдается сокращение сельскохозяйственных земель, а естественное плодородие теряет значение ведущего производственного фактора в сельском хозяйстве [Hunek, 1984].

На современном "срезе" изменений, происходящих в разных странах, стоит остановиться подробнее. Хотя бы в связи с проницательным замечанием Б.Б. Родмана [1987] по поводу причины низкой эффективности управляющих воздействий на расселение в нашей стране. По его мнению, эти воздействия не попадают "в такт с объективной пульсацией территориальных структур". Это предположение кажется нам весьма правдоподобным. Ведь налицо примеры, когда пространственное рассредоточение населения — эта маящая цель "нормативно" мыслящих исследователей — полным ходом осуществляется в странах с общественной системой, самой природе которой чужды централизованные воздействия на данный процесс. Например, отражая технологически и социально обусловленную смену локального оптимума, уже в 70-е гг. шел интенсивный рост малых поселений Англии и Уэльса, других районов и стран, где инфраструктурная насыщенность территории достигла уровня, при котором "периферия", "глубинка" и даже "сельская местность", в нашем понимании этих реалий, перестали существовать.

В Англии для 70-х гг. была даже установлена обратно пропорциональная зависимость между людностью поселения в начале периода и индексом его динамики: чем меньше поселение, тем активнее оно растет [Mooseley, 1984]. И это, заметим, в стране, где еще 20 лет назад говорилось, что тенденция сосредоточения населения и экономической деятельности в немногих крупнейших городах столь сильна, что ей бесполезно препятствовать, и в числе причин появления депрессивных районов назывались труднодоступность и низкая окупаемость капиталовложений в сельском хозяйстве [Caesar, 1961].

Обратим внимание, что и в европейских странах социализма рассредоточенное расселение формируется в последние годы в компактных ареалах, где отсутствуют большие различия в доступности городов и плотности транспортной сети. Так обстоит дело в ГДР, на

западе Чехо-Словакии, в Венгрии, а также в Эстонии. Вместе с тем на большей части территории нашей страны (особенно в Западной Сибири, в Нечерноземье, Поволжье и в меньшей степени в БССР, на севере Украины), в перераспределении населения доминируют центростремительные тенденции. При этом нормативные прогнозы численности крупных городов, с одной стороны, и периферийных сельских районов — с другой, до сих пор значительно уступали по своей оправдываемости инерционным прогнозам, как бы реализующим идею саморазвития.

На рассредоточение населения, происходящее с начала 70-х гг. в западных странах, естественно, обратили внимание и у нас. Однако это явление комментировалось лишь как знамение близящегося конца урбанизации и признак социально-экологической порочности крупногородских форм расселения.

В связи с этим представляют интерес оценки хода перестройки расселения в Канаде и странах Северной Европы, данные специалистами этих стран. Канада — единственная зарубежная страна, которая по своим масштабам, перепадам в уровне освоенности и характеру естественно-географической среды сопоставима со значительной частью Европейской территории СССР. Страны же Северной Европы обладают сходной со многими районами Нечерноземья конфигурацией расселения. Из социалистических стран наиболее сопоставима с Нечерноземьем с экономико-географической точки зрения, по-видимому, Польша²³.

Первое, что обращает на себя внимание, — во всех перечисленных странах в 50—60-х гг. (а в Польше и в более позднее время) происходила концентрация населения в крупных городах и зонах их влияния.

Так, на протяжении послевоенного периода система расселения Канады пережила три стадии эволюции. Первая — "урбанистический взрыв" 1946—1964 гг.: стремительно сокращалось и старело²⁴ фермерское население, росли города, а в них самих опережающими темпами росло население центров. Вторая стадия — децентрализация 1965—1980 гг., сопровождавшаяся стагнацией ядер крупнейших городов, субурбанизацией, демографическим оживлением неметрополитенских (внегородских) ареалов. Третья стадия (началась примерно в 1981 г.) — это консолидация: замедление демографического роста неметрополитенских ареалов, оживление центров городов. Центробежные тенденции в перераспределении населения, которые на протяжении предыдущей стадии были характерны для всех терри-

²³ Источником канадского опыта для нас послужила обстоятельная публикация видного урбаниста этой страны Л. Бурна [Burns, 1986], шведского — монография Т. Фалька [Falk, 1971], финский опыт отчасти изложен в статье эстонских авторов [Кюммель, Роозве, 1987], а также в двух англоязычных публикациях [Alestalo, 1981; Varjo, 1978]. Источник сведений о Польше — единственная в своем роде монография П. Эберхардта, посвященная районам сельской депопуляции [Eberhardt, 1989].

²⁴ В 1961 г. средний возраст канадского фермера приблизился к 50 годам [Dawson, 1964].

ториальных уровней, ныне приурочены только к локальным системам "город—пригород". Если наблюдения за второй стадией породили целый словарь терминов типа "дезурбанизация", "контр-урбанизация", "возрождение сельской местности" и др., то третья стадия сделала эти термины неадекватными. Впрочем, по мнению Л. Бурна, они и прежде не соответствовали сути и масштабу происходивших процессов: сути — потому что эта была лишь новая форма все той же урбанизации без каких-либо "контр-" и "дез-" (она привела к увеличению радиуса расселения относительно мест приложения труда и отнюдь не сопровождалась притоком населения в специфически сельские сферы деятельности); масштабу — поскольку рассредоточение населения произошло в пределах меньшей территории, нежели та, что подверглась депопуляции на первой стадии эволюции расселения после войны. К началу 80-х гг. 51% всего населения проживал на 5% территории Канады, в пределах так называемой оси Виндзор—Квебек. И это, заметим, уже после завершения стадии децентрализации.

В Швеции временные рамки перечисленных стадий были примерно такими же, как и в Канаде. Во всяком случае, в 60-е гг. ядра городов росли медленнее, чем поселения в радиусе 30-километровой доступности, а на остальной территории население сокращалось.

В Финляндии III (по Джиббсу) фаза эволюции расселения началась в 50-е гг. на юго-западе страны²⁵, в то время как на остальной территории доминировала еще II фаза. В 70-е гг. южная часть Финляндии уже вступила в IV фазу, тогда как в других районах страны в разгаре была III фаза. В самом конце 70-х гг. на юго-западе появились признаки V фазы.

В Польше ряд специфических обстоятельств привел к тому, что временные рамки фаз эволюции расселения оказались сильно смещенными как по отношению к западным странам, так и по отношению к ходу событий в нашем Нечерноземье. Лишь на крайнем ее северо-востоке имеются небольшие ареалы абсолютной депопуляции, в пределах которых наблюдается не только динамичный миграционный отток, но и превышение смертности над рождаемостью. В то же время процесс сокращения сельского населения к концу 70-х гг. захватил 8/10 территории Польши и ныне не прослеживается лишь в пределах агломераций, на балтийском побережье и на крайнем юго-востоке. В последующие годы (1978—1985) процесс поляризации расселения замедлился в связи с тем, что кризисные явления в польской экономике в несравненно большей мере затронули городские сферы труда, нежели сельское хозяйство. Это притормозило миграцию в города. Еще один характерный признак динамики расселения в Польше: процессы поляризации, территориального сосредоточения населения в зонах влияния городов сильнее проявляются на востоке, нежели на западе страны, что хорошо вписывается в закономерность нарастания

²⁵ Напомним, что для Центрального и Северо-Западного районов Нечерноземья момент наступления этой фазы, когда миграционный отток начинает превосходить естественный прирост сельского населения, приходится на конец 50-х гг.

густоты городов и транспортных коммуникаций с востока на запад Европы.

Любопытный факт: чередование стадий эволюции расселения вызывает к жизни и некоторой повторяющийся от места к месту цикл административных предписаний. Например, на стадии концентрации ("урбанистического взрыва") в малых сельских поселениях закрывались школы, увеличивались микрорайоны обслуживания, сокращалось число автобусных рейсов. Так, в канадской провинции Саскачеван из 5221 школьных округов, выделенных до войны, уже к 1953—1954 гг. (т.е. в разгар III фазы эволюции расселения) не работало свыше 30%. Финские специалисты в 70-е гг. обратили внимание на неблагоприятные последствия произошедшей концентрации обслуживания, приписав этот процесс прежде всего некритическому восприятию опыта других западных стран [Varjo, 1978, P. 83].

"Картина и для нас очень знакомая", — отмечают в связи с этим эстонские специалисты Т. Кюммель и Р. Роозве. Но интересно то, что все развитые государства проходили этот этап, и, несмотря на то, что у нас были примеры и даже результаты налицо, мы эту ошибку повторили. Здесь скрывается общая закономерность последовательности общественных процессов путем саморегуляции. И нет силы, которая заставила бы пропустить некоторые этапы развития" [Кюммель, Роозве, 1987, С. 79].

Думается, в этом есть предмет для размышления. Тем более, что массовое закрытие малокомплектных школ и сокращение сети других учреждений в деревнях Нечерноземья были продиктованы ведомственными критериями экономической концентрации услуг. Критиковать эти критерии с позиции территориальных интересов, разумеется, можно и нужно. Но ведь изменению критериев должно предшествовать осознание необходимости что-либо менять. Оно же до тех пор будет отставать от хода социальных процессов, пока с ними не начнут (уже загодя) считаться как с закономерным фактом.

Впрочем, обратный ход перестройки сети услуг за рубежом на этапе последующей децентрализации опять-таки не зашел столь далеко, чтобы современная сеть пунктов обслуживания приблизилась к существовавшей ранее. Более того, как свидетельствуют данные по Канаде и США, вновь появившееся сельское население 80-х гг. оказалось в большей мере привязанным к городским услугам, нежели это было в 50—60-е гг. в период депопуляции сельской местности. Следовательно, рассредоточение населения — оборотная сторона и результат его высокой мобильности, упущения связей сельской местности с ядрами урбанизированных зон.

Из территорий нашей страны в рассматриваемом контексте интересны примеры Эстонии и Латвии. Эти республики превосходили все области Нечерноземья РСФСР по тем начальным условиям, с которых после мартовского 1965 г. Пленума ЦК КПСС брала старт программа преобразования села. Уровень развития всех видов инфраструктуры в Прибалтике издавна был выше, чем в Нечерноземье. Ныне во многих районах этих республик эволюция расселения

находится в IV фазе. Однако ход предшествующих изменений в демографической ситуации и морфологии жизнеспособных форм расселения был в общем сходным с другими странами и регионами. Скажем, Литва при всем своем сельском благополучии, особенно очевидном для приезжих из Нечерноземья и даже из соседних Белоруссии и Латвии, еще в начале 80-х гг. была лидером по интенсивности миграционного оттока сельского населения (в масштабе страны в целом).

В Эстонии, где к середине 80-х гг. более чем в половине сельсоветов был зарегистрирован прирост населения (как механический, так и естественный), территориальные различия демографической ситуации, возникшие на предыдущих этапах социального переустройства села, не только не исчезли, а, наоборот, обострились. По данным Т. Кюммеля [1987. С. 89], в 1959 г. ареалы наивысшей плотности сельского населения (соответствующие верхнему децилю распределения территорий сельских советов) находились на отметке 30 чел./км², а наименьшей — 6,2 чел./км². В 1984 г. соответствующие показатели были уже в другой пропорции друг к другу — 37,7:4,3. Не случайно дифференциация чистого дохода сельскохозяйственных предприятий Эстонии наполовину объясняется удаленностью от местных центров [Оценка земли..., 1984. С. 73]. И это в республике с высочайшей (по стране) плотностью дорожной сети и гораздо меньшими различиями в доступности социально значимых центров по сравнению с любой областью российского Нечерноземья.

Характерно, что новое строительство в сельских районах Эстонии в первую очередь было размещено в центральных усадьбах, что повлияло на последующую стабилизацию населения не только в них самих, но и в радиусе их социально-культурного влияния. Тем самым вновь нашел подтверждение тезис о том, что без развитых центров не может быть развитой периферии.

Поэтому не трудно предположить, что бы произошло, если бы в рамках отпущенных средств в Нечерноземье (да и в других регионах) стали с самого начала принимать те меры, которые ныне признаются важными для возрождения малых деревень. Для нас очевидно, что в этом случае не было бы даже тех скромных эффектов создания сколько-нибудь притягательной социальной среды, которых удалось достичь в виде стабилизации населения части центральных усадеб. И если сегодня в ряде мест строятся реалистичные планы возрождения рядовых деревень, то лишь потому, что на предыдущем этапе была укреплена жизнеспособность местных центров²⁶.

²⁶ Комментируя письмо читателя, сообщившего, что в одном из сельсоветов на юге Архангельской обл. за 25 лет исчезло 22 деревни, обозреватель "Советской России" (16.04.86) пишет: "Факты малоприятные, и все же не будем спешить с поисками виноватых, тех, кто тормозит, не понимает, недооценивает. Признаем с самого начала, что есть объективные реальности, с которыми приходится считаться. Что бы там ни говорили, а крупные совхозные и колхозные центры обладают несомненными преимуществами, тяга к ним остается, а у молодежи — особенно... Это вот обстоятельство необходимо постоянно иметь в виду, чтобы не впасть в другую крайность."

Таким образом, мы показали, что при всех различиях в темпах и начальных условиях целенаправленной перестройки сельского расселения общая последовательность фактически происходящих изменений оказывается весьма устойчивой. Она сопряжена с моноцентризмом элементарных ячеек расселения, с качественным состоянием самих центров. Представление же, будто этими изменениями движут исключительно планы непроизводственного строительства, так же обманчиво, как и представление о том, будто планы производственного строительства движут изменениями в географии продуктивности сельского хозяйства. Конечно, чувствовать себя "в силе" всегда приятно. Но нельзя во имя этого упорно отворачиваться от фактов. В условиях, когда демографических ресурсов не хватает для существования всей некогда сложившейся сети расселения, в ней неизбежно, хотим мы того или нет, должен происходить некоторый отбор. Его критерии в III фазе эволюции расселения — это близость к городу и близость к транспортной магистрали. И если увязка планов непроизводственного строительства по месту и последовательности осуществления соответствует естественным принципам этого отбора, тогда появляется вероятность, что позитивный эффект (в виде стабилизации населения) действительно будет достигнут. Если же нет — сбывается мрачное предостережение журналиста: "Мы можем построить дороги, клубы, жилье и все равно остаться без кадров"²⁷. К счастью, на местах, как правило, верно определяют жизнеспособные пункты концентрации объектов жилищного и социально-культурного назначения. И если не одергивать тех руководителей периферийных хозяйств, которые вопреки новым веяниям продолжают настаивать на развитии одного-двух таких пунктов²⁸, то появится вероятность частичной стабилизации населения также и на периферии.

СДВИГИ В РАЗМЕЩЕНИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ

Если сущность и последовательность изменений в расселении обладают известной универсальностью, то этого нельзя сказать о форме их проявления. Помимо уровня материального благополучия, достигнутого тем или иным обществом, большое значение имеют правила функционирования экономической системы. Они определяют реакцию этой системы и на изменения, происходящие в расселении.

В первом приближении можно выделить два типа реакции: приспособление и сопротивление.

Застройку центральных усадеб надо продолжать ускоренными темпами, иначе юношей и девушек в селе не удержать".

²⁷ Никитин А. От околицы до окраины // Новый мир. 1985. № 7. С. 190.

²⁸ А такие примеры есть. Так, руководителей хозяйств Пушкингорского района Псковской обл. в печати упрекали в том, что они "не извлекли урок из ошибок прошлого", не согласившись на рассредоточение строительства по всем существующим деревням (Сельское хозяйство Нечерноземья. 1984. № 7. С. 40—41).

В странах с так называемой рыночной экономикой доминирует реакция первого типа; в нашей стране — вплоть до начавшегося формирования убыточных периферийных хозяйств — преобладала реакция второго типа.

Для того чтобы понять природу приспособления, нужно рассмотреть изменения в территориальной структуре сельского хозяйства, которые происходили в странах с рыночной экономикой в период, когда эволюция расселения переживала там III фазу — фазу территориальной концентрации. В Западной Европе и Канаде это был период между окончанием второй мировой войны и серединой (концом) 60-х гг. Характерно, что именно в указанный отрезок времени в Западной Европе произошло насыщение внутреннего рынка продовольствием местного производства.

Анализ публикаций указанного периода позволяет выявить несколько типичных явлений, имеющих прямое отношение к спонтанному приспособлению сельского хозяйства к территориальной концентрации населения. К ним относятся:

ускоренное (до 3% в год) сокращение сельскохозяйственного населения, приведшее к резкому уменьшению доли занятых в сельском хозяйстве: в Финляндии — с 50 (1950 г.) до 20% (1970 г.), в ФРГ — с 24 до 9%, в Канаде — с 15 до 6%;

укрупнение земельных участков в результате продажи владений с пониженным доходом и распространения арендного землевладения (в Канаде, например, размер фермерских участков [Andal, 1968] возрос в 1951—1966 гг. с 112 до 160 га при сокращении числа занятых в сельском хозяйстве с 939 до 544 тыс. чел);

перевод значительных массивов пашни в луга и пастбища и забрасывание ранее использовавшихся сельскохозяйственных угодий. К примеру, в Канаде в староосвоенной восточной провинции Онтарио общая площадь ферм уменьшилась в 1951—1971 гг. на 4 млн га, в том числе площадь сельхозугодий сократилась на треть [Crewson, Reeds, 1982]. В Швеции в 1961—1966 гг. из сельхозоборота выходило ежегодно по 36 тыс. га [Graham, 1968], что при весьма скромной общей площади угодий (4 млн га в 1984 г.) являет пример стремительного темпа;

общая поляризация интенсивного землепользования между пригородом и периферией, отмечавшаяся даже в таких малоземельных странах, как Великобритания.

Из экстерриториальных явлений, характерных для указанного периода, прежде всего отметим достижение примерного равенства индивидуальных доходов между сельскохозяйственным и несельскохозяйственным населением, широкое распространение снабженческой и особенно сбытовой кооперации, государственное субсидирование сельского хозяйства в невиданных ранее масштабах²⁹.

²⁹ Наряду с этим стоит отметить появление (особенно в ФРГ и скандинавских странах) политических течений, выступавших за сохранение традиционного сельского уклада жизни, против проникновения в сельскую местность американизированной

Выравнивание доходов явилось следствием прекращения существования массы низкорентабельных ферм и резкого сокращения занятости в сельском хозяйстве. Развитие же кооперации, через которую в Швеции, например, уже в середине 50-х гг. реализовывалось до 90% сельхозпродукции (в Канаде в 1961 г. — 33%) служило целям экономического выживания семейной фермы. Дотации фермерам выплачивались не как компенсация разницы фиксированных цен с фактическими издержками, а как компенсация разницы минимально гарантированных цен с рыночными ценами реализации. Именно на этой основе получали с 1947 г. британские фермеры дотации, составившие только в 1963/1964 гг. 186 млн фунтов стерлингов [Wallace, 1964].

Очевидно, что две последние меры (кооперирование и выплата дотаций) звучат диссонансом всему перечню мер, так как направлены не на приспособление к экономическому, в том числе территориальному, расслоению, а на борьбу с ним. Однако рыночная конъюнктура сама по себе низвела эти меры до уровня частных корректив общего курса на адаптацию экономически окрепшего сельского хозяйства к социальным изменениям. Во всяком случае, государственные субсидии в ряде стран (например, в Швеции, Финляндии) уже в 60-е гг. стали выплачиваться не с целью стимулировать, а, наоборот, с целью сократить посевы или увеличить площади паров. Это помогло стабилизировать уровень цен на внутреннем рынке.

Поэтому трудно согласиться с высказываемыми нередко суждениями о том, что на Западе смогли пойти на сокращение сельскохозяйственных угодий потому, что предварительно достигли высокого уровня продуктивности. В том-то и дело, что в действительности это были две стороны одного и того же процесса. Иначе и не может быть в условиях, когда вопрос об избытке угодий, по существу, находится в компетенции множества частных товаропроизводителей и нет препятствий для реинвестиции дохода высококорентабельных ферм.

Впоследствии, при переходе к IV и V фазам эволюции расселения, территориальная структура сельского хозяйства вновь претерпела изменения, хотя и не такие кардинальные, как прежде. Главное из новейших изменений — отмирание пригородной специализации в ее классическом выражении и сосредоточение производства основных продуктов питания, в том числе таких, казалось бы, традиционно пригородных, как овощи, в специализированных районах на значительном (по меркам отдельных стран) удалении от крупных городов. Этот процесс прослежен в интереснейшей монографии К. Бриана, А. Маклеллана и Л. Расвурма [Bryant et al., 1982], посвященной современным процессам в пригородных зонах. Противоположность направлений одновременно происходящих территориальных сдвигов в

массовой культуры. Эти консервативные течения никогда, однако, не завоевывали большого политического влияния. Одна из причин в том, что обыденное сознание не отождествляло отмирание традиционной деревни с продовольственными трудностями (за неимением последних).

пригородном сельском хозяйстве СССР и ведущих западных стран получила специальное освещение в диссертации А.О. Кибальчича [1987]; ценные соображения по этому вопросу были высказаны польским исследователем Т. Ольшевским (1983 г.).

Данный экскурс хотелось бы заключить выводом о значении внутренней согласованности структурных изменений в агропроизводственных системах. Исходя из наличия определенных пространственно-временных закономерностей, следует признать, что изменения одного из компонентов системы, скажем, населения, должны возыметь отклик в виде соответствующих изменений в других компонентах, в данном случае — в использовании земли, основных фондов. Если же эту реакцию искусственно затормозить, то путь развития всей системы будет напоминать вращение на одном месте.

Не следует понимать это так, что если население "закономерно" сторонилось с мест, то тут же должны прийти в запустение поля и перестать выделяться средства. Говоря об экологической поляризации окружающей среды, а нынешнее положение в Нечерноземье чревато именно поляризацией, Б.Б. Родоман [1984] отмечал, что она может быть как хорошей, так и плохой. Плохая поляризация означает экономический подъем одних территорий и упадок других, тогда как хорошая есть результат таких изменений в функциях территории, которые приводят эти функции в соответствие с общественными потребностями. В экономических системах, изначально основанных на самсфинансировании, изменение функций в ответ на изменение условий — повседневная норма, причем зачастую ее приходится даже пресекать с помощью мер государственного регулирования. Такие запретительные меры широко применяются, например, в Канаде, где пригородные фермеры с некоторых пор стали слишком бойко распродавать плодородные сельскохозяйственные земли под коттеджную застройку.

Однако если запреты применяются для коррекции действующего экономического механизма — это одно дело, и совсем другое — если они выступают его основополагающей функцией, как это имеет место при административном управлении экономикой. В рассматриваемом аспекте роль запрета сводится к тому, что он блокирует неизбежные изменения в хозяйственной системе. Причем делается это всякий раз в угоду ближним целям, тогда как цели дальние, стратегические в расчет не принимаются.

К сожалению, от сдерживания объективных процессов в сельской местности не освободилась и та модель хозрасчета, которая введена в действие с 1 января 1988 г. Оберегающая, охранительная функция этой модели все еще превалирует над стимулирующей, ради активизации которой, собственно говоря, и задумана перестройка хозмеханизма. Ибо если стимулирующая роль, скажем, уменьшенных (с 1.01.88) нормативов изъятия прибыли не может проявиться полностью в отсутствии оптовой торговли средствами производства, то охранительная реализуется сполна через систему надбавок к закупочным

ценам на низкорентабельную продукцию. Эти надбавки большей частью оседают в периферийных районах и хозяйствах.

Как считали руководители Госагропрома, надбавки должны создать у хозяйств "одинаковые экономические возможности, равные стартовые условия"³⁰. Из отечественной практики известно два пути выравнивания экономических условий хозяйствования: установление дифференцированных платежей в бюджет местных агропромышленных органов, средства из которого затем перераспределяются в пользу отстающих хозяйств; установление надбавок к закупочным ценам. Не умаляя значимости каждого из этих методов выравнивания, укажем на одно существенное ограничение сферы их применения. Экономическая целесообразность материальных льгот для хозяйств, чье отставание связано с причинами объективного характера, зависит, во-первых, от масштабов отставания, а во-вторых, от возможности эффективно преодолевать с помощью этих льгот препятствия, стоящие на пути развития производства. В ситуации, когда основным препятствием является дефицит трудовых ресурсов и когда именно их динамика и территориальное перераспределение "вершат делами" производства, выравнивание экономических условий хозяйствования названными методами не может быть достигнуто. Вопрос же о том, что именно послужило критерием для начисления надбавок, имеет в этом случае второстепенное значение.

На наш взгляд, целесообразность искусственно поддерживать существование хозяйств, где урожаи на протяжении длительного времени держатся на уровне конца прошлого века, где коров доят шефы и спецконтингент, а размеры зарплаты превышают объем валовой продукции, более чем сомнительна.

Действительному выравниванию стартовых условий отвечают меры более высокого ранга — сбалансированное по ресурсам территориальное планирование, в частности выбор рациональной специализации и формы организации производства. Только отмена ценовых дотаций и переход к действительно полному хозяйственному расчету³¹ послужат восстановлению нарушенных ресурсных соотношений в сельском хозяйстве Нечерноземья и тем самым снимут одно из основных препятствий на пути его ускоренного развития. Тот факт, что это может произойти на уменьшенном массиве земель, не должен вызывать опасения.

³⁰ Известия. 1988. 18 янв.

³¹ Знаменательно, что отмена дифференцированных надбавок стала одним из первых экономических мероприятий в Пыталовском районе Псковской обл. — этом опытном полигоне арендного подряда в Нечерноземье.

Земля Нечерноземья — национальное достояние. Она свидетель и участник многовековой истории народа, сам характер которого несет на себе отпечаток необъятных просторов. В таком культурно-историческом аспекте количественная оценка земли лишена балансового смысла: ее не может быть ни много, ни мало, а лишь столько, сколько есть.

Иное дело — экономическая оценка. "Представим себе, — писал А.И. Анчишкин, — что мы имеем дело с современным сельским хозяйством, где имеется определенное количество обрабатываемой земли, рабочей силы и техники и т.д. В своем сочетании эти факторы производства дают определенный объем продукции. Предположим, что происходит при прочих равных условиях сокращение земельных угодий. Это не останавливает пока процесса производства, и уменьшение земельной площади компенсируется ростом урожайности. Однако сокращение земельной площади ниже какого-то предела уже не позволяет использовать весь объем имеющихся факторов производства, так что часть рабочей силы, ...основных фондов... оказывается просто лишней... Возможна ситуация, когда происходит расширение земельной площади при стабильности других факторов. Здесь также вначале действует эффект замещения. Происходит распределение факторов производства на большей земельной площади, усиливается экстенсивный характер земледелия, но все факторы взаимодействуют в своем полном объеме, хотя урожайность падает. Однако при дальнейшем расширении обрабатываемой земли наступает ...предел, когда прочих факторов производства уже не хватает для культивации всей земли..." [Анчишкин, 1973. С. 60, 61].

Специалист, знакомый с ситуацией, сложившейся на конкретной территории, сразу отыщет ее место "в пространстве" между описанными крайними ситуациями. Так, в Нечерноземной зоне площадь угодий медленно, а численность занятых в сельском хозяйстве довольно быстро сокращается, стоимость же основных фондов быстро растет. При таком соотношении темпов и направлений динамики факторов производства часть из них, как и в теоретическом примере А.И. Анчишкина, оказывается недоиспользуемой. На первый взгляд, виноваты здесь тенденции размещения населения, наложившие ресурсное ограничение на развитие сельского хозяйства Нечерноземья. В действительности же корень зла в административной системе управления экономикой, один из пороков которой — неумение предвидеть решение проблем хотя бы по мере их возникновения, а другой — малоэффективная трата усилий на блокирование объективных процессов общественного развития.

В то же время было бы наивным полагать, что одно лишь провозглашение нового хозяйственного механизма способно автоматически решить территориальную проблему или хотя бы снизить ее остроту.

Во-первых, между декларацией намерений и их реальным воплощением лежит дистанция, на момент завершения этой книги еще не пройденная. Во-вторых, у распространения передового социального опыта есть стойкая закономерность, впервые изученная шведским географом Т. Хегерстрандом: нововведения быстрее всего усваиваются в зонах контакта с их инициаторами. Видимо, именно поэтому семейные фермы и коллективы, работающие на арендном подряде, на сегодняшний день лучше всего прижились там, где и старые формы организации труда давали относительно неплохой результат. В Нечерноземье это главным образом пригородные зоны, а в целом по европейской территории страны — республики Прибалтики. С другой стороны, текущая печать буквально переполнена сообщениями из "глубинки", в которых рассказывается о враждебном отношении к новым формам организации производства со стороны руководителей тех районов, где они необходимы более всего³². К тому же малолюдье и долговременный социальный отбор мигрантов привели к тому, что в самих периферийных хозяйствах желающих взять на подряд несколько десятков гектаров земли зачастую просто физически нет.

И все же можно предположить, что названные препятствия преодолимы — при условии, конечно, явного и полного их осознания.

На наш взгляд, существует несколько путей уменьшения остроты территориальной проблемы, дифференцированных по степени их кардинальности и не исключающих друг друга.

Первый и наименее радикальный путь — это совершенствование специализации производства. Сюда относятся: изъятие из производственных планов тех трудо- и фондоемких культур (картофель, лен, кормовые корнеплоды), которые заведомо ставят периферийные хозяйства в положение хронически отстающих; освоение наименее трудоемких зернотравяных севооборотов без пропашных культур, концентрация молочного поголовья преимущественно в пригородных хозяйствах. Часть малопродуктивных пашен в периферийных хозяйствах при этом целесообразно превратить в долголетние культурные пастбища. За счет усиления полевого и лугового кормопроизводства в этих хозяйствах можно увеличить выращивание мясного скота³³.

³² Так, "Известия" 4 июля 1988 г. поместили письмо председателю Любытинского райисполкома Новгородской обл., отказавшемуся даже прописать ленинградцев, захотевших организовать кооператив на заброшенных землях; "Комсомольская правда" 12 июня 1988 г. сообщила об аналогичной реакции на инициативу в Великолукском районе Псковской обл., расположенном неподалеку от Пыталовского.

³³ Повышение удельного веса пригородов в поголовье скота, в производстве картофеля и корнеплодов, по сути дела, происходит уже давно, так что может показаться, что ратующий за это ломится в открытую дверь. Дело, однако, в том, что происходит это во многом стихийно, вопреки традиционным установкам на закрепление той специализации производства, которая сложилась при качественно иной демографической обстановке.

Второй путь — это аренда плохо используемых земель периферийных хозяйств высокорентабельными "пригородниками" с целью организации кормовых цехов. Аренда в данном случае является организационно-экономической формой территориального разделения труда между пригородом и периферией и основанной на нем кооперации. Для такой кооперации имеются объективные предпосылки. Напомним, что в высокоразвитых пригородных зонах очень высока плотность коров (в ближнем Подмосковье — свыше 100 коров на 100 га сельхозугодий). Чтобы прокормить этот скот, на 80% посевных площадей высаживают корма. Высокий уровень интенсивности молочного животноводства на пригородных фермах экономически оправдывает, помимо доставки транспортабельного зернового фуража — главного компонента концентрированного корма, и перевозки кормов других видов, тем более что естественных кормовых угодий в пригороде мало, а доля трав в севооборотах как ни велика, а все же ограничена необходимостью выращивать трудо- и фондоемкие культуры. И вот отдельные хозяйства сами, еще до перестройки, нашли многообещающий выход из положения.

Обстоятельнее других изучен опыт колхоза им. Ленина Люберецкого района Московской обл. Этот колхоз в 1975 г. уже было прекратил свое существование из-за того, что большая часть его земель вошла в городскую черту. Вскоре он, однако, не только был воссоздан на новом месте (близ Лыткарина), где ему выделили 500 га, но и вышел с ходатайством в Мособлисполком о выделении и закреплении за ним земли в любом районе Московской области. Арендованные колхозом в 1983 г. в Ступинском районе 790 га земель оказались, по существу, бросовыми: из-за неблагоприятного транспортного положения и недостатка кадров местный совхоз долгое время не имел возможности уделять им внимание. Результаты первого же года освоения бросовых земель (1984 г.) обнадеживали: было получено 700 т сена, 4 тыс. т силоса, более 2 тыс. т зеленой массы; урожайность кукурузы на силос составила 630 ц/га, зерна 37 ц/га. Примерно 1/5 посевной площади было отведено под картофель, место которого близ центральной усадьбы заняла кормовая свекла.

Так усилиями преуспевающего пригородного колхоза на периферийных землях создана высокопродуктивная кормовая база пригородного животноводства. Впоследствии колхоз обратился с ходатайством о прирезке ему еще 300—500 га. Важно подчеркнуть, что приобретенные земли — не просто кормовой придаток развивающейся молочной отрасли; здесь силами колхоза ведется и большое непроизводственное строительство.

К прогнозированию изменений в территориальной организации отдаленно взятой отрасли в принципе можно подходить с двух позиций. Во-первых, с позиций внутриотраслевых технологических нововведений, во-вторых — с точки зрения ресурсной ситуации, детерминированной извне данной отрасли. Несомненно, что оба подхода имеют как свои достоинства, так и недостатки. Тем существеннее отметить, что есть область совпадения оценок, полученных с помощью

этих отличных друг от друга и в известном смысле противоречащих друг другу аналитических установок.

Так, А.Н. Ракитников, исходя из первой из них, выявил "противоречие между решением вопросов такой территориальной организации кормовой базы, которая позволяет производить каждый вид корма с наименьшими затратами, и таким решением, которое оказывается оптимальным для организации следующей стадии производственного процесса — для наиболее эффективного превращения кормов в конечные продукты животноводства" [Ракитников, 1978. С. 139]. А.Н. Ракитников наметил периодизацию способов преодоления этого противоречия, укладывающихся в три этапа. По его оценке сельское хозяйство нашей страны находится в начале третьего этапа, содержание которого составляет перевод животноводства на промышленную основу, в частности, посредством территориальных разрывов производственного цикла, то есть постадийной специализации. Наиболее перспективным способом организации кормовой базы, характерным для этого этапа, считается перевозка кормов из одних хозяйств в другие. В дальней перспективе, подчеркивает автор, более резко дифференцируются территории, где основную часть растениеводческой продукции будут составлять корма, и другие территории, где будут выращиваться отдельные товарные культуры.

Прогнозируемая картина в общих чертах совпадает с теми изменениями в территориальной структуре сельского хозяйства, которые вытекают из динамики его ресурсной ситуации. Разница видится лишь в том, что постадийная специализация, по Ракитникову, вызывается к жизни не столько социально-экономическими, сколько природными отличиями территорий. Однако здесь трудно усмотреть противоречие, ибо в конечном счете разделение труда служит откликом на всю совокупность территориально дифференцированных предпосылок хозяйствования. Другое дело, что в рамках зональных (и тем более провинциальных) единиц физико-географической таксономии реальный производственный эффект выгодного транспортного положения по отношению к городу сегодня превосходит аналогичный эффект повышенного естественного плодородия.

Третий путь смягчения остроты территориальной проблемы — это перевод периферийных хозяйств на арендный подряд или на "микрокооперативную" форму организации труда. Эти формы организации способны вдохнуть жизнь во многие деревни, по-видимому, лишь при условии широкой мобилизации бывших сельских жителей, не всегда удачно адаптировавшихся в городах. При продуманной рекламе и, главное, взаимовыгодных типовых договорах о семейном подряде, заключаемых с областным агропромышленным объединением, многие из мигрантов вернулись бы в село. Собственно, процесс этот начался еще до массового заключения таких договоров. Однако, как показывают наблюдения, возвращенцы селятся все же в более доступных по отношению к городу местах, нежели те, из которых они (или их родители) в свое время выбыли. Возможно, что в связи с этим договоры о семейном подряде должны предусматривать более льготный режим

выплачивания ссуды и другие льготы для переселения в наиболее отдаленные деревни. Такая мера ничуть не менее оправдана, чем северный коэффициент к зарплате.

На наш взгляд, прямым позитивным следствием распространения аренды в сельском хозяйстве станет к а ч е с т в е н н о е обновление рабочей силы (за счет людей с неподавленной предприимчивостью), а отнюдь не рост общего числа работников.

Смягчение же территориальных контрастов может стать лишь побочным следствием реформы экономических отношений. Будучи фактором повсеместного действия, реформа снимет искусственные ограничения экономического роста, т.е. изменит "прочие равные условия", тогда как социальное неравенство, вытекающее из различий в транспортной доступности города, непосредственно не затронет. Следовательно, можно ожидать, что и производственные эффекты этого неравенства не исчезнут, а просто воспроизведутся на новом уровне. Если же внедрение составляющих хозяйственного расчета будет осуществляться, как это имеет место сейчас, разными темпами — ускоренными в пригородных зонах и замедленными на периферии, то существующие контрасты возрастут еще больше.

Четвертый путь открыт Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР "Об использовании пустующих жилых домов и приусадебных участков, находящихся в сельской местности" (июль 1987 г.). Масштабы и последствия реализации этого постановления, по-видимому, еще в должной мере не оценены. Географические сдвиги в сельском хозяйстве Нечерноземья и в сфере рекреации на протяжении последних десятилетий носили встречный характер: центростремительные в сельском хозяйстве и центробежные в рекреационном использовании территории. Правда, в последнем случае пока не было столь динамичной перестройки территориальной структуры. Однако тенденции выхода массового отдыха в межагломерационные пространства, в глубинку проявились уже достаточно давно. Причем, как и территориальные сдвиги в сельском хозяйстве, эта тенденция дает о себе знать не в результате управляющих воздействий (т.е. стимулов, направленных на достижение запланированного результата), а, скорее, вопреки им.

Признаками центробежных сдвигов в рекреационном использовании территории служат:

перемещение внешних границ ареала мест пригородного отдыха; так, в Подмоскovie, по данным Ю.А. Веденина [1982], эта граница переместилась за 50 лет (1920—1970 гг.) более чем на 70 км от Москвы, двигаясь со средней скоростью 1,5 км/год;

все более массовое использование в качестве вторых жилищ наследуемых домовладений в сельской местности, покупка сельских домов, распространение отдыха у сельских родственников, приводящие к возникновению рекреационно-сельскохозяйственных и чисто рекреационных сельских поселений.

Рост масштабов сезонного отдыха на селе может быть констатирован лишь по результатам полевых наблюдений. Ввиду того что

правовое положение вторых жилищ в сельской местности до последнего времени не было определено, никакой официальной статистикой соответствующая форма отдыха не учитывается. Тем больший интерес представляет, на наш взгляд, обработка данных выборочных обследований.

Одно из таких обследований было проведено Г.М. Фингером в Фировском районе Калининской обл. (1984 г.), а результаты интерпретированы совместно с автором настоящей книги [Июffe, Фингер, 1987]. Фировский район — классическая сельская глубинка, равноудаленная от Москвы и Ленинграда, а в пределах Калининской области от Бологого и Осташкова. За десять лет, предшествовавших обследованию, естественная убыль составила 2/3 общего сокращения населения в районе. Общая численность дачников на момент обследования слегка превышала численность постоянного населения, при этом рекреационные жилища, т.е. дома, занятые только дачниками, составляли лишь 1% к общему числу дворов. Для отдельных деревень соотношение дачников и постоянных жителей колеблется от 1:3 до 3:1, а доля рекреационных жилищ — от 0 до 100%. Минимальная рекреационная нагрузка (по отношению к постоянному населению) приходится на промышленный поселок с молодым населением, состоящим в основном не из местных уроженцев и проживающим в пятиэтажных городских домах. Наблюдения выявили устойчивость пропорций между постоянным и сезонным населением для деревень, относящихся к одной и той же стадии эволюции (см. табл. 25).

Деревни, прекратившие существование как стационарные населенные пункты, располагаются, как правило, на периферии сельсоветов. В сочетании с наблюдениями за сельским хозяйством обследованных районов это говорит о том, что и в пределах сельских территориальных общностей низового уровня тенденции развития сельского хозяйства и рекреации носят в территориальном плане встречный характер: рассредоточение рекреационного и концентрация сельскохозяйственного землепользования. При этом для многих периферийных деревень обслуживание рекреантов приобрело значение отрасли специализации. Это утверждение хорошо иллюстрируется данными учета числа условно занятых в указанной сфере, т.е. числа работников, необходимых для обслуживания имеющихся отдыхающих по нормативам турбаз. Достаточно сказать, что в обследованных деревнях рассчитанный таким образом удельный вес рекреационного обслуживания как отрасли специализации превышает 50% в балансе труда. Величина данного показателя также находится в тесной зависимости от принадлежности деревни к той или иной стадии эволюции.

Наиболее очевидный эффект рекреационного освоения периферийных деревень состоит в "достраивании" их возрастно-половой пирамиды до демографически нормального или приближающегося к нему вида (если считать нормой сосуществование трех поколений и превышение числа детей над числом стариков). Другие эффекты рекреационного освоения заключаются: а) в помощи, оказываемой

дачиками постоянным жителям в ведении личного подсобного хозяйства; б) в самообеспечении горожан отдельными видами продовольствия; в) в распространении отдельных, в том числе и сугубо аграрных нововведений, например сортовой рассады земляники, семян, овощных культур, предметов домашнего обихода; г) в оказании квалифицированных услуг местному населению (в зависимости от профессиональной специализации и навыков рекреантов, например медицинских услуг, услуг по ремонту бытовой техники и т.д.); д) в сборе разнообразных даров леса, большая часть которых, не будь городских рекреантов, просто не дошла бы до потребителя.

Показательно, что мощность личного подсобного хозяйства находится в прямой пропорциональной зависимости от числа родственников в малых городах и в обратно пропорциональной зависимости от наличия родственников в Москве или Ленинграде.

Особо следует отметить услуги, оказываемые дачникам местным населением. Это в первую очередь услуги родственникам: предоставление жилья, продукции личного подворья, уход за детьми. Для владельцев вторых жилищ важен тот факт, что местные жители присматривают за их домами зимой. Для автомобилистов важна возможность оставить под присмотром автотранспорт, в связи с чем многие сельские подворья превращаются в платные автостоянки. Распространяются прокат лодок и лодочных моторов, услуги проводников к грибным и ягодным местам. В некоторых деревнях источником дополнительных доходов для населения стала продажа рекреантам молока, картофеля, грибов, ягод, рыбы.

Думается, нужно всячески способствовать тому, чтобы судьба горожанина в деревне избежала тех крутых поворотов, которые оказались характерными для истории отношения к личному подсобному хозяйству сельского населения. Важно осознать, что для многих глубинных районов упрочение позиций рекреационного землепользования — едва ли не единственная возможность сохранить и эффективно использовать существующую инфраструктуру и жилой фонд. Сохранение малых деревень и пешеходных троп к ним позволит предотвратить выбытие из сельскохозяйственного оборота все новых массивов земель и сохранить для потомков культурный ландшафт Русской равнины.

Положительные эффекты регулируемого притока горожан в деревни намного превосходят возможные негативные последствия. В целях разумного регулирования этого процесса представляется необходимым ввести в практику планирующих органов учет сезонных колебаний населения, создавать территориальные объединения (кооперативы) владельцев вторых жилищ, обусловлив членство в них внесением трудового или материального вклада на нужды территории, на которой это объединение функционирует. Целесообразно стимулировать заключение хозяйственных договоров между сезонным населением и сельскохозяйственными предприятиями (на откорм молодняка, птицы, кормодобывание). При условии широкого распро-

странения семейного и личного подряда в сельском хозяйстве глубинных районов целесообразно использование тех же организационных форм для снабжения продуктами первой необходимости нуждающихся в этом рекреантов.

Указанные пути снижения остроты территориальной проблемы не предусматривают коренного изменения типа использования земель. Но масштабы запустения столь велики, что даже мобилизация всех перечисленных факторов восстановления контроля над территорией может оказаться недостаточной. Поэтому до известных пределов представляются оправданными целенаправленные изменения функционального назначения периферийных земель.

Существуют два направления изменений такого рода.

Первый — это создание специальных заповедников, реализующих научные программы биологизации производства. "Современное сельское хозяйство, — пишет Б.Б. Родоман, — во многом подражает обрабатывающей промышленности с ее четкой специализацией, цехами и поточными линиями. В то время как в промышленности и строительстве намечается бионизация — подражание конструкциям и процессам, осуществляющимся в живых организмах, сельское хозяйство еще тянется за вчерашним днем промышленного производства... С одной стороны, необходима дальнейшая интенсификация сельского хозяйства, обеспечивающая массовое поточное производство стандартных и дешевых продовольственных товаров в небольшом ассортименте, но в громадном количестве при возрастающей роли пищевого синтеза... С другой стороны, неизбежна поликультуризация земледелия и животноводства, разведение полудиких животных в многовидовых стадах, выращивание сложных агробиоценозов, возврат на научной основе к собирательству... Эта вторая сторона биопроизводства будет снабжать людей пищевыми продуктами, быть может, более дорогими, но зато разнообразными, более вкусными и витаминными" [Родоман, 1984. С. 155—156].

При нынешней продовольственной ситуации все это, возможно, отдает некоторой фантастикой. Однако уже сегодня сельское хозяйство развитых стран начало развиваться в направлении "возврата к природе". Уже имеются тысячи ферм, на которых исключено всякое применение не только пестицидов, но и минеральных удобрений. Перед сельским хозяйством ФРГ всерьез поставлена задача экстенсификации [Deenen van, 1986].

По-видимому, на этапе освобождения экономики от пут административной системы было бы разумно не только следовать за вчерашними образцами, но и готовить прорывы на тех направлениях, которые сегодня признаны прогрессивными во всем мире. Возможно, было бы целесообразным сделать отдельные районы Нечерноземья ареной международного сотрудничества в области бионизации сельского хозяйства.

Второе направление предусматривает более резкое изменение функционального назначения периферийных земель. Речь идет о создании современного лесозенергетического хозяйства. С конца 70-х

гг. в США, Канаде, Великобритании, Ирландии, Финляндии, Швеции, а также в ряде развивающихся стран ведутся интенсивные опытные работы по выращиванию промышленных плантаций гибридного тополя — ценного и перспективного энергетического и целлюлозно-бумажного сырья. В плане энергетики выращивание этих плантаций знаменует собой возврат к древесному топливу на новом качественном уровне. Уже имеются первые электростанции и ТЭЦ, работающие на древесном топливе. Наиболее детально, в том числе и в аспекте экономической эффективности, изучены две системы возделывания: "35К" — по 35 тыс. растений на гектар (в квадрате 1х1м каждое) с двухлетней ротацией и "4К" — по 4 тыс. растений на гектар (каждое в квадрате 1,5х1,5 м) с двухлетней и с пятилетней ротацией. При системе "35К" урожай двухлетней тополиной поросли (около 16 т/га в пересчете на сухой лес) снимается модифицированным кукурузоуборочным комбайном. Цикл возделывания на одном участке составляет 3—5 ротаций.

Характерно, что канадские специалисты считают наиболее пригодными для разведения гибридного тополя депрессивные районы "отступающего" сельского хозяйства. В одном из таких районов, в северо-восточной части Онтарио, площадь под плантациями уже в 1982 г. составляла 61 тыс. га, причем создание лесозащитного хозяйства в районе было финансировано из межминистерского фонда государственной помощи депрессивным районам [Cocklin, Lonergan, 1989].

Помимо опыта выращивания и использования искусственных лесонасаждений, в мировой практике накоплен опыт утилизации в энергетических целях приземного естественного растительного покрова и кустарников. В этом случае биомасса после микробиологического сбраживания превращается в топливный газ. Особенно интенсивные работы в этом направлении ведутся на Аляске силами небольших энергетических кооперативов.

Не исключено, что в условиях Нечерноземья с его огромными масштабами залесенных и закустаренных кормовых угодий более актуальным окажется использование приземного растительного покрова в качестве сырья для производства целлюлозы. Большую помощь здесь может оказать пристальное изучение зарубежного опыта и распространение различных форм производственной кооперации, работающей на началах "неурезанного хозрасчета" и возвращения кредиту его естественной экономической функции. Развитие кооперативных форм производства усилит децентрализацию самой практики принятия экономических решений, что неизбежно будет по-своему способствовать переходу к следующей стадии эволюции расселения, для которой характерна демографическая активизация районов с нецентральной позицией, вплоть до самых глубинных.

ВЫВОДЫ

1. Территориальная проблема состоит в относительной избыточности земельно-ресурсной базы хозяйствования по сравнению с возможностями заселения и эффективного ведения сельского хозяйства. Непосредственным проявлением территориальной проблемы служит существование большого числа убыточных периферийных предприятий.

2. Территориальная проблема возникла как результат закономерной невозможности обеспечить контроль за распределением всех видов ресурсов административными рычагами. Наименее подконтрольными оказались изменения в размещении демографических ресурсов, т.е. населения.

3. Современные изменения в размещении сельского населения отражают одну из фаз эволюции расселения. Ее характерным признаком служит ускоренный рост крупных городов и сосредоточение все большей части сельского населения в зонах их влияния, а также в зонах влияния других административных центров (пропорционально их районообразующей силе).

4. Принципиально важно, что указанная фаза эволюции расселения была пройдена всеми индустриально развитыми странами и регионами. Специфика нашей страны заключается, таким образом, не в поляризации пространства, не в депопуляции сельской местности и забрасывании периферийных сельскохозяйственных земель, а в том, как реагирует на эти процессы экономическая система (стремящаяся всячески блокировать неизбежные изменения в территориальной структуре сельского хозяйства). Это реакция проявляется, с одной стороны, в лишении высокорентабельных хозяйств возможностей свободно использовать прибыль, с другой, — в установлении режима экономического иждивенчества для нежизнеспособных предприятий. Реальное своеобразие Нечерноземья связано со значительными междугородными расстояниями, скромным распространением ареалов высокоурбанизированной среды и, следовательно, повышенной социально-культурной изоляцией села, с более широким проявлением упадка традиционных форм сельского расселения по сравнению с другими странами и регионами.

5. Для определения путей снижения остроты территориальной проблемы в сельском хозяйстве Нечерноземья необходимо руководствоваться мировым опытом при обязательном учете экономико-географической специфики региона.

- Агафонов Н., Гарабцов В., Калиновский Н. Экономико-демографическая обстановка в сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР // Нечерноземье: Демографические процессы. М.: Статистика, 1977. С. 37—45.
- Агроприродное и сельскохозяйственное районирование Нечерноземной зоны европейской части РСФСР // Под ред. Н.А. Гвоздецкого, К.В. Зворыкина. М.: Изд-во МГУ, 1987. 270 с.
- Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология. М.: Мысль, 1977. 200 с.
- Алаев Э.Б. Основные проблемы развития Нечерноземной зоны РСФСР // Проблемы совершенствования территориальной структуры экономики РСФСР. М.: СОПС при Госплане СССР, 1987. С. 128—135.
- Алексеев А.И. Экономико-географическое изучение и прогнозирование сельского расселения: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ, 1975. 34 с.
- Алексеев А.И., Зубаревич Н.В., Регент Т.М. Опыт изучения эффективности сселения жителей сельских населенных пунктов в Нечерноземной зоне РСФСР // Вестн. МГУ. Сер. 5, География. 1980. №1. С. 97—100.
- Анчишкин А.И. Прогнозирование роста социалистической экономики. М.: Экономика, 1973. 294 с.
- Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971. 372 с.
- Ахнезер А.С. Научно-техническая революция и некоторые социальные проблемы производства и управления. М.: Наука, 1974. 310 с.
- Ахнезер А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вopr. философии. 1969. №2. С. 43—53.
- Баранский Н.Н. Генерализация в картографии и в географическом текстовом описании // Н.Н. Баранский. Научные принципы географии. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 52—84.
- Барышев А.Д. Подмосковье — край новостроек. М.: Моск. рабочий, 1976. 111 с.
- Беленький В.Р. Основы совершенствования сельского расселения Нечерноземной зоны // Нечерноземье: Демографические процессы. М.: Статистика, 1977. С. 20—37.
- Беленький В.Р. Проблемы агроиндустриальных поселений. М.: Мысль, 1979. 184 с.
- Беленький В.Р. Проблемы и направления совершенствования сельского расселения // Вopr. географии. М.: Мысль, 1986. Вып. №129. С. 169—184.
- Веденин Ю.А. Динамика территориальных рекреационных систем. М.: Наука, 1982. 190 с.
- Вильцин И.И. Влияние местоположения на уровень хозяйствования колхозов. М.: Экономика, 1974. 100 с.
- Воейков А.И. Распределение населения Земли в зависимости от природных условий и деятельности человека // Изв. Русского Императорского географического общества, 1906. Т. 11, вып. 5. С. 649—783.
- Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин: КГУ, 1983. 128 с.
- Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин: КГУ, 1985. 140 с.
- Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин: КГУ, 1987. 107 с.
- Вылцан М.А. Советская деревня накануне Великой Отечественной войны. М.: Политиздат, 1970. 200 с.
- Глушкова В.Г., Барбаш Н.Б. Процессы поляризации расселения в Московском столичном регионе: взаимодействие центра и периферии // Московский столичный регион: Взаимодействие структурных элементов. М.: МФГО, 1983. С. 42—55.
- Головин В.С. Итоги работы по подъему Нечерноземья в 1976—1978 гг. Саранск: Мордов. гос. ун-т, 1979. 33 с.
- Гольц Г.А. Анализ и классификация распределения трудовых поездок населения по дальности в городах и пригородных зонах // Вопросы развития транспортной сети СССР. М.: ИКТП при Госплане СССР, 1968. С. 41—65.
- Гребенников В.Г. Производительность труда и фондоотдача: аспекты экономической эффективности производства // Тр. ВНИИСИ. 1985. №1. С. 8—23.
- Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: Население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 316 с.
- Жихаревич Б.С., Карелина И.А. Миграция сельского населения в города // Расселение населения и размещение производства. М.: Наука, 1988. С. 25—37.
- Жуковская В.М., Мучник И.Б. Факторный анализ в социально-экономических исследованиях. М.: Мысль, 1983. 152 с.
- Зайончковская Ж.А. Размещение населения и региональные пропорции занятости // Особенности и проблемы размещения производительных сил СССР в период развитого социализма. М.: Наука, 1980. С. 223—233.
- Зайончковская Ж.А. Некоторые направления эволюции расселения // Региональное развитие и управление. №5: Достижения и перспективы. 1985. Вып. 52. С. 43—51.
- Зайончковская Ж.А. Демографическая ситуация и расселение // Вопросы географии. М.: Мысль, 1986. Вып. 129. С. 52—61.
- Зайцев Д.А. Динамика использования сельскохозяйственных угодий Новгородской области // Территориальные взаимосвязи хозяйства и природы. М.: ИГ АН СССР, 1990. С. 338—356.
- Игудина А.И. Социально-географические факторы динамики сельского населения на территории Нечерноземной зоны РСФСР (1959—1979): Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М.: ИГАН, 1982. 36 с.
- Игудина А.И., Иоффе Г.В. Социально-географические факторы динамики сельского населения на территории Нечерноземной зоны РСФСР (1959—1979 гг.) // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1985. №5. С. 67—80.
- Иоффе Г.В. Региональные предпосылки концентрации сельскохозяйственного производства // Изв. АН СССР. Сер. экон. 1983. №2. С. 81—92.
- Иоффе Г.В. Изучение географии сельского хозяйства в зоне влияния крупнейшего города // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1984. №1. С. 63—72.
- Иоффе Г.В. Нечерноземье: Социальная география и хозяйство. М.: Знание, 1986. 48 с.
- Иоффе Г.В. Управление расселением: Возможности и ограничения // Методы управления расселением. М.: ИГ АН СССР, 1987. С. 181—195.
- Иоффе Г.В. Сельское хозяйство и социальный подъем в сельской местности // Вопросы географии. М.: Мысль, 1988. Вып. 131. С. 164—174.
- Иоффе Г.В., Нифедова Т.Г., Пинес Д.Г. Интенсификация сельского хозяйства на европейской территории страны: (Теоретико-методические подходы) // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1988. №1. С. 64—77.
- Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Районы старого освоения на этапе интенсификации производства // Географические проблемы интенсификации староосвоенных районов СССР. М.: ИГ АН СССР, 1989. С. 20—30.
- Иоффе Г.В., Фингеров Г.М. Сельское хозяйство и рекреация: Вопросы взаимоотношений // Территориальная организация производительных сил как фактор экономического развития. М.: ИГ АН СССР, 1987. С. 122—138.
- Итоги десятилетия советской власти в цифрах, 1917—1927. М.: ЦСУ СССР, 1928.
- Казанцева Г.В. Планирование организационной системы межселенного обслуживания в зонах влияния областных городов Центрального экономического района: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. М.: ЦНИИградостроительства, 1987. 27 с.
- Кибальнич А.О. Эволюция пригородного сельского хозяйства Московской области // География и природ. ресурсы. 1987. №4. С. 123—131.
- Кибальнич А.О. Особенности территориальной структуры пригородного сельского хозяйства: современные тенденции в СССР и за рубежом: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М.: ИГ АН СССР, 1987а. 20 с.
- Ковалев С.А. Сельское расселение. М.: Изд-во МГУ, 1963. 371 с.
- Козлов Г.С. Современные особенности

- внутрирайонной миграции // Социол. исслед. 1985. №3. С. 87—94.
- Козлов Г.С., Хасдан И.Г. Формирование и развитие Минского столичного региона // Экономико-географические проблемы развития столичных регионов. Новосибирск: ИЭОПП СО АН СССР, 1985. С. 56—71.
- Козлов Н.Т. Социально-экономические проблемы сельского хозяйства Московской области // Изв. ТСХА. 1974. №1. С. 120—130.
- Козлов Н.Т. Обновленная земля Подмосковья // От ленинского Декрета о земле. М.: Россельхозиздат, 1977. 184 с.
- Колесников П.А. Миграция северного крестьянства в XVI — начале XVIII вв. // Материалы по истории европейского севера СССР. Вологда: Кн. изд-во, 1970. Вып. 1. С. 353—374.
- Комарова В.Н., Литвинов И.И. Влияние транспортного фактора на динамику численности сельского населения Удмуртской АССР // Географические проблемы транспорта. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. С. 32—45.
- Крючков В.Г. Использование земель и продовольственные ресурсы. М.: Мысль, 1987. 231 с.
- Кутяфьева Э.С., Москалева Н.И., Паленов К.В., Трудова М.Г. Миграция сельского населения Центрального экономического района. М.: Изд-во МГУ, 1971. 123 с.
- Куюмбель Т. Стадиальная концепция урбанизации: методология и методы анализа // Методы изучения расселения. М.: ИГ АН СССР, 1987. С. 82—99.
- Куюмбель Т., Роозве Р. О методологии стадиальной концепции в георбанистике // Исследование методологических проблем географии в Эстонской ССР. Таллинн: Эст. геогр. о-во, 1987. С. 75—82.
- Ламанский В.И. Три мира Азийско-европейского материка // Славянское обозрение. 1892. Т. 1, №1. С. 19—41; №2. С. 145—173; №3. С. 297—328.
- Лалло Г.М. Развитие городских агломераций в СССР. М.: Мысль, 1978. 152 с.
- Лейзерович Е.Е. О процессе территориальной концентрации населения (на примере РСФСР) // Изв. ВГО. 1979. Вып. 3. С. 233—238.
- Лола А.М., Салина Т.М. Закономерности и перспективы преобразования сельского расселения Нечерноземной зоны РСФСР // Изв. АН СССР. Сер. геогр. №1. С. 77—89.
- Лухманов Д.Н. Локальные особенности динамики сельского населения в районах // Изв. АН СССР. Сер. геогр. старого расселения 1990. №2. С. 82—91.
- Маковский Д., Морыганов А. Социалистическая перестройка хуторской деревни. Смоленск: Запгиз, 1936. 181 с.
- Марков Е.М., Бутузова В.Н., Мусатов В.В., Таратынов В.А. Градостроительные основы развития малых населенных мест Нечерноземной зоны РСФСР. М.: Стройиздат, 1984. 250 с.
- Маслов П. Развитие сельского хозяйства в России. СПб., 1903. 496 с.
- Мерлен П. Город. М.: Прогресс, 1977. 262 с.
- Милосердов В.В., Беспехотный Г.В. Региональное планирование развития сельского хозяйства. М.: Экономика, 1982. 208 с.
- Минц А.А. Центральный район. М.: Географгиз, 1962. 119 с.
- Оценка земли и ее использование в планировании и экономическом стимулировании / Под ред. М.Л. Бронштейна. М.: Экономика, 1984. 105 с.
- Панков Б.П. Проблема сельского расселения - комплексное решение // Экономика сельского хозяйства. 1985. №10. С. 19—29.
- Переведенцев В.И. Миграция сельского населения и развитие сельскохозяйственного производства // Социол. исслед. 1983. №1. С. 54—61.
- Проблемы развития сельского хозяйства в Нечерноземной зоне. М.: Колос, 1967. 354 с.
- Пчелинцев О.С. Комплексный социально-экономический анализ урбанизации // Города и экология. М.: Мысль, 1987. №1. С. 66—71.
- Развитие сельских поселений / Под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. М.: Статистика, 1977. 295 с.
- Ракитников А.Н. География сельского хозяйства. М.: Мысль, 1970. 342 с.
- Ракитников А.Н. О сочетаниях отраслей в перспективных типах сельскохозяйственных районов // Вопросы географии. М.: Мысль, 1978. Вып. 107. С. 136—154.
- Родоман Б.Б. Пространственная концентрация антропогенных явлений // Уч. зап. Тартусского университета. 1981. Вып. 578. С. 54—60.
- Родоман Б.Б. Социально-экологический фундамент рациональной организации территории // География и природ. ресурсы. 1984. №1. С. 152—158.
- Родоман Б.Б. Роль теоретической географии в улучшении территориальной организации общества // Исследование методологических проблем географии в Эстонской ССР. Таллинн: Эст. геогр. о-во, 1987. С. 150—155.
- Семенов П.П. (Тян-Шанский). Значение России в колонизационном движении европейских народов // Изв. Императорского Русского Географического Общества. 1892. Т. 28, Вып. 4. С. 349—369.
- Социально-демографическое развитие села / Под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. М.: Мысль, 1980. 152 с.
- Стронгина М.Л. Социальное развитие села: Поселенческий аспект. М.: Агропромиздат, 1986. 211 с.
- Тархов С.А. Территориальная связность административных районов Московского столичного региона // Московский столичный регион: Взаимодействие структурных элементов. М., 1983. С. 68—81.
- Тревиш А.И. Территориальная организация хозяйства и населения, их связь с природными ресурсами и охраной среды // Географические аспекты взаимодействия хозяйства и окружающей среды. М.: ИГ АН СССР, 1987. С. 31—50.
- Тревиш А.И. Освоение территории и территориальная концентрация производительных сил: Взаимосвязь и роль в процессе интенсификации // Территориальная организация хозяйства как фактор экономического развития. М.: ИГ АН СССР, 1987а. С. 56—70.
- Ткаченко А.А. Демографическая ситуация в сельской местности Калининской области: Внутренние различия и место в Нечерноземье // Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин: КГУ, 1987. С. 4—14.
- Трубе О.А. Основные тенденции развития социальной инфраструктуры в хозяйствах различного уровня развития // Управление сферой общественного обслуживания и решения жилищной проблемы на селе: Тез. докл. науч.-практич. конф. Барнаул: ИЭОПП СО АН СССР, 1987. С. 32—35.
- Тюнен И.Г. Изолированное государство. М.: Экономическая жизнь, 1926. 326 с.
- Федулов С.В. Социально-географический анализ реконструкции "неперспективных" сельских населенных пунктов Московской области // Предплановые и проектные исследования расселения. М.: МФГО, 1987. С. 56—65.
- Филина В.Н. Взаимосвязь основных составляющих развития Москвы // Изв. ВГО. 1985. Т. 117, вып. 6. С. 53—59.
- Хорев Б.С. Территориальная организация общества. М.: Мысль, 1981. 320 с.
- Хорев Б.С. Вопросы совершенствования научно-технической политики в области развития сельских населенных мест // Демографическая ситуация и расселение в сельской местности РСФСР. М.: МФГО, 1986. С. 70—82.
- Челинцев А.И. Сельское хозяйство районов Европейской России как стадии сельскохозяйственной эволюции и культурный уровень сельского хозяйства в них. СПб., 1910. 228 с.
- Чигринов Г.А. Некоторые вопросы развития сельского хозяйства и производства Нечерноземной зоны РСФСР во второй половине сороковых-пятидесятых годов // История СССР. 1982. №4. С. 116—124.
- Чураков В.Я. Проблемы трудодефицитности хозяйства и занятости трудовых ресурсов села России // Кадры АПК в системе управления взаимодействием: Тез. докл. на научно-практической конференции. Барнаул: ИЭОПП СО АН СССР, 1987. С. 7—8.
- Шашко Д.И. Агроклиматические ресурсы СССР. Л.: Гидрометеониздат, 1985. 247 с.
- Ширгазин О.Р. Влияние миграции населения на пространственную структуру сельского расселения // Изв. АН. Сер. геогр. 1983. №2. С. 76—82.
- Энгельгардт Н.А. Письма из деревни. М.: Мысль, 1987. 637 с.
- Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика России и западно-европейских государств. СПб., 1878. Т.1; 1880. Т. 2.
- Alestalo J. On the concentration of population in Finland. Nordia, 1981. Vol. 15. P. 39—49.
- Andal M. The structure of Canadian agricultural production // Agricultural Institute's Review. 1968. Vol. 23, N 3. P. 23—28.
- Bicanic R. Turning points in economic development and agricultural policy. London: McMillan, 1965.
- Bourne L. On the future of urban areas; Challenges for research and public policy // Tijdschrift voor Econ en Soc. Geografie. 1986. Vol. 77, N 5. P. 408—416.

- Bourne L., Korcelli P., Warneryd O.* Emerging spatial configuration of urban systems: a review of comparative experience // *Geographia Polonica*. 1983. Vol. 47. P. 42-64.
- Bryant C.R., Rasswurm L.H., McLellan A.G.* The city's countryside. Land and its management in the rural-urban fringe. London, 1982.
- Caesar A.* Problems of regional planning in Great Britain // *Geographical studies*. 1961. N 25. P. 39-44.
- Cocklin C., Lonergan S.* The economics of forest energy plantations: an empirical enquiry // *Economic Geography*. 1986. Vol. 62, N 4. P. 354-372.
- Crewson D., Reeds L.* Loss of farmland in south-central Ontario from 1951-1971 // *The Canadian Geographer*. 1982. Vol. 26, N 4. P. 355-360.
- Dawson J.* Changes in agriculture to 1970 // *Econ. Council Canada. Staff-Study*. 1964 (1965). N 11.
- Deenen B. van.* Wies i rolnictwo r. 2001 // *Wies i rolnictwo*. 1986. N 3. S. 64-71.
- Eberhardt P.* Regiony wyludniajacy sie w Polsce. Wroclaw, 1989.
- Gibbs I.* The evolution of population // *Economic Geography*, 1963. Vol. 39. N 2. P. 18-32.
- Graham Ch.* Agricultural extension in the 1960's // *Span*. 1968. Vol. 11, N 2. P. 123-125.
- Falk R.* Urban Sweden. Goteborg, 1971. 320
- Hunek T.* Zarys teorii rozwoju wspolczesnego rolnictwa // *Wies i rolnictwo*. 1984. N 4. S. 5-24.
- Mooseley M.* The revival of rural areas in advanced economies: the review of some causes and consequences // *Geoforum*. 1984. N 15.
- Progress in geography. International reviews of current research.* London, 1971. Vol. 3. 301 p.
- Ruppert K.* Die Sozialbrache in Westdeutschland // *Agrarwirtschaft*. 1959. Vol. 8. N 3. S. 69-77.
- Varjo U.* Problems facing rural life in northern Finland // *Acta universitatis Ouluensis. Series A. Scientiae Rerum Naturalium*. N 63. *Geographica*. N 6. 1978. P. 79-87.
- Walles D.B.* British agricultural policy // *Time Rev.* 1964. N 2. P. 18-29.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1	
РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЫ РСФСР В СВЕТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОПОСТАВЛЕНИЙ	10
Глава 2	
СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЫ РСФСР: АНАЛИЗ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ	40
Глава 3	
ИЗМЕНЕНИЕ В ГЕОГРАФИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЫ РСФСР	86
Глава 4	
ПОЛОЖЕНИЕ В НЕЧЕРНОЗЕМЬЕ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА	119
ЛИТЕРАТУРА	158

CONTENT

INTRODUCTION	5
Chapter 1	
DEVELOPMENT OF AGRICULTURE IN RUSSIAN NONE-CHERNOZEM AREA	10
Chapter 2	
AGRICULTURE IN THE NONE-CHERNOZEM AREA: ANALYSIS OF REGIONAL DIFFERENCIES.....	40
Chapter 3	
CHANGES IN GEOGRAPHY OF RURAL POPULATION IN THE NONE-CHERNOZEM AREA	86
Chapter 4	
SITUATION IN THE NONE-CHERNOZEM AREA IN THE CONTEXT OF SOCIAL PROBLEMS AND INTERNATIONAL EXPERIENCE	119
REFERENCES	158

Научное издание

ИОФФЕ Григорий Викторович

**СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ:
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

*Утверждено к печати
Институтом географии АН СССР*

Зав. редакцией *А.М. Гладкова*
Редактор издательства *Н.А. Рагозина*
Художественный редактор *Н.Н. Михайлова*
Технические редакторы *Л.В. Русская, Г.И. Астахова*
Корректор *З.Д. Алексеева*

Набор выполнен в издательстве
на компьютерной технике

ИБ № 46709

Подписано к печати 26.06.90. Т — 05764
Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Сов. кириллица. Печать офсетная
Усл.печ.л. 10,5. Усл.кр.-отт. 10,4. Уч.-изд.л. 11,6
Тираж 500 экз. Тип. зак. 286. Цена 2 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука" 117864 ГСП-7
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
3-я типография издательства "Наука"
Москва, ул. Рождественка, д. 12/1